

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

АКАДЕМИЯ

**ФИЛИАЛ АМЕРИКАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ЮРИСТОВ В ТАДЖИКИСТАНЕ**

БЮРО ОБСЕ В ТАДЖИКИСТАНЕ

**ДАСТОВАРДҶО, ПРОБЛЕМАҶО ВА ДУРНАМОИ
ИНКИШОФИ ҚОНУНГУЗОРИИ МУРОФИАВИИ
ҶИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

**Маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ
(Душанбе, 03 декабри 2014 с.)**

**ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**Материалы международной научно-практической
конференции
(Душанбе, 03 декабря 2014 г.)**

**ДАСТОВАРДҲО, ПРОБЛЕМАҲО ВА ДУРНАМОИ ИНКИШОФИ
ҚОНУНГУЗОРИИ МУРОФИАВИИ ҶИНОЯТИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

**Маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ
(Душанбе, 03 декабри 2014 с.)**

**ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**Материалы международной научно-практической конференции
(Душанбе, 03 декабря 2014 г.)**

**ДУШАНБЕ
«ИРФОН»
2014**

ББК 67.99(2Точик)93+67.411

Д-26

Дастовардҳо, проблемаҳо ва дурнамои инкишофи қонунгузори муҳофизати ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон : маводи конференсия байналмилалӣ илмӣ-амалӣ. – Душанбе : «Ирфон», 2014. – 283 с.

Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан : материалы международной научно-практической конференции. – Душанбе : «Ирфон», 2014. – 283 с.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

САРМУҲАРРИР:

Зонров Дж.М. (Маджилзода Дж.З.) – начальник Академии МВД, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель Республики Таджикистан, действительный член Всемирной Академии наук комплексной безопасности, генерал-майор милиции (сардори Академии ВКД, доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор, Корманди шоистаи Ҷумҳурии Тоҷикистон, аъзои ҳақиқии Академии илмҳои умумҷаҳонии амнияти дастаҷамъӣ, генерал-майори милитсия).

МУОВИНИ САРМУҲАРРИР:

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Солиев К.Х. – муовини сардори Академияи ВКД, Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон, номзоди илмҳои ҳуқуқ, полковники милитсия (заместитель начальника Академии МВД, Заслуженный юрист Таджикистана, кандидат юридических наук, полковник милиции).

Узви ҳайати таҳририя:

Члены редакционной коллегии:

Шарифзода Ф.Р. – сардори Коллеҷи милитсияи ВКД, номзоди илмҳои ҳуқуқ, подполковники милитсия (начальник Колледжа милиции МВД, кандидат юридических наук, подполковник милиции);

Юлдошев Р.Р. – сардори шӯъбаи ташкилӣ-илмӣ ва таъбу нашр, дотсенти кафедраи муҳофизати ҷиноятии факултети № 2 Академияи ВКД, номзоди илмҳои ҳуқуқ, майори милитсия (начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела, доцент кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД, кандидат юридических наук, майор милиции);

Маджитов А.М. – ҳуқуқшиносеи филиали Ассоциатсияи ҳуқуқшиносони Амрикоӣ дар Тоҷикистон (юрист филиала Американской Ассоциации юристов в Таджикистане).

Дар маводи конференсия байналмилалӣ илмӣ-амалӣ суҳанҳои ифтидоӣ, маърузаҳо ва мақолаҳои илмӣ сардорони як қатор мақомотҳои қудратӣ, олимони варзидаи ҷумҳурӣ ва дигар давлатҳои аъзои ИДМ оид ба проблемаҳои актуалии илм ва амалияи муҳофизати судии ҷиноятӣ ҷамъоварӣ гардидаанд.

Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд. Барои мазмуни мақолаҳо ва маълумотҳои саҳеҳ муаллифонанон масъул мебошанд. Мақолаҳо дар таҳрири муаллифон нашр карда мешавад. Истинод ба сарчашма, муаллиф ва шумора ҳатмист.

В данном сборнике материалов международной научно-практической конференции представлены приветственные слова, выступления и научные статьи и доклады ведущих отечественных и других ученых государств-участников СНГ по актуальным проблемам науки и практики уголовного судопроизводства.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. Статьи публикуются в авторской редакции. При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна.

Д $\frac{1203021300 - 229}{M501(12) - 2014}$ – 2014

ISBN 978-99975-0-205-6

ББК 67.99(2Точик)93+67.411

© Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2014.

© Академия МВД Республики Таджикистан, 2014.

МУНДАРИЧА
СОДЕРЖАНИЕ

Программа конференции	8-12
Зоиров Ч.М. (Мақидзода Ч.З.) Сухани ифтитоҳӣ	13-14
Умарзода И.И. Сухани ифтитоҳӣ.....	15-16
Худоёрзода Б.Т. Приветственное слово.....	17-18
Абдуллозода Н. Сухани ифтитоҳӣ.....	19-22
Салимзода Ш.О. Нутқи табрикоӣ	23-24
Рубино Д. Сухани ифтитоҳӣ	25
Абдуллоев П.С. Конституционные основы международного сотрудничества в сфере уголовного процесса по выдаче и передаче лиц: сравнительный анализ	26-30
Александров А.С. Проблемы смешанной модели уголовно-процессуального законодательства	31-37
Александрова Л. А. Личное усмотрение и публичность уголовного судопроизводства в законодательстве России и Таджикистана	38-43
Алиева П.Х. Обеспечение потерпевшему права на защиту.....	44-49
Арипов А.Л. Действие конституционной нормы о состязательности в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан	49-52
Бабаджанов И.Х. Принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве	53-56
Беспалько В.Г. Развитие священных ветхозаветных представлений об истине в уголовном материальном и процессуальном законодательстве Республики Таджикистан	57-67
Бурмагин С.В. Злоупотребление правом на защиту в уголовном судопроизводстве Российской Федерации	68-72
Верещагина А.В. Инквизиционные аспекты действующего УПК Республики Таджикистан: некоторые вопросы	73-77
Гаврилов Б.Я. Актуальные проблемы современного досудебного производства России в XXI веке.....	78-85
Гридюшко П.В. Деятельность субъектов уголовного процесса по собираанию, проверке и оценке доказательств	86-95
Гловюк И.В. Уголовное производство в форме частного обвинения: опыт Украины по УПК 2012 г.	96-101
Дараган В.В. К вопросу об обстоятельствах, которые подлежат установлению и доказыванию при расследовании преступлений в сфере государственных закупок в Украине	102-107
Демичев А.А. Модель суда с народным представительством по уголовно-процессуальному кодексу Республики Таджикистан	108-111
Иваницкий С.А. Задачи адвокатуры в уголовном и иных видах юридических производств (по законодательству стран Европейского и Азиатского регионов).....	112-115
Ковальчук С.А. Основания признания вещественных доказательств недопустимыми в Модельном УПК и национальном уголовно-процессуальном законодательстве государств-участников СНГ	116-121
Косимов О.А. К вопросу об участии защитника при рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого в виде заключения под стражу	122-125

Луцик В.В. Проблемные аспекты негласного получения доказательств в уголовном процессе Украины.....	126-131
Маджитов А.М. Законодательные пробелы и практические трудности в обеспечении права на защиту	132-138
Нечаева В.А. Цифровая информация как источник доказательств в уголовном процессе Республики Беларусь	139-141
Османова Н.В. Реализация института подследственности в стадии возбуждения уголовного дела по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан	142-146
Остафийчук Г.В. Проведение негласных следственных (розыскных) действий в уголовном судопроизводстве Украины: элементы правовой основы.....	147-151
Пальчикова М.В. Эволюция понимания судебного решения в уголовно-процессуальном законодательстве России и стран СНГ	152-158
Парфёнов А.А. Проблемы недопустимости доказательств в уголовном процессе	159-167
Потапенко Н.П. Без права на ошибку.....	168-171
Пчелкин В.Д. Проблемы реформирования уголовно-процессуального законодательства Украины.....	172-177
Розовский Б.Г. Об экономии процедуры правосудия.....	178-184
Россинский С.Б. Возможные пути развития теории уголовно-процессуальных доказательств на постсоветском пространстве.....	185-192
Рябцева Е.В. Современные тенденции развития уголовного процесса России	193-196
Саидов Б. Актуальные проблемы обеспечения и реализации основных процессуальных прав участников уголовного судопроизводства	197-203
Славгородская О.А. К вопросу об интеграции в сфере обеспечения участия свидетелей в расследовании преступлений	204-209
Слинько С.В. Доказательства и доказывание по уголовному судопроизводству Украины	210-215
Солдатский В.В. Правовая регламентация сроков в стадии судебного рассмотрения уголовных дел	216-221
Францифоров Ю.В. Сравнительный анализ производства следственных действий ограничивающих конституционные права человека по УПК РТ и УПК РФ.....	222-225
Халиуллин А.И. Новеллы в уголовном судопроизводстве: информационный аспект.....	226-229
Халифазода М.Н. Актуальные проблемы соблюдения и обеспечения прав граждан при задержании и оптимизация данной процедур	230-237
Юлдошев Р.Р. Действие УПК Республики Таджикистан и анализ внесенных поправок.....	238-248
Юрчишин В.Д. Подсудность в уголовном производстве Украины как гарантия обеспечения права человека на компетентный суд: проблемы теории и практики	249-255
Резолюция конференции.....	256-258

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

ПРОГРАММА

3 декабря 2014 год

Место проведения: г. Душанбе, Белый зал «Душанбе - плаза» (4-этаж)

Рабочие языки конференции: таджикский и русский

Для официального освещения хода конференции в зале присутствуют представители средств массовой информации

	<i>Время</i>
Открытие конференции:	
МАДЖИДЗОДА Джурахон Зоир – начальник Академии МВД Таджикистана, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор милиции	08.25 – 08.30
Приветственные слова	
РАХИМЗОДА Рамазон Хамро – Министр внутренних дел Республики Таджикистан, генерал-лейтенант милиции, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Таджикистана ХУДОЁРЗОДА Бахтиёр Тавар – Руководитель Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Таджикистана АБДУЛЛОЗОДА Нусратулло – Председатель Верховного Суда Республики Таджикистан, Заслуженный юрист Таджикистана САЛИМЗОДА Шерхони Одина – Генеральный прокурор Республики Таджикистан, Действительный государственный советник юстиции, Заслуженный юрист Таджикистана Дэвид РУБИНО – Директор Филиала Американской Ассоциации Юристов в Таджикистане Маркус МЮЛЛЕР – Глава Бюро ОБСЕ в Республике Таджикистан	08.30 – 08.55
ИНФОРМАЦИЯ О ПОРЯДКЕ ПРОВЕДЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ	
СОЛИЕВ Карим Ходжиевич Заместитель начальника Академии МВД Таджикистана по науке, Заслуженный юрист Таджикистана, кандидат юридических наук, полковник милиции	08.55 – 09.00
СЕССИЯ I: Реализация конституционных прав и свобод участников уголовного процесса	
Модераторы:	
СОЛИЕВ Карим Ходжиевич - Академия МВД Таджикистана МАДЖИТОВ Алишер Мирзоевич – Филиал Американской Ассоциации Юристов в Таджикистане НОЗИРОВ Накиб Алиевич – Академия МВД Таджикистана	
Тема I: Актуальные проблемы соблюдения и обеспечения прав граждан при задержании и оптимизация данной процедуры	09.00 – 09.10
Докладчик:	
ХАЛИФАЗОДА Мухаммадризон Ниёз – начальник Управления Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан по надзору за исполнением законов в органах внутренних дел и контролю за наркотиками, Советник юстиции 1-го класса, кандидат политических наук	
<ul style="list-style-type: none"> • Задержание лица • Разъяснение прав задержанному • Доставка задержанного • Регистрация доставки задержанного • Медицинское освидетельствование задержанного • Составление протокола о задержании 	

<p>Обсуждение и обобщение темы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ (Академия управления МВД России, Академия МВД Республики Беларусь, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Уральский государственный юридический университет, Харьковский национальный университет внутренних дел); • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций. 	09.10 – 09.55
<p style="text-align: center;">Тема 2: Законодательные пробелы и практические трудности в обеспечении права на защиту</p> <p>Докладчик: МАДЖИТОВ Алишер Мирзоевич – филиал Американской Ассоциации юристов в Таджикистане</p> <ul style="list-style-type: none"> • Момент возникновения права на защиту • Обязательное участие защитника • Право на общение с защитником • Участие защитника при судебном санкционировании • Надлежащее уведомление о характере подозрения • Достаточность времени на подготовку защиты • Институт отказа от защитника 	09.55 – 10.05
<p>Обсуждение и обобщение темы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ (Академия управления МВД России, Академия МВД Республики Беларусь, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Уральский государственный юридический университет, Харьковский национальный университет внутренних дел); • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций. 	10.05 – 10.50
<p>Перерыв на кофе</p>	10.50 – 11.10
<p style="text-align: center;">Тема 3: Актуальные проблемы обеспечения и реализации основных процессуальных прав участников уголовного судопроизводства</p> <p>Докладчик: САИДОВ Баходур – адвокат, член Коллегии Адвокатов Республики Таджикистан</p> <ul style="list-style-type: none"> • Право допрашиваемого лица изложить показания собственноручно на родном языке • Право получить процессуальные документы на понятном языке • Разъяснение права свидетельского иммунитета • Реализация права на защиту имущества арестованного • Порядок помещения подследственного в медицинские учреждения • Право на тайну информации о частной жизни 	11.10 – 11.20

<p>Обсуждение и обобщение темы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ (Академия управления МВД России, Академия МВД Республики Беларусь, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Уральский государственный юридический университет, Харьковский национальный университет внутренних дел); • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций. 	<p>11.20 – 12.05</p>
<p style="text-align: center;">Тема 4: Действие принципа состязательности и равноправия сторон в таджикском уголовном судопроизводстве</p> <p>Докладчик: БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович – председатель суда района Рудаки, кандидат юридических наук, доцент</p> <ul style="list-style-type: none"> • Действие принципа состязательности и равноправия сторон • Влияние принципа состязательности на концепцию уголовного судопроизводства • Недостатки реализации принципов на стадии предварительного следствия 	<p>12.05 – 12.15</p>
<p>Обсуждение и обобщение темы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ (Академия управления МВД России, Академия МВД Республики Беларусь, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Уральский государственный юридический университет, Харьковский национальный университет внутренних дел); • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций. 	<p>12.15 – 13.00</p>
<p><i>Обед</i></p>	<p>13:00 – 14:00</p>
<p>СЕССИЯ II: Формирование доказательств и процесс доказывания</p> <p>Модераторы: ХАЛИФЗОДА Мухаммадризон Ниёз – Генеральная прокуратура Республики Таджикистан ЮЛДОШЕВ Рифат Рахмаджонович - Академия МВД Таджикистана</p>	

<p style="text-align: center;">Тема 5: Деятельность субъектов уголовного процесса по собиранию, проверке и оценке доказательств</p> <p>Докладчик: ГРИДЮШКО Павел Владимирович – заместитель начальника кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент</p> <ul style="list-style-type: none"> • Консистенция понятий относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств • Всесторонность и полнота • Унификация видов доказательств • Проблемные аспекты понимания и реализации положений ст.84 УПК (использование результатов ОРД в качестве доказательств по уголовному делу) • Допустимость показаний специалиста • Оглашение показаний свидетеля в суде • Внутреннее убеждение как основной критерий оценки • Значение преюдиции и ее пределы 	14.00 – 14.10
<p>Обсуждение и обобщение темы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ (Академия управления МВД России, Академия МВД Республики Беларусь, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Уральский государственный юридический университет, Харьковский национальный университет внутренних дел); • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций. 	14.10 – 14.40
<p>СЕССИЯ III: Правовое регулирование и проблемы применения мер пресечения</p> <p>Модераторы: ЮЛДОШЕВ Рифат Рахмаджонович – Академия МВД Таджикистана МАДЖИТОВ Алишер Мирзоевич – Филиал Американской Ассоциации Юристов в Таджикистане</p>	
<p style="text-align: center;">Тема 6: Совершенствование правоприменительной практики и устранение коллизий, связанных с применением отдельных мер пресечения</p> <p>Докладчик: КОЛОКОЛОВ Никита Александрович – профессор кафедры судебной власти и организации правосудия Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, доцент</p> <ul style="list-style-type: none"> • Залог как мера пресечения • Полномочия суда при избрании меры пресечения • Применимость меры пресечения «заключение под стражу» • Ознакомление с материалами, направляемыми в суд • Участие в заседании по вопросам заключения под стражу • Процедура санкционирования судом меры пресечения «заключение под стражу» 	15.20 – 15.30

<p>Обсуждение и обобщение темы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ (Академия управления МВД России, Академия МВД Республики Беларусь, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Уральский государственный юридический университет, Харьковский национальный университет внутренних дел); • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций. 	15.30 – 16.00
<i>Перерыв на кофе</i>	16.00 – 16.20
<p>СЕССИЯ IV: Мониторинг действующего УПК Республики Таджикистан</p> <p>Модераторы: МАДЖИТОВ Алишер Мирзоевич – филиал Американской Ассоциации юристов в Таджикистане НОЗИРОВ Накиб Алиевич – Академия МВД Таджикистана</p>	
<p style="text-align: center;"><i>Тема 7:</i> Действие УПК Республики Таджикистан и анализ внесенных поправок</p> <p>Докладчик: ЮЛДОШЕВ Рифат Рахматджонович – начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела, доцент кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД РТ, кандидат юридических наук, майор милиции</p> <ul style="list-style-type: none"> • Результаты мониторинга УПК Республики Таджикистан и ее влияние на действенность • 11 изменений и дополнений в таджикском уголовно-процессуальном законодательстве • Реалии и возможности исправления системных ошибок УПК Республики Таджикистан • Реализация норм УПК Республики Таджикистан: плюсы и минусы 	16.20 – 16.30
<p>Обсуждение и обобщение темы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ (Академия управления МВД России, Академия МВД Республики Беларусь, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Уральский государственный юридический университет, Харьковский национальный университет внутренних дел); • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций. 	16.30 – 17.00
Подведение итогов конференции	17.00 – 17.30
ФУРШЕТ	

СУХАНИ ИФТИТОҲИИ

сардори Академияи ВКД Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор,
генерал-майори милитсия Мачидзода Ҷурахон Зоир,
бахшида ба конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ «Дастовардҳо,
проблемаҳо ва дурнамои инкишофи қонунгузори мурофиавии ҷиноятӣ
Ҷумҳурии Тоҷикистон»
(03.12.2014 с.)

Мухтарам иштирокчиёни конференсия,

Иқозат фармоед ташрифи меҳмонони гирифтаҷаҳро дар сарзамини меҳмоннавозу зебоманзари Тоҷикистон хайрамақдам гуфта, ба меҳмонони гирифтаҷаҳро изҳори миннатдорӣ баён намоям, ки онҳо имконият ёфта тавонистанд дар қори конференсияи имрузаи мо иштирок намоянд.

Мухтарам дустон ва ҳамкасбон. Мақсади конференсияи имрӯза ин ҳаматарафа таҳлил намудани масоили мураккаби мурофиавии ҷиноятӣ мебошад. Масоилҳои пешбинишудаи мавзӯҳо ин он ҳадафҳои мебошанд, ки дар дурнамои наздик бояд ҳалли ҳурро ёбанд.

Итминон дорам, ки ҳамоиши илмии имрӯзаи мо ба мо имконият фароҳам меоварад ки бо дарки масъулият мавқеи инкишофи ҳам амалия ва ҳам назарияи мурофиавии ҷиноятиро дар фазои пасошуравӣ муайяннамуда, камбудихо ва масоилҳои ҳалталаби қонунгузори мурофиавии ҷиноятиро муҳокима ва баҳогузори намоем.

Гузaronидани ин конференсия дар сатҳи баланд барои ҳамоханг ва якҷоя намудани қонунгузори мурофиавии ҷиноятӣ давлатҳои иштирокчиёни ИДМ боз як такони қиддие мебахшад. Ман аз сидқи дил дар қори конференсияи имруза ба ҳамаи иштирокчиёни конференсия бурдборӣ орзу менамоям.

Конференсияи имрӯза бо дастгирии молӣ ва техникаи шарикони қарини мо, яъне Ассотсиатсияи Ҳуқуқшиносони Амриқой дар Тоҷикистон ва Дафтари САҲА дар Тоҷикистон баргузор шуда истодааст. Аз ин лиҳоз, оид ба ташкил ва гузаронидани чунин ҳамоиши илмии сатҳи олӣ, ки ба масоилҳои актуалии мурофиавии ҷиноятӣ тавсия шудааст, ба онҳо изҳори миннатдорӣ баён менамоям.

Конференсияҳо, ки ба масоилҳои актуалии мурофиавии ҷиноятӣ бахшида шудаанд, якҷанд бор дар Душанбе гузаронида шуда буданд. Лекин, конференсия дар чунин ҳайат бо қалби мутахассисоне, ки 5 сол қабл аз ин дар таҳлили илмии Кодекси мурофиавии ҷиноятӣ иштирок карда буданд, бори аввал гузаронида шуда истодааст. Ин ҳайати васеи олимони бо қалби мутахассисон шаҳодати онро медиҳад, ки мавзӯҳои муҳокимашавандаи конференсияи имруза актуалӣ ва саривақтӣ мебошанд.

Дар конференсияи имрӯза роҳбари Дастгоҳи иҷроияи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон – Худоёрзода Бахтиёр Тавар, Раиси Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон – Абдуллозода Нусратулло, Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон – Салимзода Шерхони Одина, намояндагони Суди

конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон, муфаттишон ва таҳқиқбарандагони Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Кумитаи давлатии амнияти миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Агентии назорати маводи нашъаовари назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Агентии назорати давлатии молиявӣ ва мубориза бо коррупсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хадамоти гумруки назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон, адвокатҳои ҷумҳурӣ, олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, олимони давлатҳои ИДМ, аз ҷумла Академияи ВКД Ҷумҳурии Беларус, инчунин намояндагони ташкилотҳои байналмилалӣ ва ташкилотҳои ғайридавлатӣ иштирокдоранд. Ҳамаи онҳоро барои иштирок намудан дар конференсияи имрӯза хайрамақдам мегуям.

Муҳтарам иштирокчиёни конференсия,

Бо иҷозати Шумо ман суханро ба муовини Вазири корҳои дохилӣ, генерал-майори милитсия Умарзода Икром Ислом медиҳам.

СУХАНИ ИФТИТОҲИИ

МУОВИНИ ВАЗИРИ КОРҲОИ ДОХИЛИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН, ГЕНЕРАЛ-МАЙОРИ МИЛИТСИЯ УМАРЗОДА ИКРОМ ИСЛОМ

Меҳмонони мухтарам!

Мухтарам ҳамкасбон ва иштирокчиёни конференсия!

Аввалан, миннатдории худро ба хамаи шумо барои иштироки фаъолона ва самаранок дар кори конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ бахшида ба «Дастовардҳо, проблемаҳо ва дурнамои инкишофи қонунгузории мурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон», изҳор менамоем.

Боиси хушнудист, ки дар Академияи ВКД Тоҷикистон, гузаронидани конференсияҳои байналмилалии илми-амалӣ, симпозиум ва ҳар гуна семинарҳо, бахшида ба мавзӯҳои баҳсноки амалияи ҳифзи ҳуқуқ, ҳамчун анъана пешбарӣ карда мешавад.

Яке аз ин мавзӯҳои баҳснок ба проблемаҳои қонунгузории мурофиавии ҷиноятӣ, мансуб мебошанд. Конференсияи илми-амалии байналмилалӣ, ки аз тарафи Академияи ВКД Тоҷикистон, ва дастгирии фаъоли филиали Ассотсиатсияи Ҳуқуқшиносони Амрико дар Тоҷикистон ва намояндагии САҲА (Созмони амният ва ҳамкории Аврупо) дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, ташкил карда шудааст, диққати на танҳо олимонро аз ИДМ – криминалистон, мурофичиён ва мутахассисонро дар соҳаи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ, балки роҳбарони дастгоҳҳои тафтишотӣ, оперативӣ ва дигар хадамотҳое, ки ба проблемаҳои кушодан ва тафтиш намудани ҷиноятҳо алоқаманд мебошад, ҷалб намудааст.

Имрӯз дар толор, намояндагони муассисаҳои таълимии милитсия ва политсияи кишварҳои ИДМ (Академияи ВКД Ҷумҳурии Белорусия, Университети миллии ВКД-и дар шаҳри Харьковбудаи Украина), намояндагони мақомоти ҳифзи ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон, намояндагони адвокатура, ташкилотҳои ғайридавлатӣ ва намояндагони ташкилотҳои байналмилалии дар Тоҷикистон воқеъ буда, ҳузур доранд.

Саволҳо ва мавзӯҳои, ки дар конференсия муҳокима карда мешаванд, бешубҳа ба таъмин намудани ҳуқуқи озодиҳои шаҳрвандон, алоқаманд мебошад. Аз ҷумла, масъалаҳои фаъолияти кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, дар татбиқ намудани меъёрҳои Кодекси мурофиавии-ҷиноятӣ, мушкилиҳои дар амалия ҷой дошта ва пешниҳодҳо оид ба бартараф намудани онҳо, дида баромада мешавад.

Иштирокчиёни конференсия,

Қайд кардан зарур аст, ки ислоҳоти судӣ дар Тоҷикистон, яке аз паҳлуҳои

ислоҳоти мақомоти ҳокимияти давлатӣ мебошад. Зеро баъд аз ба даст овардани истиқлолият, зарурияти дигаргун кардан ва ба талаботи замона мувофиқа намудани мақомотҳои ҳокимияти давлатӣ ба миён омад.

Ислоҳоти қонунгузори мурофиавии-ҷиноятӣ, дар навбати худ, яке аз муҳимтарин шартҳои таъмини қонуният дар мурофиаи суди ҷиноятӣ мебошад. Ислоҳот аввалан ба такмил додани муқарраротҳои роҳбарикунандаи мурофиаи ҷиноятӣ дар самти ҳифзи ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд, қурбониёни ҷиноят ва дигар иштирокчиён, равона карда шудааст. Кодекси мурофиавии-ҷиноятӣ соли 1961, ки то соли 2010, амал мекард, ба талаботи замона ҷавобгу набуд, баъзан муқарраротҳои бо меъёрҳои дигар соҳаҳои ҳуқуқ, муҳолифат мекарданд ва дар амалия мушкилиҳо ба миён меовард. Қонуни мурофиавии-ҷиноятӣ амалкунанда, дастовардҳои замона ва илмиро ба назар гирифтааст ва як қатор мушкилиҳои ҷой дошта дар он баргараф карда шудаанд. Бо назардошти ин коркард ва такмил додани муқарраротҳои алоҳидаи он, метавонанд, ба фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар сари вақт кушодан ва объективона тафтиш намудани ҷиноятҳо сахм гузорад.

Умедворам, ки фикру ақида ва тавсияҳои, ки дар баромадҳои иштирокчиён, ироа карда мешаванд, ба такмил додани қонунгузори мурофиавии-ҷиноятӣ, фанҳои таълимӣ ва фаъолияти амалии мақомоти ҳифзи ҳуқуқ таъсири мусбӣ мерасонанд.

Ташаккур барои диққататон!

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
РУКОВОДИТЕЛЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО АППАРАТА ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН,
КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ЗАСЛУЖЕННОГО ЮРИСТА ТАДЖИКИСТАНА
ХУДОЁРЗОДА БАХТИЁР ТАВАР**

**Уважаемые гости и участники международной научно-практической
конференции,**

Позвольте поприветствовать всех вас на Международной научно-практической конференции «Достижения, проблемы и перспективы развития Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан».

Принимая во внимание актуальность и своевременность подведения первых итогов 5-летнего действия таджикского уголовно-процессуального законодательства, можно ознаменовать их положительно в свете недавнего торжественного празднования 20-летия Конституции Республики Таджикистан. Принятие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан является одним из долгих и плодотворных результатов деятельности рабочих комиссий по разработке данного законопроекта.

Следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан кардинально изменил подход и порядок уголовного судопроизводства в области защиты прав и свобод человека и гражданина, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Отрадно отметить, что просчеты и пробелы предыдущих уголовно-процессуальных кодексов были устранены в процессе разработки и принятия нового Уголовно-процессуального кодекса.

Переход к состязательному типу уголовного судопроизводства заметно усилил и повлиял на устойчивость гарантии и защиты прав личности и других властных участников уголовного процесса. Взаимодействие участников уголовного судопроизводства заметно обогатилось рядом новелл уголовного судопроизводства, среди которых особо следует выделить введение принципа презумпции невиновности; четкое разграничение уголовных дел на дела частного, частно-публичного и публичного обвинения; передача полномочий по санкционированию некоторых мер пресечения и следственных действий, которые ограничивают права и свободы личности от прокурора к суду и ряд других положений. Все эти новеллы не все участники уголовного судопроизводства восприняли положительно, так как многим из них в коей мере урезали полномочия и личное усмотрение в осуществлении своих процессуальных полномочий.

Особо отмечу, что несмотря на сделанный прорыв, все еще чувствуется слабая обработанность некоторых нововведений уголовного судопроизводства. Институты и новые принципы стали барьером для произвола властных участников уголовного судопроизводства. Не все должным образом смогли переоценить роль и результаты реформ, на основе которых и был принят обсуждаемый сегодня Уголовно-процессуальный кодекс Таджикистана. И до сегодняшнего дня плодотворно

работают рабочие комиссии по оптимизации ряда его норм, которые поэтапно и взвешенно оценивают каждое изменение и дополнение. Проводимая научно-практическая конференция станет еще одним анализом способности отечественного уголовно-процессуального законодательства в сравнительно-правовом анализе оценить ее соответствие сегодняшним реалиям правоприменительной практики и законодательной технике. Порой, а то и часто в среде ученых-теоретиков и практиков бытует мнение, что многие нормы УПК Таджикистана не работают, а то и вовсе не регламентируют те или иные процессуальные полномочия, права и обязанности участников уголовного судопроизводства. Эти и другие проблемы, которые будут затронуты в ходе обсуждений, предстоит обсудить нам в работе нашей конференции.

Считаю, что главная цель проведения нашей конференции заключается в обмене передовым опытом и знаниями в сфере уголовного судопроизводства. Надеюсь, что полученные результаты будут полезны всем участникам и, в первую очередь, юридической науке современного Таджикистана, а предложенные рекомендации действительно найдут свое реальное применение в практической деятельности всех правоохранительных и правозащитных органов. В данном аспекте, главную роль играет эффективное и плодотворное международное сотрудничество в рамках расследования уголовных дел различной категории.

Уважаемые участники,

Выражаю уверенность, что вопросы, обсуждаемые на нынешней конференции, являются актуальными и, несомненно, придадут новый импульс расширению взаимодействия государственных, международных и неправительственных структур в сфере уголовного судопроизводства. Обмен мнениями, детальное обсуждение вопросов повестки дня конференции и выработка новых подходов по дальнейшей реализации намеченных всеми нами задач, послужат дополнительным стимулом дальнейшего углубления сотрудничества в области уголовного процесса.

Думаю, и надеюсь, что многие согласятся с моим суждением, что логичным завершением и итогом нашей конференции станет принятие резолюции конференции, где будут отражаться идеи, рекомендации и разработанные в ходе дискуссии предложения по оптимизации действия Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан.

Желаю всем участникам и организаторам конференции плодотворной работы, активных дискуссий и новых достижений, а также конструктивного диалога и эффективного взаимодействия!

Благодарю всех за внимание.

**СУХАНИ ИФТИТОҲИИ РАИСИ СУДИ ОЛӢ НУСРАТТУЛО
АБДУЛЛОЗОДА ДАР КОНФРОНСИ ИЛМӢ-АМАЛИИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ
ДАР МАВЗӢИ «5-СОЛИ АМАЛИ КОДЕКСИ МУРОФИАВИИ
ЧИНОЯТИИ ҶУМӢУРИИ ТОҶИКИСТОН: ДАСТОВАРДӢО,
МАСЪАЛАӢО ВА ДУРНАМОИ ИНКИШОФ»
3 ДЕКАБРИ СОЛИ 2014**

Мухтарам иштирокчиёни конфронс!

Ҷумҳурии соҳибистиклоламон таҳти роҳбарии хирадмандонаи Президенти кишвар, мухтарам Эмомалӣ Раҳмон барои бунёди ҷомеаи демократӣ, ҳуқуқбунёд, дунявӣ ва адолатпарвар қадамҳои устувор ниҳода, мамлакатамон маҳз аз рӯи асосҳои сохтори конститутсионӣ, рукҳои тозаии идоракунии давлат, меъёрҳои ҳуқуқии танзимкунандаи ҳаёти ҷомеа дар арсаи ҷаҳонӣ эътироф гардид.

Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон инсон, ҳуқуқ ва озодиҳои онро арзиши олии эътироф намуда, ҳаёт, кадр, номус ва дигар ҳуқуқҳои фитрии инсонро дахлнопазир дониста, риоя ва ҳифзи онҳоро қафолат додааст.

Баҳри таъмини меъёри конститутсионии арзиши олии эътироф шудани инсон, эъмори ҷомеаи шаҳрвандӣ тадриҷан ҳал намудани вазифаи ташкилу тақмили фаъолияти муурофиавӣ ниҳоят муҳим мебошад.

Мебояд зикр намуд, ки ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои конститутсионии инсону шаҳрванд, риояи қонун ва таъмини адолат вазифаи аввалиндараҷаи давлат ба ҳисоб рафта, ҷиҳати амалигардонии ин ҳадафҳо Барномаи ислоҳоти судӣ-ҳуқуқӣ, ки бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 23 июни соли 2007, №271 тасдиқ гардидааст, дар тақмили қонунҳои амалкунанда, қабули кодексу қонунҳои нав, амалӣ намудани дигар ҷорабиниҳои соҳавӣ нақши муассир дорад.

Яке аз дастовардҳои Барномаи номбурда ин таҳия ва қабули Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ мебошад, ки он тамоми ҷанбаҳои фаъолияти пешбурди муурофиавии ҷиноятиро бо дарназардошти меъёрҳои Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон ва санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, ки Тоҷикистон онҳоро эътироф кардааст, қомилан тағйир дода, дар баробари фаъолияти дигар мақомоти ҳифзи ҳуқуқ доираи салоҳияти ҳокимияти судиро дар таъмини адолати иҷтимоӣ афзоиш дод.

Маҳз меъёрҳои ҳуқуқии конститутсионӣ аз ҷумла, принципҳои ҳифзи судӣ (моддаи 8), қонуният ҳангоми пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ (моддаи 9), эҳтироми шаъну шарафи шахс (моддаи 10), дахлнопазирии шахсият (моддаи 11), дахлнопазирии манзил (моддаи 13), эҳтимолияти бегуноҳӣ (моддаи 15), баробарӣ дар назди қонун ва суд (моддаи 16), мустақилияти судяҳо (моддаи 17), мувоҳида ва баробарии тарафҳо (моддаи 20) ва ғайра ифодаи пурра ва мукаммали худро дар Кодекси номбурда ёфтанд.

Дар моддаи 20-и КМҶ муқаррар гардид, ки суд мақомоти таъкиби ҷиноятӣ нест ва тарафи айбдоркунанда ё ҳимояро ҷонибдорӣ намекунад. Суд

барои амалӣ намудани ҳуқуқ ва ўҳдадорихои тарафҳо шароит муҳайё мекунад, ки ин меъёр барои мустақилият, бегаразӣ ва холисии суд чихати дуруст муайян намудани ҳолатҳои воқеии қор аҳамияти хоса дорад.

Дастоварди муҳими Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ ин ба салоҳияти суд вогузор намудани амалҳои маҷбурии муурофиавии вобаста ба маҳдуд намудани ҳуқуқ ва озодиҳои конституционии шаҳрванд, аз ҷумла иҷозати ба ҳабс ва ҳабси хонагӣ гирифтани, кофтукови манзил, ҳабси молу мулк, муваққатан аз вазифа дур кардани айбдоршаванда ва ғайраҳо, ки аз моддаҳои 18, 19, 22, 23-и Сарқонун ва меъёрҳои Эъломияи умумии ҳуқуқи башар бармеоянд, мебошад.

Таҷрибаи судӣ нишон дод, ки чунин тарзи пешбурди муурофияи судии ҷиноятӣ баҳри таъмини ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои конституционии инсон ва шаҳрванд, тафтиши ҳамаҷониба, пурра ва холисонаи ҳолатҳои қор тамоми чораҳои пешбининамудаи қонун андешида шуда, шаҳрвандро аз беасос айбдор ва маҳкумкунӣ, ғайриқонунӣ маҳдуд намудани ҳуқуқу озодиҳои ӯ ҳимоя карда, барои таҳкими қонуният ва тартиботи ҳуқуқӣ, пешгирии ҷиноят, эҳтироми қонун мусоидат менамояд.

Дар қонфронси имрӯза 5-соли амали Кодекси муурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон: дастовардҳо, масъалаҳо ва дурнамои инқишофи он мавриди баррасӣ ва муҳокимаронӣ қарор мегиранд ва итминон дорам, ки натиҷаи он барои беҳбудии пешбурди муурофияи ҷиноятӣ манфиатовар мебошад.

Ҳозирини гиромӣ!

Такмил додани қонунҳои моддию муурофиавӣ ва дигар қонунҳои марбута ба татбиқи якхелаи онҳо, бар тараф намудани монеаҳои зиёдати, аз ҷумла такмили марҳилаҳои судӣ, роҳ надодан ба кашолқорӣ ва умуман беҳдошти фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва суд барои таъмини риояи ҳуқуқу озодиҳои конституционии инсону шаҳрванд, ҳимояи манфиати давлат, қорхонаҳо, муассисаҳо ва дигар ташкилотҳо, амалӣ гардидани қонунҳо ва таъмини адолати иҷтимоӣ мусоидат менамояд.

Дар бораи дастовардҳо сухан гуфта, мо бояд оид ба дурнамои инқишофи қонунгузории муурофиавии ҷиноятӣ низ андеша намоем, ҷунки таҷрибаи 5-солаи аз ҷониби судҳо татбиқ намудани ҚМҚ нишон медиҳад, ки ҳанӯз ҳам баъзе масъалаҳои ҳалталаб дар Кодекси мазқур мавҷуданд.

Ҷунонҷӣ, мувофиқи моддаи 62 ҚМҚ судяе, ки қарори ба ҳабс гирифтани гумонбаршуда ё айбдоршавандаро қабул намудааст, муҳлати дар ҳабс нигоҳ доштани онҳоро дароз кардааст, дар моҳиятан дида баромадани ҳамон парванда дар суди марҳилаи яқум иштирок карда наметавонад.

Мавриди қайд аст, ки дар таҷрибаи судии судҳои духайата ҳолатҳои ба назар мерасанд, ки як судя барои интиқоби чораи пешгирии ҳабси пешакӣ иҷозат дода, судяи дигар бошад муҳлати дар ҳабс пешакӣ қарор доштани айбдоршавандаро дароз менамояд ва минбаъд ҳангоми ворид гардидани парвандаи ҷиноятӣ ин судяҳо наметавонанд онро моҳиятан баррасӣ намоянд. Ин ҳолат аз як тараф

барои баррасии парванда аз рӯи тобеияти судии худудии парвандаҳои ҷиноятӣ (моддаи 256 КМЧ) монеагӣ эҷод менамояд, аз ҷониби дигар бошад барои иштироки ҷабрдида ва шоҳидон дар мувофиқаи судӣ бинобар дар суди ноҳияи дигар баррасӣ намудани парвандаҳо душворихоро ба миён меоварад. Бинобар ин, муқаррароти қисми 1 моддаи 62 КМЧ таҷдиди назарро металабад.

Ҳамчунин боби «Чораҳои пешгирӣ»-и КМЧ бояд мавриди омӯзиши амиқ қарор дода шавад.

Аз ҷумла, дар моддаи 109 КМЧ омадааст, ки чораи пешгирӣ **дар намуди гаравро таҳқиқбаранда ва муфаттиш бо ризои прокурор ба шарте татбиқ мекунанд, ки товони зарари моддии бо ҷиноят расонидашуда пурра баргардонидашуда бошад.**

Аввал ин, ки чораи пешгирии гарав ба маҳдуд намудани ҳуқуқи конституционии молумулкии шахс алоқамандӣ дорад, чунки тибқи моддаи 32 Конститутсия ҳеҷ кас ҳақ надорад ҳуқуқи шахсро ба моликият бекор ва маҳдуд кунад. Аз ин рӯ, ба андешаи мо ба мақсад мувофиқ мебошад, ки татбиқи чораи пешгирӣ дар намуди гарав дар моддаи 35 КМЧ (салоҳияти суд) танҳо бо иҷозат ва қарори (таъиноти) судя пешбинӣ гардад.

Ғайр аз ин, шартӣ қонунгузор оид ба татбиқи гарав танҳо **баъд аз пурра баргардонидани товони зарар** ба принсипи эҳтимолияти беғуноҳӣ номувофиқ мебошад, зеро ки гарав на далели исботкунандаи гуноҳ, балки тибқи талаботи моддаи 101 КМЧ ҳамчун чораи пешгирӣ – амали маҷбурӣ буда, барои пешгирии аз тарафи шахс содир шудани ҷиноят ё ҳаракатҳои ҳалалдоркунандаи пешбурди парвандаи ҷиноятӣ, инчунин барои таъмини иҷрои ҳукм татбиқ карда мешавад.

Ҳамзамон, бояд қайд намуд, ки дар таҷрибаи судӣ ҳангоми баррасии дархост оид ба додани иҷозат барои ба ҳабс гирифтани ҳолатҳои ба миён меоянд, ки барои ба ҳабс гирифтани гумонбаршуда, айбдоршаванда асос вучуд надорад ва ҳангоми рад кардани дархост судя наметавонад чораи пешгирии сабуктарро, аз ҷумла гарав ё ҳабси хонагиро бо сабаби дар қонун пешбинӣ нагардидан интиҳоб намояд. Бинобар ин дар моддаи 111 КМЧ дар ҳолати рад кардани дархост дар бораи ба ҳабс гирифтани ҳуқуқи интиҳоби чораи пешгирӣ дар намуди гарав ё ҳабси хонагӣ аз ҷониби судя пешбинӣ намудан талаби давру замон аст.

Ба ҳамин монанд моддаи 110 КМЧ (ҳабси хонагӣ) низ таҷдиди назарро металабад.

Дар моддаи номбурда қайд гардидааст, ки дар қарори судя ва таъиноти суд дар бораи ба ҳабси хонагӣ гирифтани маҳдудиятҳои мушаххасе, ки дар ҳаққи гумонбаршуда, айбдоршаванда ё судшаванда татбиқ мегарданд, инчунин мақомот ё шахси мансабдоре нишон дода мешавад, ки чунин назоратро анҷом медиҳад.

Мутаассифона бо сабаби то ҳол дар КМЧ ба танзим надаровардани тартиби татбиқ ва назорати иҷрои маҳдудиятҳои чораи пешгирӣ – ҳабси хонагӣ амалӣ нагардида истодааст.

Масъалаи дигар дар он аст, ки тибқи қисми 2 моддаи 289 КМЧ муҳлати чораи пешгирӣ ба сифати дар ҳабс нигоҳ доштани судшаванда аз лаҳзаи ба суд

ворид гардидани парванда то лаҳзаи баровардани ҳукм аз шаш моҳ бештар шуда наметавонад.

Аз ин муқаррароти қонун бармеояд, ки баъди ба суд ворид гардидани парванда, агар муҳлати дар ҳабс нигоҳ доштани судшаванда гузашта бошад ҳам, суд бе қабули қарори дароз намудани муҳлати дар ҳабс нигоҳ доштани судшаванда то шаш моҳ шахсро метавонад дар ҳабс нигоҳ дорад, ки ин ҳолат ба муқаррароти моддаи 19-и Конституцияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон ва моддаи 11 КМҶ, ки ҳеҷ касро бе асоси қонунӣ дастгир ва ҳабс кардан мумкин нест, ба ҳабс гирифта танҳо дар асоси қарори суд, судя ба иҷро расонида мешавад, номутобик мебошад.

Бо дарназардошти гуфтаҳои боло мутобикгардонии муқаррароти қисми 2 моддаи 289 КМҶ ба меъёрҳои дар боло зикргардидаи Конституция ва Кодекси муҳофизати ҷиноятӣ мувофиқи мақсад мебуд.

Маврид ба зикр аст, ки дар натиҷаи инкишофи пешрафт ва рушди нумӯи босуръати соҳаҳои мухталифи ҳаёти ҷомеа дар судҳо шумораи парвандаҳо сол то сол афзуда истодаанд.

Ба андешаи мо бо мақсади таъмини баррасии саривақтии парвандаҳо ва самаранок ба амал баровардани адолати судӣ зарурияти дар моддаи 310 КМҶ пешбинӣ намудани бо тартиби соддакардашудаи тафтиши судӣ гузаронидани муҳофиза аз рӯи ҷиноятҳои дараҷаи вазнин низ ба миён омадааст.

Чунин тартиби баррасии судӣ ба манфиати тарафҳо, дар мадди аввал судшавандаи таҳти ҳабси пешакӣ қарордошта, ки натиҷаи муҳофизаи судиро интизоранд, мебошад.

Иштирокчиёни мухтарам!

Дар интиҳо ба масъулини конфронси илмию амалӣ изҳори сипос ва ба кори он муваффақиятҳои беназир орзу менамоем.

Итминони комил дорам, ки конфронси имрӯза дар сатҳи баланди касбӣ баргузор ва аз ҷониби баромадкунандагон ақида ва пешниҳодҳои муфид манзур мегарданд, ки барои такмили минбаъдаи меъёрҳои Кодекси муҳофизати ҷиноятӣ ҷиҳати ҳифзи ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шахрванд ва таъмини адолати иҷтимоӣ мусоидат хоҳанд кард.

Ба диққататон ташаккур!

НУТҚИ ТАБРИКОТИИ
ПРОКУРОРИ ГЕНЕРАЛИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН, МУШОВИРИ
ҲАҚИҚИИ ДАВЛАТИИ АДЛИЯ
САЛИМЗОДА ШЕРХОН ОДИНА

Ҳозирини муҳтарам!
Меҳмонони азиз!
Хонумон ва Ҷанобон!

Қабули Кодекси нави мурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳам яке аз муҳимтарин рӯйдодҳо дар ҳаёти ҳуқуқии кишвар маҳсуб меёбад.

Аз қабули ин санади муҳим инак 5 сол пур мешавад. Воқеан ҳам вақти он расидааст, ки мо дастовардҳои ин санад, ва амалияи татбиқи онро муҳокима намуда, пешомадҳои рушди онро муайян намоем.

Дар сатҳи байналмилалӣ гузаронидани конференсияи мазкур, имкони шунидани фикру ақидаҳои олимон ва коршиносони кишварҳои атроф ва созмонҳои байналмилалиро фароҳам оварда, қиммати чорабинии мазкурро дучанд меафзояд.

Аз ин лиҳоз, бо истифода аз фурсат, ба роҳбарияти Вазорати корҳои дохилӣ, Академияи ВКД, Ассотсиатсияи Ҳуқуқшиносони Амрико ва Созмони Амният ва Ҳамкорӣ дар Аврупо чиҳати баргузор намудани ин чорабинии басо саривақтӣ ва арзишманд миннатдорӣ баён менамоем.

Ҳамчун узви гуруҳи корӣ оид ба таҳияи лоиҳаи Кодекси мазкур мехостам баъзе фикру андешаҳои худро оид ба ҳадафҳои қабул ва дастовардҳои он иброз намоям.

Чуноне, ки ба Шумо маълум аст, Кодекси қаблии мурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳанӯз соли 1961 қабул шуда, бо вучуди ворид намудани тағйироту иловаҳо ба талаботи замони муосир ҷавоб дода наметавонист.

Максадҳои таҳия ва қабули Кодекси нав инҳо буданд:

- таҳкими ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд дар ҷараёни пешбурди таъкиби ҷиноятӣ ва ба амал баровардани адолати судӣ;
- демократизатсияи бештар ва ба талаботи стандартҳои байналмилалӣ мутобиқ намудани истехсолоти судии ҷиноятӣ;
- амалӣ намудани ислоҳоти судӣ – ҳуқуқӣ;
- баланд бардоштани мақом ва нақши ҳокимияти судӣ;
- соддагардонии истехсолоти судии ҷиноятӣ;
- таъмин намудани баробарҳуқуқии тарафҳо дар ҳама марҳилаҳои мурофиаи ҷиноятӣ.

Боиси қаноатмандист, ки таҳиякунандагони лоиҳа ва мақоми қонунгузор, заҳмати зиёд ба харҷ дода, расидан ба ҳадафҳои гузошташударо таъмин намуданд.

Кодекси нави мурофиавии ҷиноятӣ тақсимои ваколатҳоро байни мақомоти судӣ ва прокуратура чиддан бознигарӣ намуда, ҳудуди иштироки судро дар мурофиаи ҷиноятӣ хеле васеъ намуд.

Яке аз дастовардҳои муҳимтарини Кодекс ин таъмини шароит барои дар шакли мубоҳиса ва баробарҳукуқии тарафҳо сурат гирифтани мурофия мебошад.

Бо ин мақсад Кодекс мақоми таъкиби ҷиноятӣ будани судро аз байн бурда, онро аз ӯҳдадории исбот намудани айб озод намуд.

Бо мақсади таъмини бетарафӣ ва ҳолисияти мақомоти судӣ раисони судҳои болоӣ ба ғайр аз Раиси Суди Олӣ аз ҳуқуқи овардани эътирозҳои назоратӣ маҳрум ва Пленуми Суди Олӣ аз баррасии парвандаҳои мушаххас барканор карда шуд.

Ҷиҳати таъмини баробарҳуқуқии иштирокчиёни мурофия Кодекси нав нисбати онҳо истилоҳи «тарафҳо»-ро истифода намуд, ки ин аҳамияти мансубияти онҳоро ба ҳокимият аз байн бурда, онҳоро дар як зина қарор медиҳад.

Кодекси нав ҳамчунин назорати судиро ба қонуният қарорҳои мақомоти таъкиби ҷиноятӣ муқаррар намуда, ба шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ имконият медиҳад, ки аз болои қарорҳои онҳо дар бораи рад кардани қабули ариза дар бораи ҷиноят ё вайрон кардани қонун дар мавриди оғоз намудан ё қатъ намудани парвандаҳои ҷиноятӣ ба суд шикоят намоянд.

Кодекси нав додани иҷозат ба 11 намуд амалҳои мурофиявино, ки ба маҳдудкунии ҳуқуқ ва озодиҳои шахрванд алоқаманд мебошанд, ба мақомоти судӣ додааст.

Албатта мақомоти прокуратура низ аз ин ваколатҳои назоратӣ маҳрум нашуда, барои пешниҳоди дархост ба суд ризоияти прокурор ҳатмӣ мебошад.

Кодекс инчунин ваколатҳои мақоми таҳқиқ ва тафтишро хеле дақиқ намуда, такрори вазифаҳо ва дигар ноқиссҳо дар ин самт аз байн бурдааст.

Албатта Кодекси нави мурофиявии ҷиноятӣ аз баъзе ноқиссҳо низ холи нест. Ин камбудҳои сари вақт бартараф карда шуда, ба он тағйироту иловаҳо ворид карда мешаванд.

Боварӣ дорам, ки иштирокчиёни конференсияи имрӯза фикру мулоҳизаҳои худро дар ин хусус баён намуда, дар такмили минбаъдаи он саҳм мегузоранд.

Ба кори конференсия барору муваффақият орзӯ намуда, бори дигар Шуморо ба ин чорабинии муҳим хуш омадед мегӯям.

Аз тавачҷуҳатон сипосгузорам!

СУХАНИ ИФТИТОҲИИ
ДИРЕКТОРИ ФИЛИАЛИ АССОТСИАТСИЯИ ҲУҚУҚШИНОСОНИ
АМРИКОӢ ДАР ТОҶИКИСТОН
ДЭВИД РУБИНО

Субҳ ба хайр. Иҷозат диҳед меҳмонони олиқадр ва ҳамкоронамонро хайрамакдам гуфта, барои ташрифашон изҳори сипос намоям.

Дар барномаи имрӯза масъалаҳои зиёд бояд баррасӣ гарданд, аз ин лиҳоз мухтарсар фикрамро баён мекунам. Қабл аз оғоз, меҳостам аз фурсат истифода бурда, аҳамияти чорабинии имрӯзаро дарҷ намоям. Қобили зикр аст, ки дар панҷумин солгарди Кодекси нави мурофиавии-ҷиноятӣ мо бо намояндагони гурӯҳҳои, ки бо кодекси мазкур саруқор доранд, муҳокимаи ҳамачонибаи онро хоҳем кард, ки бешубҳа дастоварди бузург ба ҳисоб меравад. Вақте, ки Муовини роҳбари Академияи Вазорати қорҳои дохилӣ, ҷаноби Солиев бо мақсади гузаронидани конфронс ба назди мо омада буд, фикреро баён намуд, ки воқеан барои ман аҳамияти хоса дошт. Ҷаноби Солиев қайд намуд, ки панҷсолагии Кодекс барои баррасии Кодекси мазкур бо мақсади нишон додани муваффақиятҳои бадастоварда ва муайян намудани қабудихо баҳри бартараф ва беҳтаргардонии онҳо имконияти мусоид медиҳад. Инчунин, тавре вай зикр намуд, ин чорабинӣ ба он хотир муҳим аст, ки Кодекси мурофиавии-ҷиноятӣ яке аз воситаҳои қафолати ҳимояи ҳуқуқи инсон ба шумор рафта, характери ҳамачониба дорад ва самаранок амалӣ мегардад. Аз ин лиҳоз, шунидани фикру мулоҳизаҳои ҳозирин вобаста ба он, ки дар таҷриба ҷӣ амалишаванда аст ва аз болои ҷӣ бояд қор бурда шавад, бисёр муфид мебошад. Ман итминон дорам, ки имрӯз барои муқаммал кардани кодекс мувоҳиҷаҳои озод ҷиҳати пешниҳод намудани тағйироту иловаҳо сурат мегиранд. Мо бояд дар ёд дошта бошем, ки дастоварди муҳим оиди қабули ин қонун панҷ сол қабл буд.

Дар интиҳо аз фурсат истифода бурда, ба маъруҷачиён ва мутахассисоне, ки аз давлатҳои дигар ташриф оварданд, миннатдорӣ худро баён мекунам. Инчунин, меҳостам барои дастгирии молиявӣ дар ташкили ин чорабинӣ ба САҲА ва МЗММТҲ Сафорати ИМА барои ба АБА РОЛИ фароҳам овардани имконияти маблағгузорию чунин чорабиниҳо, сипоси худро изҳор намоям. Аз номи ҳамкоронам гуфтаниам, ки ҳамқорӣ бо мақомотҳои тоҷик дар гузаронидани чунин чорабиниҳо бароямон боиси ифтихор аст.

Бори дигар, сипоси беандозаи худро барои ширкататон дар ин чорабинӣ баён намуда, умед дорам барои ҳамагон ин конфронс муҳим ва муфид хоҳад гузашт.

*АБДУЛЛОЕВ Парвиз Саъдуллоевич,
ассистент кафедры судебного права и
прокурорского надзора Юридического
факультета Таджикского национального
университета, кандидат юридических наук*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПО ВЫДАЧЕ И ПЕРЕДАЧЕ ЛИЦ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Правовая система Российской Федерации и Республики Таджикистан относятся к континентальной системе права. Поэтому в качестве юридической основы международного сотрудничества по уголовным делам выступают нормативно-правовые акты. Конституция Российской Федерации и Республики Таджикистан занимают приоритетное место среди нормативных правовых актов, регулирующих вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, как акты высшей юридической силы.

Конституционные основы международного сотрудничества в сфере уголовного процесса состоят из следующих положений: нормы Конституции, непосредственно действующие при международном сотрудничестве в сфере уголовного процесса; Конституция определяет юридическую силу нормативно-правовых актов, международного сотрудничества в сфере уголовного процесса; Конституция предусматривает общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве составной части национального законодательства; конституционные предписания, касающиеся отдельных вопросов уголовного судопроизводства. Например, посвящены правам, свободам человека и гражданина, конституционному статусу судебной власти.

Согласно ст. 10 *Конституции Республики Таджикистан*, «международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики. В случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам, применяются нормы международно-правовых актов»¹.

Как правильно отмечает З.Х. Искандаров, Конституция Республики Таджикистан 1994 г. установила важное правило о международно-правовых актах. Заметим, что формулировка «международно-правовые акты» не встречается в конституциях других государств, например, Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызстана, Узбекистана, Азербайджана, США, Франции и др.²

Ст. 15 Конституции РФ предусматривает: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы»³.

1 Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (в ред. Закона от 22 июня 2003 г.) // Джумхурият. – 2003. – 7 июня.

2 Подробнее об этом см.: Искандаров З.Х. Применение международно-правовых актов в уголовном процессе Республика Таджикистан. – Душанбе, 2009. – С. 3-4.

3 Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 № 7-ФКЗ) // Российская

Конституция РТ предусматривает *«международно-правовые акты»*, а Конституция РФ признает *«общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации»*.

Конституция РТ признает только письменную форму международного договора, а Конституция РФ – кроме письменной формы международного договора, допускает и общепризнанные принципы международного права, которые, как известно, могут существовать и в неписьменной форме.

Международно-правовой акт это надлежаще письменно оформленный документ, признанный субъектами международных отношений и содержащий нормы международного права¹. Это понятие международно-правового акта закрепилось в законодательстве РТ и применяется, в том числе, в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, ст. 1 УПК РТ устанавливает:

«Порядок производства по уголовным делам в РТ определяется Уголовно-процессуальным кодексом РТ, основанным на Конституции РТ. Международные правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовых норм, регулирующих уголовное производство» (курсив мой. А.П.).

Конституционное предписание о статусе общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ закреплен в ч. 3 ст. 1 УПК РФ следующим образом: *«общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью законодательства РФ, регулирующего уголовное судопроизводство»*².

Таким образом, положение Конституции РФ признает *«общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ»*, а Конституция РТ, предусматривает *«международно-правовые акты»*: во-первых, они регламентированы в УПК в качестве источника уголовного судопроизводства; во-вторых, действуют при международно-правовой помощи по уголовным делам.

В международном сотрудничестве в сфере уголовного процесса эта норма о сотрудничестве, которая предусмотрена Конституцией и УПК РТ, в практике применения вызывает определенные сложности. Так, одним из основных принципов международного сотрудничества в сфере уголовного процесса является принцип взаимности.

Конституционные основы выдачи лиц в иностранное государство закреплены в Конституции большинства стран мира³. Конституция РФ и РТ как источник международного сотрудничества в сфере уголовного процесса регламентирует непосред-

---

газета. – 2009. – 21 янв.

1 Искандаров З.Х. Указ. соч. – С. 34.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03 декабря 2009 г. (в ред. Закона РТ от 22.07.2013 г.) // АМО РТ. – 2009. – № 12. – Ст. 816.

3 Большинство стран мира законодательно закрепляют невозможность выдачи собственных граждан, причем во многих странах соответствующее положение содержится непосредственно в текстах Конституции (Азербайджан, Ангола, Болгария, Бразилия, Венесуэла Германия, Латвия, Турция, Украина Швейцария и др.) Напротив, допускают выдачу собственных граждан в соответствии с международным соглашением Конституции и (или) законы таких стран как Албания, Беларусь, Грузия, Италия, США, Узбекистан, Эстония, Япония др. (См.: Сравнительное уголовное право: монография. Общая часть / под общ. и науч. ред.: Щерба С.П. Додонов В.Н. – М., 2009. – С. 133).

ственно вопросы выдачи лиц. Согласно ч.1 ст.61 Конституции РФ «гражданин РФ не может быть... выдан другому государству». Аналогичная норма предусмотрена ч.1 ст. 16 Конституции РТ «ни один гражданин республики не может быть выдан иностранному государству».

Таким образом, РФ и РТ на конституционном уровне регламентировали не выдачу собственных граждан в иностранное государство. На какой основе выдается лицо, совершившее преступление – нормы Конституция РФ и РТ различаются.

Ч. 2 ст. 63 Конституции РФ предусматривает «В РФ не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в РФ преступлением. Выдача лиц, обвиняемых в совершении преступления, а также передача осужденных для отбывания наказания в других государствах осуществляются на основе *федерального закона или международного договора РФ*». По сравнению ч. 2 ст. 63 Конституции РФ, ч. 1 ст. 16 Конституции РТ «выдача преступника иностранному государству разрешается на основании *двустороннего соглашения*¹».

Ч. 2 ст. 63 Конституции РФ ссылают вопросы выдачи лиц на «*федеральный закон или международный договор РФ*». Ч. 2 ст. 63 Конституции РФ непосредственно не предусматривает выдачу лиц на основе принципа взаимности. На основании этого УПК РФ предусматривает в ограниченном виде выдачу лиц на основе принципа взаимности. Это ограничение реализуется по предусмотрению, направление запроса о выдаче лица на основе принципа взаимности осуществляется, если в соответствии с законодательством обоих государств деяние, в связи с которым направлен запрос о выдаче, является уголовно наказуемым (ч.2 ст. 460); выдача лица на основе принципа взаимности означает, что в соответствии с заверениями иностранного государства, направившего запрос о выдаче, можно ожидать, что в аналогичной ситуации по запросу РФ будет произведена выдача (ч.2 ст. 462)².

Статья 478 УПК РТ предусматривает выдачу лиц только на основе двухстороннего договора с иностранным государством³.

Некоторые основания передачи лиц отличаются от оснований выдачи лиц. Например, для передачи лица на основе принципа взаимности необходимо письменное соглашение компетентных органов РФ с компетентными органами иностранного государства (ст. 469 УПК РФ). Передача лиц на основе письменного соглашения на условиях взаимности Генерального прокурора РТ с компетентными органами и должностными лицами иностранного государства (ст.483 УПК РТ).

Что означает «условия взаимности», не раскрывает УПК РТ. По нашему мнению, «условия взаимности» понимается не более чем понятие принцип взаимности.

1 Таджикистан может предоставить политическое убежище иностранным гражданам, ставшим жертвами нарушения прав человека.

2 Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч.1). – Ст. 4921.

3 Следует особо отметить, что практика выдачи лиц только на основании международных договоров встречается и в иностранное государства. Например, Верховный Суд США в 1936 году постановил, что ни один орган власти в США не может выдать беглого преступника при отсутствии соответствующего договора. См.: Сравнительное уголовное право: монография. Общая часть / под общ. и науч. ред.: Щерба С.П., Додонов В.Н. – М., 2009. – С. 133.

Законодатель в другой форме закрепил принцип взаимности, который не соответствует своей конституционной основе.

Передача лиц в Международном уголовном суде является одним из актуальных вопросов международного сотрудничества в сфере уголовного процесса и непосредственно связан с конституционными основами государств. В странах, конституции которых в абсолютно определенной форме запрещают экстрадицию собственных граждан, в связи с ратификацией Римского статута может потребоваться изменение конституции либо соответствующее толкование конституционной нормы. В ходе обсуждения проекта Статута в подготовительном комитете рассматривались три термина: «transfer», «surrender», «extradition», - в окончательном варианте документа, принятого на Римской конференции, остался термин «surrender», что позволило реализовать модель процедуры отличной от экстрадиции¹.

Независимо от предложенного нового термина, модель передачи лиц в МУС, для ратификации Римского статута в некоторых государствах потребовало изменение в конституции. Например, Чехия². А в некоторых государствах основания положения Римского статута противоречили конституции, и они не ратифицировали его. Например, Украина.

Конституционный суд Украины от 11.07.2001 г. установил, что в соответствии со статьей 25(2) Конституции Украины, выдача граждан Украины другому государству запрещается. Следовательно, это положение касается лишь национальной, но не международной юрисдикции³.

Независимо от этого, Конституционный суд Украины определил, что не соответствует Конституции Украины в части, касающейся положений части 10 Преамбулы и статьи 1 Римского статута, согласно которым «Международный уголовный суд ... дополняет национальные органы уголовной юстиции».

Таким образом, конституция имеет важнейшую роль при международно-правовой помощи по уголовным делам. По нашему мнению, необходимо уточнить понятие общепризнанные принципы, которая предусматривает Конституция РФ и использует при международном сотрудничестве в сфере уголовного процесса: под общепризнанным, что понимается? Какие требования для принципа необходимы, чтобы он стал общепризнанным? Форма закрепления общепризнанного принципа и т.п.

Следует отметить, что компетентные лица РТ взаимодействуют с компетентными лицами иностранного государства по уголовному делу с теми иностранными государствами, с которыми РТ не имеет международных договоров о сотрудничестве

---

1 Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. – М., 2005. – С. 308.

2 См.: под. Ильютченко Н.В Уголовно-процессуальные аспекты имплементации Римского статута в России // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. – М., 2009. – С. 643.

3 Международный уголовный суд не может приравниваться к иностранному суду, поскольку он учреждается, как уже указывалось, с участием и с согласия государств-участников на основании международного, а не национального права (Заключение Конституционного суда Украины по делу об обращении Президента Украины в Конституционный суд для получения заключения относительно соответствия Конституции Украины Римскому статуту Международного уголовного суда от 11-07-2001 // [http://www.icrc.org/ihl/\(SPF\)/party_main_treaties/\\$File/IHL_and_other_related_Treaties.pdf](http://www.icrc.org/ihl/(SPF)/party_main_treaties/$File/IHL_and_other_related_Treaties.pdf)).

– на основе принципа взаимности. В целях предотвращения этой ситуации (предоставление международного сотрудничества на основе закона) предлагается: первый вариант – необходимо внести дополнение и изменение в ч. 3 ст. 10 Конституции РТ и ч. 3 ст. 1 УПК РТ по поводу признания общепризнанных принципов международного права составной частью правовой системы Таджикистана. В этом контексте признать предоставление международного сотрудничества в сфере уголовного процесса на основе принципа взаимности, в связи с этим необходимы дополнения и изменения в ч. 1 ст. 470 и ч. 3 ст. 473, ст. 476, ст. 483 и т. п. УПК РТ; второй вариант: необходимо заключение новых договоров об оказании правовой помощи по уголовным делам, выдача лиц и передача лиц с теми иностранными государствами, которым чаще всего необходимо сотрудничество в данной сфере.

*АЛЕКСАНДРОВ Александр Сергеевич,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

ПРОБЛЕМЫ СМЕШАННОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Главной проблемой смешанного типа уголовного процесса является организация досудебного производства. Этой проблеме и будет посвящена данная статья. На мой взгляд, именно она является ключевой на современном этапе развития не только русского уголовного судопроизводства, но и уголовного процесса ряда среднеазиатских государств¹. Кратко осветим теорию и историю данного вопроса.

Государственно-правовой институт, представляющий собой (1) систему правоохранительных органов, уполномоченных в правовой форме осуществлять противодействие преступности, и (2) публичное уголовное преследование, называется обвинительной властью.

Обвинительная власть может быть общественной, народной, но на данный момент имеет смысл говорить только об официальной обвинительной власти, т.е. о государственной организации отправления функции обвинения по подавляющему числу уголовных дел.

Теоретические основы концепции обвинительной власти были заложены отцами-основателями современного русского уголовно-процессуального права и уголовно-процессуальной науки в середине девятнадцатого века. В советский период они были основательно «забыты» в виду отрицания концепции правового государства. К сожалению, советские предрассудки не изжиты до сих пор, что негативно сказалось как на теоретических построениях, так и на законодательстве.

Сам термин «обвинительная власть» впервые нашел закрепление в статьях 510, 511 Устава уголовного судопроизводства; статьях 3 и 4 Устава уголовного судостроительства. Н.А. Буцковский, Н.В. Муравьев, И.Г. Щегловитов, другие видные деятели царской прокуратуры и ученые определяли через понятие обвинительной власти концепцию прокурорского уголовного преследования. Так, Н.А. Буцковский отмечал, что поскольку власть обвинительная должна быть отделена от судебной, постольку обнаружение и преследование виновных необходимо предоставить прокурорам². По мнению Н.В. Муравьева, прокуратура как судебное уголовное учреждение, облечена обвинительной властью, которая проявляется вообще в уголовном преследовании и, в частности, в обвинении на суде. По его словам под «обвинительной властью» подразумевается самый институт прокуратуры и совокупность субъективных прав и

---

1 Казахстан, Киргизия, на мой взгляд, в концептуальном плане правильно решили данную проблему, другим еще предстоит ее решать.

2 См.: Буцковский Н.А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. – СПб., 1867. – С. 8.

обязанностей прокуратуры по уголовным делам¹. Понятием «обвинительная власть» охватывается и совокупность, облеченных этой властью деятелей, осуществляющих уголовное преследование².

Институт обвинительной власти может быть помыслен в контексте правового государства и его основного принципа – принципа разделения властей. Разделение уголовно-судебных функций (на судебную, защитную и обвинительную) в состязательном уголовном судопроизводстве и потребность в специальном государственном органе, уполномоченным на реализацию публичного уголовного преследования, делает прокуратуру органом обвинительной власти, а само уголовное преследование – важнейшим предметом ведения прокурорского надзора³. Понятие «обвинительная власть» неразрывно связано с состязательным уголовным процессом и деятельностью стороны обвинения – уголовным преследованием.

Таким образом, обвинительную власть можно определить как систему государственных органов, возглавляемых прокуратурой, наделенных соответствующими процессуальными, а также иными властными полномочиями, и их деятельность по осуществлению уголовного преследования в уголовном судопроизводстве и в ходе доследственной проверки. Обвинительная власть распространяется исключительно на сферу уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности. Судебная власть по законному и обоснованному требованию обвинительной власти применяет уголовный закон в форме привлечения виновного к уголовной ответственности. Следовательно, уголовный процесс развивается благодаря активности обвинительной власти. Органы обвинительной власти выявляют и раскрывают преступления, изобличают лиц, их совершивших, предъявляют и поддерживают в суде обвинение. Они осуществляют уголовное преследование путем совершения процессуальных действий, но так и путем совершения иных действий, разрешенных законом, гласным и негласным образом. Процессуальной деятельностью органов обвинительной власти является там и тогда, где и когда через суд разрешается вопрос о необходимости ограничения конституционных прав личности в связи с расследованием обстоятельств возможного преступления.

Прокуратура, как номинальный носитель обвинительной власти, должна быть от независимой от органов остальных ветвей власти и в то же время надзирать за органами государства, осуществляющими досудебное уголовное преследование. Обвинительная власть сосредоточена у прокуратуры и другие правоохранительные органы, осуществляющие уголовное преследование, должны находиться в подвластном от нее положении. Уполномоченными на проведение досудебного уголовного преследования являются органы дознания, предварительного следствия и оперативно-розыскные органы. Их полномочия на проведение уголовного преследования следует рассматривать в качестве производных от власти прокурора. При правильно

---

1 См.: Муравьев Н.В. Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора (1891-1892 г.) / Из прошлой деятельности. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 534.

2 См.: Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. – М., 1899. – Т. 1. – С. 26.

3 См.: Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. – С. 4-5, 26.

организованной обвинительной власти прокуратура должна рассматриваться как номинальный носитель обвинительной власти и руководителем уголовного преследования на всех стадиях уголовного процесса¹.

Прокурор является субъектом публичного права на уголовный иск. Он вправе распоряжаться этим иском правом, руководствуясь законом и исходя из соображений целесообразности, в том числе – отказаться от уголовного преследования, вплоть до предоставления иммунитета от уголовного преследования; заключить соглашение со стороной защиты и пр. Другие государственные органы, осуществляющие уголовное преследование, должны находиться в процессуальном подчинении у прокурора. Образно говоря, нет уголовного процесса без иска и прокурор субъект его, а остальные субъекты обвинительной деятельности – слуги прокурора.

Организация обвинительной власти в различных странах несет на себе отпечаток национально-правовой специфики, но и в англо-американской и в романо-германской системах имеет место единство обвинительной власти, ее возглавляет прокурор-обвинитель. В России, с ее смешанным уголовным процессом модель обвинительной власти всегда имела следственную форму, и ее правильнее было бы называть обвинительно-следственной властью. В свое время у нас судебно-следственная власть была квазисудебным органом, внедренным в стадию предварительного расследования для внесения элементов состязательности в отношения стороны обвинения, в лице прокурора и подчиненного ему полицейского дознания, с обвиняемым.

Первоначальная редакция УПК РФ вполне позволяла говорить о продолжении правовой традиции разделения властей в уголовном процессе и единстве обвинительной власти. До 2007 года с известными оговорками можно было говорить, о том, что у нас есть единая обвинительная власть, т.е. та структура, которая выдвигает и предъявляет обвинение лицу, предположительно совершившему преступлению, а затем поддерживает обвинение в суде.

После известных изменений уголовно-процессуального законодательства, начало которым было положено федеральными законами № 87-ФЗ, № 90-ФЗ², следственная власть позиционируется как самостоятельная, независимая от обвинительной – прокурорской власти. Таковой следственной власти еще не было в истории русского уголовно-процессуального права. Следователь якобы является органом предварительного расследования, органом уголовной юстиции.

В общем, и без того не отличавшаяся четкостью модель обвинительно-следственной власти (по первоначальной редакции УПК РФ) оказалась к настоящему времени еще более расстроеной, смешанной в результате попыток процессуального

---

1 См.: Рекомендация Комитета Министров странам – членам о роли прокуратуры в системе уголовного правосудия (принята Комитетом Министров 6 октября 2000, во время 724 собрания Делегатов Министров) <http://legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14469>

2 Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 28.12.2010) “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации” // СЗ РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830; Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации” // СЗ РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2833.

http://www.enforce.spb.ru/images/Issledovanya/IRL_KGI_Reform_final_11.13...

<http://www.iuaj.net/node/1423>

обособлениям следственной власти, ограничения надзорных полномочий прокурора.

Произошедшие изменения в обвинительно-следственной власти носят конъюнктурный, политический характер и никак не связаны с логикой состязательного процесса, где есть сторона обвинения, сторона защиты и суд. Если следователь и прокурор на одной стороне, то зачем следователю независимость от прокурора? И кто в конце-концов отвечает за исход «дела обвинения»? Следователь или прокурор?

Незавершенность реформы досудебного производства откладывает свой отпечаток на нестабильный, конфликтный характер правовых отношений прокурора, руководителя следственного органа и следователя. Полагаю, что это ненормальное положение, которое надо срочно менять.

Я являюсь сторонником реформы органов предварительного расследования по европейской модели, что отражено в «Концепции комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ, подготовленной Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге для Комитета гражданских инициатив совместно с фондом «ИНДЕМ» . Данная концепция верна, потому что основана на опыте строительства обвинительной власти в европейских странах и вполне соответствует классической теории обвинительной власти. Чего не скажешь о взглядах тех, кто выступает за создание единого следственного органа, процессуально независимого от прокуратуры.

Многие по прежнему продолжают исходить из того, что формат предварительного следствия является основной формой досудебного производства по уголовному делу, возможная дифференциация этой формы (в сторону упрощения) допускается, но опять же при сохранении следственного способа разработки доказательственного материала. Предложения по усовершенствованию уголовно-процессуального законодательства, вроде закрепления в УПК принципа «объективной истины», наделение следователя правом судебного обжалования процессуальных решений прокурора, восстановления в полном объеме института возвращения судом уголовного дела прокурору на дополнительное расследование¹ – тупиковая ветвь правовой эволюции. К счастью это поняли в Правовом Управлении Государственной Думе и положили конец инициативе СК РФ и правительства².

Надо понять одну простую вещь – никакого отношения современная следственная власть к судебной не имеет, подобное представление является пережитком следственной (советской) идеологии. Вот прокурор – элемент уголовной юстиции, будучи публичным уголовным истцом. Но подчиненные ему агенты обвинительной власти, в систему юстиции не входят. Таким образом, органы обвинительной власти вместе с уголовными судами образуют уголовную юстицию. СКРФ не укладывается

---

1 Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». [Электронный ресурс]. URL – [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=440058-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=440058-6&02) (дата обращения – 9 марта 2014 г.).

2 Заключение по проекту федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», внесенному депутатом Государственной Думы А.А. Ремезковым (первое чтение) [Электронный ресурс]. URL – http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551&sphrase_id=286018 /дата обращения – 9 марта 2014 г.)

в нормальную модель обвинительной власти, возглавляемой прокуратурой. Вообще институт следователя (судебного), процессуально самостоятельного, независимого, мыслим только как орган судебного контроля, но не уголовного преследования. Таковым является Следственный Судья в некоторых постсоветских уголовно-процессуальных порядках, например, в Украине.

Полиция – это элемент обвинительной власти, но не субъект процессуальных отношений с судом. Никем, кроме полицейского агент обвинительной власти быть не может. Как отмечает Л.В. Головкин: «Ничем другим, кроме как «полицейским ведомством», следственный комитет быть не может, что и доказали, например, казахстанские реформы середины 1990-х годов или определенный теоретический тупик развития современного российского Следственного комитета при Прокуратуре РФ с его совершенно «загадочной» институциональной природой»¹.

Обвинительная власть характеризует устройство и деятельность правительственной, полицейской власти правового государства в условиях разделения властей и состязательного процесса, при сложившихся институтах независимой судебной власти, контроля гражданского общества за государством. Отсутствие этих условий, формальный характер состязательности на досудебном производстве по уголовному делу, следственный формат мешает в полной мере раскрыться потенциалу и прокурора и поднадзорных ему органов, как субъектов обвинительной власти, снижает эффективность уголовного преследования, а вместе с тем и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Ослабление взаимодействия между оперативным и следственным аппаратами – это главный прагматический довод против передачи подследственности по всем уголовным делам одному ведомству для ведения по ним предварительного следствия. Следователь без оперативного аппарата как субъект познания – ничто, вместе с оперативником – он все. Розыск, поиск преступления, раскрытие преступления должны осуществляться в любой, а не только и не столько в процессуальной (судебной) форме, а путем негласных мероприятий. В полицейском дознании-розыске должны быть полностью слиты воедино современные оперативно-разыскная и следственная деятельности. Сказанное, между прочим, означает конец «теории ОРД», весьма сомнительной отрасли гуманитарного знания, среди представителей которой полно реакционеров, принесших большой вред для становления адекватного правового сознания.

Ничего кроме, новых финансовых расходов создание гиперследственного органа и обрастание им новыми оперативными структурами не даст. А в институциональном плане вред будет непоправимый: торможение прогрессивных реформ уголовного судопроизводства. Это подтверждает опыт Казахстана, Белоруссии, да и собственный российский опыт. «Качество следствия» от создания СКР отнюдь не повысилось, гарантии прав личности – сомнительны. Хотя нельзя отрицать того, что СК РФ укладывается в схему ручного управления уголовной юстицией. Только вряд ли подобная схема надежна и гарантирует эффективность государственного управления в сфере противодействия преступности. Институты, в данном случае институт

¹ См.: Головкин Л.В. Казахстан: десовиетизация уголовного процесса. Статья 2. Унификация досудебного расследования // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 11-13.

обвинительной власти, должны работать в силу закона, а не по произволу наделенных сверх полномочиями «начальников».

Теперь обратимся к проблеме правовой организации деятельности обвинительной власти. Существующая система уголовного преследования устарела: организационно она разделяет процедуры раскрытия и расследования преступления. Это приводит к участию в ней на досудебной стадии (минимум) трех лиц с разными задачами: оперативный уполномоченный, следователь/дознатель и прокурор. Нам нужен качественно иной правовой формат противодействия преступности: «полицейское дознание», т.е. оперативно-разыскная деятельность и расследование как единое целое – досудебное уголовное преследование.

Вопрос отказа от традиционной инквизиционной модели и развороте к стандартам состязательного уголовного процесса потребует пересмотра УПК (создания нового) и, что особенно трудно и болезненно для нашего правосознания (науки) – изменения стандартов доказывания.

Я считаю, что пришло время отказаться от следственной формы досудебного производства. Предварительное следствие, как следственный способ подготовки материалов обвинения, подлежащего формулированию и выдвижению прокурором против обвиняемого в суде, подлежит ликвидации. В концептуальном плане следует отказаться от функции предварительного следствия (всестороннего, объективного и полного), при том что, разумеется, уголовное преследование как одна из трех основных процессуальных функций должна остаться. В состязательном процессе, каждая из сторон выполняет свою функцию; полиция и прокуратура, как представители стороны обвинения – функцию уголовного преследования.

Основным органом досудебного уголовного преследования должна стать многопрофильная федеральная уголовная полиция. Реформа предварительного расследования должна исходить из процессуального единства уголовно-полицейской деятельности, т.е. ОРД, «доследственной проверки» и собственно следствия. В развитых правовых порядках уголовно-полицейская деятельность «процессуализируется» через понятие полицейского дознания, охватывающего отечественные «предварительное следствие», «дознание» и «ОРД». Полицейское дознание может включать набор самых разнообразных действий по собиранию доказательств совершенного преступления, включая те действия, которые предусмотрены Законом об оперативно-розыскной деятельности. Что касается «оперативно-розыскной деятельности», то нет и не может быть никаких оснований для ее регулирования на уровне автономного закона и рассмотрения в качестве деятельности «непроцессуальной»¹.

Федеральная уголовная полиция подлежит созданию на базе Следственного комитета и соответствующих оперативных служб МВД и ФСКН. К ее полномочиям должно быть отнесено раскрытие и расследование тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений, совершаемых на межрегиональном или международном уровне, борьба с организованной преступностью, международное сотрудничество. Полиция должна быть основным агентом обвинительной власти, т.е. органом уполномоченным выявлять, раскрывать и расследовать все преступления, осуществлять досудебное производство в виде «полицейского дознания».

¹ См.: Головкин Л.В. Указ. соч. – С. 10.

Полицейские органы должны осуществлять выявление и раскрытие преступлений путем производства гласных и негласных следственных действий, т.е. фактически путем осуществления оперативно-разыскной деятельности. Только после представления прокурором результатов этой деятельности суду и их судебной проверки в условиях состязательности они получают статус судебных доказательств.

Прокуратура должна руководить досудебным (полицейским) уголовным преследованием. Прокурор должен быть «хозяином» уголовного преследования, и до суда и в суде. Прокуратура должна быть процессуальным уполномоченным государства по ведению уголовных дел в суде, а потому она должна быть в состоянии руководить агентами обвинительной власти уголовной полиции по выявлению и раскрытию преступлений, подготовке обвинительных материалов. Чтобы на надлежащем уровне выполнять свою обвинительную функцию прокуратуре следует радикально сократить общий надзор.

Основной (институциональный) порок СКРФ в том, что сохраняя следственную форму, он оправдывает порочное юридическое разделение гласной деятельности следователя (процессуального бюрократа, паразитирующего на работе оперативных подразделений) и негласной деятельности оперативника. Следователь должен не столько «легализовывать» полученную на доследственном этапе информацию при помощи создания множества документов, протоколов, заказа большого числа экспертиз, сколько выяснять реальную фабулу дела, искать те существенные доказательства, которые потом оцениваются судом во время разбирательства.

Создание СКР было в свое время непродуманным решением, которое отменило реформу предварительного расследования, привело к разладу механизма публичного уголовного преследования в нашей стране. Теперь возможны лишь два пути по выходу из кризиса: или СК РФ поглотит полицию (с ее следственным и оперативным аппаратами) или полиция поглотит СКР. Второй вариант предпочтительнее, как более простой и менее затратный. Разумеется, ликвидация СКРФ в его нынешнем виде не самоцель, а необходимая мера поинституциональной реформе предварительного расследования. Полагаю, для СКРФ есть только один способ встроиться в нормальную правоохранительную систему (правового, демократического государства) – через превращение в орган борьбы с должностными преступлениями в силовых структурах и с должностной преступностью в госорганах в целом. Речь идет о Федеральной службе по расследованию должностных преступлений, то есть специализированную полицейскую службу.

Создание дееспособной обвинительной власти станет возможным, лишь при условии, если руководство страны не на словах, а на деле желает перейти от имитации правоохранительной деятельности, к реальной борьбе с преступностью, прежде всего в сфере экономики. Надеюсь, что к 2017 году уйдет в прошлое как сама функция «предварительное следствие», так и фигура Следователя, а вместе с ними и следственный формат, а наше уголовное судопроизводство примет нормальную – состязательную физиономию.

*АЛЕКСАНДРОВА Людмила Анатольевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Уральского государственного юридического
университета, кандидат юридических наук*

ЛИЧНОЕ УСМОТРЕНИЕ И ПУБЛИЧНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА

Расширение применения личного усмотрения в сфере регулирования уголовно-процессуальных правоотношений происходит по мере наполнения их оценочными понятиями, сущность которых находится вне рамок точного определения. Таковым, например, является понятие «разумный срок», введённое в российский УПК.

В 2010 году глава 2 УПК РФ была дополнена статьёй 6.1, содержащей понятие разумного срока уголовного судопроизводства. Законодатель в части 2 статьи допустил противопоставление сроков, установленных Уголовно-процессуальным кодексом и предложенного им «разумного» срока. По общему смыслу рассматриваемой нормы, получается, что сроки, установленные УПК РФ, необходимо соблюдать, но уголовное преследование должно осуществляться в разумный срок. Создаётся впечатление, что речь идёт о разных правовых явлениях.

Верховный Суд в постановлении Пленума от 27 декабря 2007 г. N 52 предпринял попытку растолковать понятия «разумного срока» и «неоправданной задержки», употребляемые в п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в п.п. «с» п. 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах¹. Однако, всё толкование свелось к открытому перечню незаконных либо необоснованных решений, которые могут привести к нарушению установленных законом сроков: ненадлежащее извещение участников процесса о времени и месте судебного разбирательства, необоснованное отложение дел либо отложение дел без указания даты следующего судебного заседания или назначение даты заседания через значительный промежуток времени без достаточных на то оснований и т.д.

Понятие «разумности сроков» - одно из недавних заимствований из англо-саксонского законодательства. Прецедентное право не предполагает жёсткого ограничения усмотрения правоприменителя рамками закона. Такими пределами служат оценочные по своему характеру понятия «разумности», «целесообразности», «оправданности» и подобные им. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, являясь частью континентальной системы права, не придаёт оценочным понятиям ведущего значения. УПК РФ требует законности, обоснованности и мотивированности всех процессуальных решений, в том числе, и о назначении, о продлении сроков производства по уголовному делу. Однако, при оспаривании обоснованности решения, подвергается сомнению именно его разумность, причём предметно и независимо от целей и умозаключений заинтересованных лиц. В этом неоспоримый

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 52 О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях // Российская газета. – 2008. – 12 января.

плюс нашей системы права. Иначе надо было бы законодателю дать исчерпывающее определение разумности. Однако, вряд ли он сможет это сделать. В УПК Таджикистана нет этого понятия, хотя существует глава 16 «Процессуальные сроки, издержки». Думается, это и есть разумная достаточность.

Существуют и другие оценочные понятия, которые можно объяснить. Они хоть и толкуются по усмотрению, но, в отличие от «разумного срока» могут быть объяснены, исходя из общего смысла уголовного судопроизводства. Таковыми являются, например, понятия «относимость», «достаточность», лежащие в основе всякой оценочной деятельности, а, значит, и многих процессуальных решений.

Постановление о возбуждении уголовного дела – одно из первых решений, определяющих его судьбу. Поскольку принимаются и регистрируются все поступающие сообщения о преступлении, тщательной оценке подлежат результаты проверочных действий, на основе которых должно быть принято законное решение. В связи с этим интересными представляются статистические данные. Из общего количества поступивших в 2013 году обращений было рассмотрено 11 671 978 заявлений о совершенных преступлениях, однако подтвердились лишь 1 761 545 из них, а по 6 703 235 заявлениям были вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовных дел. Снижение количества возбужденных уголовных дел на 5,4% по сравнению с предыдущим периодом и одновременным ростом на 4,5% показателя отказов в возбуждении уголовных дел может указывать на увеличение числа необоснованных отказов в проведении расследования и выявлении виновных¹. Нужно только не до конца проверить сообщение о совершённом преступлении и сделать вывод, соответствующий ведомственному, либо какому-то другому, более узкому интересу.

Ярким примером может быть постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное по результатам проверки заявления председателя правления ОАО «Инвесткапиталбанк» в отношении и по факту мошеннических действий неустановленного лица².

В ходе проверки заявления было установлено, что банк заключил договор с гражданином Б. на предоставление овердрафта к своему банковскому счёту. В соответствии с договором Б. была выдана пластиковая карта во временное пользование сроком на один год для совершения операций и получения наличных денежных средств. Ровно через год неустановленное лицо, путём копирования магнитной карты, принадлежащей Б., списало с неё денежные средства в сумме более двух миллионов рублей по операциям в торговых точках в США и Индии.

Несмотря на установленные обстоятельства, в возбуждении уголовного дела было отказано за отсутствием состава преступления, причём проверка проводилась более месяца, тогда как максимально продлённый срок проверки не должен превышать 30 суток (ч.3 ст.144 УПК РФ). Очевидно, что в данном случае преследовался ведомственный интерес. За прошедшее время стало ясно, что установить лицо, совершившее преступление, вряд ли удастся, а, значит, этот материал может пополнить список нераскрытых преступлений. Тем не менее, в интересах пострадавшего от

1 Преступность в России в 2013 // Информационно-правовой портал Гарант.ру /<http://www.garant.ru/infografika/521220/> дата обращения 10.11.14г.

2 Архив ОП № 3 УВД по г. Уфа Республики Башкортостан.

преступления получить решение как можно быстрее, чтобы предпринимать какие-то дальнейшие шаги для защиты своих интересов. Согласно ст. 124 УПК РФ, он может обратиться с жалобой на принятое решение в прокуратуру, а прокурор может отменить незаконное решение об отказе в возбуждении уголовного дела. В то же время, российский законодатель лишил прокурора полномочий по самостоятельному принятию решения о возбуждении уголовного дела и обрѣк заявителя на вечные скитания со своими жалобами от следователя к прокурору и обратно.

Абсолютным отступлением от публичности уголовного судопроизводства являются случаи смещения оценочных понятий в область частных интересов лиц – участников уголовного судопроизводства. Таковыми являются понятия «общественная опасность» «примирение», когда речь идёт о возбуждении некоторых категорий дел и об их прекращении за примирении сторон.

Нельзя не согласиться с отнесением некоторых немногочисленных составов к категориям дел частного и частно-публичного обвинения. Субъективное оценочное начало по данным категориям дел не только допустимо, но и оправданно.

При этом, в качестве признаков, характеризующих дела частного обвинения, можно выделить следующие:

– *объектом посягательства являются неотъемлемые свойства личности (здоровье, честь, достоинство);*

– *причина - межличностный конфликт (неприятные отношения между потерпевшим и обвиняемым);*

– *максимально причиненный ущерб - легкий вред здоровью;*

– *субъективно-оценочное начало (оценка самим потерпевшим совершенного в отношении него деяния);*

– *уголовное преследование осуществляется потерпевшим и полностью зависит от его волеизъявления: он сам выдвигает и поддерживает обвинение (ст.22 УПК РФ).*

– В качестве классических признаков дел частно-публичного обвинения можно назвать такие, как:

– *объект посягательства отчуждаем, но индивидуален (интеллектуальная собственность); либо объект носит интимный характер (половая неприкосновенность);*

– *в частном порядке определяется наличие оснований для возбуждения уголовного дела (размер ущерба может быть определен лишь настоящим собственником; волевой момент определяется потерпевшей);*

– *уголовное преследование зависит от воли потерпевшего только на стадии возбуждения уголовного дела.*

– Сравнительно недавно перечень дел частно-публичного обвинения был значительно расширен составами, связанными с мошенничеством, характеристика которых не соответствует делам данной категории.

10 декабря 2012 года была существенно изменена статья 159 УК, посвященная мошенничеству¹.

¹ Федеральный Закон Российской Федерации “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” // Российская

Выделены самостоятельные виды мошенничества:

- в сфере кредитования,
- при получении выплат,
- с использованием платежных карт,
- в сфере предпринимательской деятельности,
- в сфере страхования,
- в сфере компьютерной информации.

Одновременно была изменена ч.3 ст.20 УПК РФ, которой мошенничество было отнесено к категории дел частного-публичного обвинения.

Согласно ч.3 ст. 20 УПК РФ, мошенничество рассматривается как дело частного-публичного обвинения, если оно совершено:

- индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности;
- членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

По той же ч.3 ст.20 УПК РФ мошенничество будет преследоваться в публичном порядке, если:

- преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия;
- вред причинен государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с прямым участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования;
- либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество.

А, между тем, сама по себе ст. 159 УК РФ предусматривает, кроме прочего, ответственность за мошенничество, совершенное организованной группой, либо в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение.

Возникает впечатление защищенности преступлений в сфере предпринимательской деятельности от государства, а лиц, совершивших их – от уголовного преследования. Создано уже несколько таких степеней защиты. Нельзя не согласиться с А.С. Александровым¹, что законодатель стремится исключить возможность государства регулировать правоотношения в коммерческой сфере, однако саму предпринимательскую деятельность невозможно отграничить от общества, от отдельных лиц, для которых государство остаётся гарантом Конституции.

Очевидно, что в данном случае общественную опасность деяния оценивает лицо, это деяние совершившее. Происходит приватизация полномочий вслед за

газета. – 2012. – 3 декабря.

¹ Александров А.С. Анализ предложений Минэкономразвития по изменению уголовно-процессуального права // ЭЖ-юрист. – № 43 от 02.11.2012 / <http://www.iuaj.net/node/1100> <дата обращения 25 марта 2013г.>

приватизацией имущества. Разница в прекращении производства по делам частного и по делам публичного, частно-публичного обвинений за примирением сторон очевидна. В уголовно-процессуальном праве порой предоставляется возможность судье, прокурору, следователю, дознавателю принимать решения, в той или иной мере предопределяющие результат судопроизводства. Существуют нормы, прямо или косвенно предусматривающие право собственного усмотрения должностных лиц правоохранительных органов и судов.

Таким, например, является положение ст. 25 УПК РФ, провозглашающее право суда, а также следователя с согласия руководителя следственного органа и дознавателя с согласия прокурора прекратить уголовное дело в отношении лица на основании заявления потерпевшего или его законного представителя. Очевидно, что подобные решения принимаются после проверки и изучения обстоятельств дела, формирующих убеждение должностного лица.

Прекращение уголовных дел о совершении преступлений небольшой и средней тяжести по общему правилу не является обязательным. Ст.ст. 25 и 28 УПК предполагают право суда, следователя или дознавателя как положительного, так и отрицательного решения о прекращении уголовного дела по собственному усмотрению.

Это – резервный выход из ситуации, когда преступление имеет особое общественное значение. Усмотрение лица, расследующего уголовное дело, основанное на изучении всех обстоятельств преступления, должно подсказать ему верное решение в случае, когда уголовное дело прекращать нецелесообразно (взрыв на Чернобыльской атомной электростанции, иное преступление, совершенное по халатности, повлекшее человеческие жертвы).

Интересно, что некоторые специальные нормы как УПК РФ, так и УПК Республики Таджикистан содержат довольно категоричную формулировку относительно принятия такого решения судьей: непрекращение уголовного дела за примирением сторон или в связи с деятельным раскаянием является основанием для отмены или изменения судебного решения в любом случае (ч. 1 ч. 2 ст. 381, п. 3 ч. 1 ст. 254 УПК РФ, ч. 3 ст. 375 УПК РТ). Таким образом, личное усмотрение завершается обязанностью. В данном случае ограничение личного усмотрения судьи приводит к смещению оценочных понятий в сферу частных интересов. Участники, исходя из собственных целей, сами решают вопросы примирения, а судья оказывается обязанным лишь грамотно оформить это решение. Очевидна необходимость корректировки уголовно-процессуального законодательства, нормы которого допускают некорректное применение оценочных понятий. Очевидно, что проблемы возникают как при возбуждении уголовных дел, так и при их прекращении. С одной стороны, могут не совпадать мнения следователя и прокурора о достаточности оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела, а с другой – на этой же стадии – вопрос окончательного решения зависит только от волеизъявления частных лиц, представляющих коммерческие интересы. Этим трудностей может не знать правоприменитель Таджикистана, поскольку УПК РТ, не обременяя следователя обязанностью добывать разрешение прокурора на возбуждение уголовного дела, мудро оставил за последним право самому возбудить производство (ст. 145 РТ). Что

же касается влияния оценки своих деяний частными лицами на уголовную политику государства, то таджикский законодатель смог его избежать, ограничив перечень дел частного-публичного обвинения составами, связанными с личными неотъемлемыми правами и некоторыми неосторожными преступлениями (ч. 3 ст. 24 РТ).

Смысл этих норм вполне понятен, поскольку логически обусловлен задачами уголовного судопроизводства, вполне согласующимися с главной характеристикой уголовного процесса как отрасли права – публичностью. В ч. 1 ст. 2 УПК РТ, наравне с защитой прав и свобод человека, названа задача защиты интересов общества, государства и организаций, пострадавших в результате совершения преступления. Российский законодатель, отказавшись от этих очевидных целей существования уголовно-процессуального права, замыкается на отдельно взятом лице, его интересах и правах, что делает его похожим на диспозитивное в своей основе гражданское право, и допускает возможность возникновения рассмотренных противоречий.

*АЛИЕВА Парвина Хабибхоновна,
стажер кафедры уголовного права и процесса
Российского университета дружбы народов*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕМУ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Право потерпевшего иметь представителя является гарантией реализации прав потерпевшего на доступ к правосудию. Поскольку, представительство – одна из гарантий соблюдения законности, важнейшее средство решения проблемы соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса¹. Несомненно, данное суждение распространяется и на потерпевшего, как участника уголовного судопроизводства, осуществляющее уголовное преследование.

Именно поэтому в ч.2 ст.42 УПК РТ, так же, как и в ч.2 ст.42 УПК РФ закреплено, право потерпевшего иметь представителя.

Согласно части 1 статьи 45 УПК РТ представителями потерпевшего, признаются близкие родственники или иные лица, правомочные в силу закона представлять при производстве по уголовному делу законные интересы потерпевшего, допущенное к участию в деле постановлением дознавателя, следователя, прокурора, определением суда, судьи. В этой связи следует отметить, что ч.1 ст.45 УПК РФ относит адвоката к числу представителей потерпевшего. По нашему мнению, такой подход российского законодателя введет только к путанице. Другое дело, когда речь идет об особом случае, когда для отстаивания требования потерпевшего ему необходима высококвалифицированная профессиональная помощь.

Бесспорно, превосходством Уголовно–процессуального кодекса Республики Таджикистан, является ч.2 ст.45 УПК РТ, в котором устанавливается, что для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психологическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в деле привлекаются их законные представители².

Как показало наше исследование, 27% из опрошенных диссертантом следователей и судей Республики Таджикистан считают необходимым дополнить вышеуказанную статью УПК РТ о наделении потерпевшего правом бесплатного пользования услугами адвоката, если потерпевший не может самостоятельно воспользоваться своими правами по состоянию здоровья.

Более того, необходимо отметить, что в России в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ с 1 января 2015 года статья 45 УПК РФ дополнена частью второй следующего содержания: «2.1. По ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета».

1 Леви А.А. Потерпевший в уголовном процессе. – М., 2007. – С. 35.

2 Аналогичное положение содержится и в части 2 статьи 45 УПК РФ.

Отметим, что, наука уголовного процесса Таджикистана находится на этапе становления, используя научные труды юристов – процессуалистов Российской Федерации. Поэтому мы обращаем внимание на труды российских ученых.

В науке уголовного процесса существуют различные суждения по поводу дополнения статьи 45 УПК РФ нормой, предусматривающую случаи обязательного участия в деле представителя потерпевшего. Более того, закрепить адвоката вместо представителя потерпевшего в участии по уголовному делу.

В частности, Р.В. Абозин предлагает наделить потерпевшего бесплатным адвокатом, в том случае если он является неграмотным.

Т.В. Тетерина утверждает, что потерпевший должен быть обеспечен бесплатным адвокатом, если он не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу¹. Считаем несколько неуместным это предложение, поскольку в данном случае в уголовно-процессуальном законодательстве как Таджикистана, так и России предусмотрено право потерпевшего пользоваться услугами переводчика бесплатно.

По мнению В.В. Владимировой, государство должно обеспечить бесплатным адвокатом социально незащищенных категорий лиц, пострадавших от преступлений².

Кроме того, В.В. Осипкин полагает, что в преступлениях, совершенных членами организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций) потерпевший должен иметь право на бесплатную помощь адвоката³.

О.А. Чабукиани среди обязательных случаев участия в уголовном деле адвоката – представителя потерпевшего относит случаи, когда с подозреваемым, обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также если уголовное дело будет рассматриваться судом с участием присяжных заседателей⁴.

Предложение О.А. Чабукиани может быть полезным для уголовного процесса России, но не для уголовного процесса Таджикистана, так как в УПК РТ не предусматривается ни заключение о досудебном соглашении о сотрудничестве, ни рассмотрение судом уголовного дела с участием присяжных заседателей.

И.М. Ибрагимов предлагает во всех уголовных делах, по которым основанием для проверки и оценки предоставленных потерпевшим доказательств, а также для признания заявителя в качестве потерпевшего может стать заключение судебной экспертизы, необходимо обязательное назначение и производство экспертизы, равно как и обязательное участие адвоката – представителя потерпевшего⁵.

---

1 Тетерина Т.В. Проблемы обеспечения имущественных, иных прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе: дис... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2004. – С. 201.

2 Владимировая В.В. Компенсация морального вреда – мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе: дис... канд. юрид. наук. – Саранск, 2004. – С. 213–214.

3 Осипкин В.В. защиту прав потерпевшего // Законность. – 2000. – № 2. – С. 35.

4 Чабукиани О.А. Гарантии прав потерпевших при заключении стороной обвинения досудебное соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) // Российская юстиция. – 2012. – № 4. – С. 36.

5 Ибрагимов И.М. Концептуальные проблемы правомерных возможностей защиты прав потерпевшего и вопросы совершенствования законодательства в процессе доказывания в российском уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 30.

Д.Я. Бегова считает, что потерпевшего необходимо обеспечить бесплатным адвокатом в силу особых свойств уголовного дела, когда потерпевший прямо настаивает на обеспечении ему данного права. Кроме того, когда государственный обвинитель в порядке ч.7 ст.146 УПК РФ отказался от обвинения, а потерпевший настаивает на разрешении дела судом, по существу¹.

М. Желудков утверждает, что для практической реализации равноправия и состязательности сторон в уголовном процессе важно иметь реальную возможность на получение юридической помощи со стороны профессиональных защитников – адвокатов².

Правильно М. Желудков отмечает, что в уголовном процессе для потерпевшего важно иметь реальную возможность на получение юридической помощи со стороны профессиональных защитников – адвокатов. Однако, не указывает в каких случаях.

С.В. Круглов считает, что независимо от материального положения потерпевшего, а в зависимости от его волеизъявления потерпевшие должны обеспечиваться бесплатными адвокатами³. М.В. Николаев также, дополняя С.В. Круглова, отмечает, что во всех случаях, когда об этом поступило соответствующее ходатайство⁴. Результаты исследования показали, что 22% из опрошенных, автором судей и следователей Республики Таджикистан аналогичного же мнения.

Р.В. Абозин также указывает о необходимости наделения потерпевшего правом на участие адвоката по назначению следователя или суда, как минимум в тех случаях, когда рассматриваются уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях⁵. Результаты опроса, проведенного автором, показали, что 5% из опрошенных действующих практических работников правоохранительных органов Таджикистана, считают, что при рассмотрении уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, наделить потерпевшего правом на участие адвоката по назначению следователя или суда.

С уважением относясь к приведенным предложениям, все же следует отметить, что главным, высококвалифицированным защитником интересов потерпевшего является государство, в лице прокурора, государственного обвинителя, за исключением, когда государственный обвинитель отказался от поддержания обвинения в суде. В этом плане примечателен опыт США о праве жертвы преступления (потерпевшего) советоваться с прокурором. Предоставление жертве преступления права на консультацию с прокурором означает не просто обеспечение потерпевшего информацией, а побуждает прокуроров принимать во внимание мнение жертвы преступления перед

---

1 Бегова Д.Я. Потерпевший в уголовном судопроизводстве России: интерес и процессуальные средства защиты: дис... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2009. – С. 198–199.

2 Желудков М. Особенности уголовно–процессуальной деятельности потерпевших в досудебном производстве по уголовному делу // Уголовный процесс. – 2008. – № 1. – С. 94.

3 Круглов С.В. Участие потерпевшего в доказывании на предварительном следствии по УПК РФ: дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – С. 11.

4 Николаев М.В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании по делам публичного и частного обвинения: дис... канд. юрид. наук. – Кемерово, 2008. – С. 10.

5 Абозин Р.В. Соотношение прав и обязанностей потерпевшего и подсудимого в судебных стадиях уголовного процесса: дис... канд. юрид. наук. – Владимир, 2011. – С. 12.

принятием того или иного решения¹.

В связи с изложенным, для уголовного процесса Таджикистана было бы целесообразным внести в ч.2 ст.42 УПК норму о праве потерпевшего пользоваться бесплатным адвокатом в случаях расхождения мнения потерпевшего со следователем, дознавателем, прокурором, а также при отказе государственного обвинителя от обвинения в судебном разбирательстве.

Для обоснования нашей позиции, приведем результаты опроса практических сотрудников правоохранительных органов Республики Таджикистан, где 45% из опрошенных считают правильным, наделение потерпевшего правом пользования услугами адвоката бесплатно, в случаях расхождения мнения потерпевшего со следователем, дознавателем, прокурором, а также при отказе государственного обвинителя от обвинения в судебном разбирательстве.

Что же касается случаев материальной несостоятельности потерпевшего на оплату услуг адвоката, то здесь мнения ученых тоже расходятся. Одни предлагают установить порядок компенсации в случае необходимости расходов потерпевшего на оплату услуг адвоката за счет средств бюджета государства², другие, учитывая материальное положение потерпевшего, считают, что государство может взять на себя оплату услуг адвоката, впоследствии взыскав данную сумму в порядке регрессного иска с обвиняемого³, третьи утверждают, что потерпевшему должна быть предоставлена возможность воспользоваться услугами адвоката с возложением обязанности оплаты его услуг либо на государство, либо на лицо, которое приговором суда признано виновным в совершении преступления⁴.

И. Яровая полагает, что сегодня защита потерпевших, защита жертв насилия должна быть серьезным образом обеспечена государством. Особенно когда речь идет о защите детей. Поэтому она предлагает, чтобы сегодня у всех несовершеннолетних, которые стали жертвами насилия, были бесплатные адвокаты, которые будут предоставляться государством и обеспечивать защиту их прав⁵.

В ходе проведенного автором опроса практических сотрудников правоохранительных органов Республики Таджикистан, один из опрошенных адвокатов предложил обеспечить потерпевшего в случае его материальной несостоятельности бесплатным адвокатом за счет общественных организаций, которые функционируют в Таджикистане. К примеру, как Коллегия Адвокатов Согдийской области – после реализации проекта «Иштирок» Кризисного Центра «Гулрухсор» были подготовлены специализированные адвокаты по защите жертв домашнего насилия, которые оказы-

1 Кухта К.И., Махов В.Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. – М., 2008. – С. 83.

2 Коркина И.В. Процессуальное положение потерпевшего в досудебном уголовном судопроизводстве: дис... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 10.

3 Демченко Е.В. Участие потерпевшего и его представителя в доказывании: дис... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 12–13.

4 Танцеров М.В. Потерпевший и его функция в уголовном процессе России: дис... канд. юрид. наук. – Томск, 1999. – С. 156.

5 Ирина Яровая (председатель комитета ГД по безопасности и противодействию коррупции) о рассмотрении в первом чтении законопроекта «О защите прав потерпевших» – М., 23.04.2013. www.youtube.com (от 11 сентября 2013 года – видеосюжет).

вают клиентам Кризисного Центра юридические услуги на бесплатной основе. Филиал Центра по оказанию правовой помощи женщинам «ИНИС» Согдийской области – с 1 июля 2005 г. является непосредственным партнером по оказанию юридических услуг для Кризисного Центра «Гулрухсор». Адвокаты «ИНИС» предоставляют юридические консультации, помогают составлять документацию, а также защищают интересы женщин – клиентов Кризисного Центра в судах¹.

Таким образом, в результате анализа уголовно – процессуальных законодательств Республики Таджикистана и Российской Федерации, с учетом рекомендаций российских ученых и практических работников правоохранительных органов Таджикистана, автор пришел к следующему выводу.

Внести в ч.2 ст.42 УПК РТ норму о праве потерпевшего пользоваться бесплатной помощью адвоката в случаях расхождения мнения потерпевшего со следователем, дознавателем, прокурором, а также при отказе государственного обвинителя от обвинения в судебном разбирательстве.

---

1 См.: www.gulruhsor.tj

*АРИПОВ Анвар Лутфиллоевич,
начальник кафедры уголовного права,
криминологии и психологии факультета
№ 2 Академии МВД Республики
Таджикистан, кандидат юридических
наук, майор милиции*

ДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ НОРМЫ О СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Новым уголовно-процессуальным законом состязательность и равноправие сторон включены в число законодательных принципов уголовного процесса (глава 2 УПК Республики Таджикистан)¹. Действовавший до 2010 года, уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан 1961 года не рассматривал состязательность как один из принципов. Однако еще в советские годы, в научной литературе состязательность была предметом обсуждения и исследования ученых процессуалистов до его введения в законодательство. Одной из первых работ принадлежит перу М.С. Строговича, который в 1939 году опубликовал монографию², посвященную вопросу состязательности в уголовном процессе. В последующем, этим вопросом занимались известные ученые процессуалисты, как Н.Н. Полянский, И.Д. Перлов, М.А. Чельцов-Бебутов, Т.Н. Добровольская, В.М. Савицкий, И.Л. Петрухин, и другие авторы³. Названные авторы в своих работах состязательность рассматривали, как один из принципов уголовного судопроизводства. В частности, М.С. Строгович указывал, что ни о каком правосудном приговоре нельзя было бы говорить, если бы для отстаивания своих интересов, доказывания своих выводов подсудимый имел меньше прав, чем противоположная сторона — прокурор⁴.

Принцип состязательности определяется разделением процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела. Реализацию принципа состязательности в судопроизводстве профессор В.П. Божьев отмечает, соблюдением следующих требований: а) отделение процессуальных функций обвинения и защиты от функций разрешения дела; б) размежевание функций обвинения и защиты; в) признание

1 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 12. – Ст. 815; Ст. 816 (в редакции Закона РТ от 14.03.2014 г., № 1067).

2 Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 251 с.

3 Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Карева Д.С. – М.: Изд. Московского университета, 1956. – 271 с; Кассационное производство в советском уголовном процессе / Перлов И.Д. – М.: Юрид. лит., 1968. – С.72; Советский уголовный процесс: учебник / Чельцов М.А. – 2-е изд., перераб. – М.: Госюриздат, 1951. – С. 71; Принципы советского уголовного процесса. Вопросы теории и практики / Добровольская Т.Н. – М.: Юрид. лит., 1971. – С. 135; Конституционные основы правосудия в СССР / Ларин А.М., Мельников А.А., Петрухин И.Л., Савицкий В.М., и др. // под ред. Савицкого В.М. – М.: Наука, 1981. – С. 293.

4 Савицкий В. М. Михаил Соломонович Строгович (1894-1984) // Правоведение. – 1985. – № 1. – С. 52-57.

носителей этих функций сторонами; г) наделение сторон равными процессуальными правами; д) выполнение каждым из представителей той и другой стороны не более одной функции; е) наделение только суда полномочиями по исполнению функции разрешения дела. Несоблюдение хотя бы одного из указанных требований означает отсутствие состязательности в рассматриваемом случае вообще или в тех или других стадиях производства по уголовному делу¹.

В практике уголовно судопроизводства Республики Таджикистан в те годы элементы состязательности действовали и были введены преимущественно в судебных стадиях (ст. ст. 229, 237, 245, 249, 278 Уголовно-процессуального кодекса)². В стадиях предварительного расследования действовали, главным образом, субъекты расследования дела – следователь (дознатель), право иметь защитника предоставлялось в основном только обвиняемому. Соответственно лицо, вовлеченное в сферу уголовного судопроизводства, имело право воспользоваться услугами защитника только при предъявлении обвинения (ст. 49 УПК 1961г.). Такой порядок создавал определенный дисбаланс в правах и возможностях между лицом, осуществляющим расследование и подозреваемым (обвиняемым) для защиты своих интересов. В последующем с принятием в Республике Таджикистан Конституции в 1994г., были усилены гарантии прав личности и в связи с этим были введены значительные изменения в порядок уголовного судопроизводства. Допуск защитника из «завершающих» этапов стадий предварительного расследования, был изменен, и возможность иметь защитника у лица появлялась с момента задержания. Участвовавший в деле защитник имел право иметь с подозреваемым и обвиняемым свидания наедине без ограничения их количества и продолжительности, присутствовать в иных следственных действиях, производимых с его участием, знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения и т.д.

С принятием в 2009 году Уголовно-процессуального кодекса состязательные начала были усилены и внедрены, также и в досудебные стадии уголовного процесса. Более того новым УПК состязательность и равноправие сторон регламентирована как один из законодательных принципов (ст. 20 УПК Республики Таджикистан). В соответствии с ней, уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или защиты. Суд обеспечивает стороны условиями для осуществления процессуальных прав и обязанностей. Стороны обвинения и защиты равноправны в уголовном судопроизводстве и наделены равными возможностями отстаивать свою позицию³. Однако учитывая реальное положение дел и тот порядок, в соответствии с которым осуществляется производство по уголовным делам, действие некоторых элементов состязательности и равноправия сторон мож-

1 Божьев В.П. Проблемы состязательности сторон в российском уголовном процессе / Уголовно-процессуальный кодекс 2001 г. и практика его применения: материалы межвуз. науч.-практ. конференции: сб. – М.: Академия управления МВД РФ, 2004. – С.6–7.

2 Уголовно-процессуальный кодекс 17.08.1961 г. (в редакции Законов РТ от 20 марта 2008 г. № 366) // Джумхурият. – 2008. – 30 марта.

3 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – №12. – Ст. 815; – Ст. 816 (в редакции Закона РТ от 14.03.2014 г., № 1067).

но отметить лишь в судебных стадиях, при производстве в суде первой инстанции.

Анализ норм УПК позволяет утверждать, что в стадии предварительного расследования всех тех элементов, которые присущи для состязательности, нет. Несмотря на то, что процессуальные функции обвинения и защиты в соответствии с текстом статьи, отделены друг от друга, однако говорить об их равноправии не приходится, так как права лица осуществляющего расследование дела и защитника не сопоставимы. Установленные в ч. 3 ст. 86 УПК РТ, положения хоть и являются попытками уравнивать полномочия защитника и лица осуществляющего расследование, однако они явно не достаточны, а с точки зрения теории доказывания даже спорны. Учитывая особенность построения уголовного судопроизводства Таджикистана, которая является смешанным, внедрение состязательности и равноправия сторон в досудебные стадии, может оказать отрицательное влияние и значительно умалить его значение. На досудебных стадиях о разделении процессуальных функций можно говорить лишь условно, к примеру, в деятельности следователя говорить о том какую функцию он выполняет, особенно на начальных этапах расследования очень сложно. Более того, при установлении обстоятельств, предусмотренных ст. 27 УПК, он обязан прекратить уголовное дело, что явно относится к функции разрешения дела. Еще одним наиболее спорным и противоречащим положением можно признать п.15 ч. 1 ст. 35 УПК предоставляющей право суду возбудить уголовное дело, по смыслу текста закона не только по факту совершения преступления, но и в отношении конкретного лица (лиц).

Установив в ст. 20 УПК, состязательность и равноправие сторон, нормы следующей статьи (ст. 21 УПК) регламентирует положение, которое явно не согласовывается с предыдущей. В частности в ст. 21 УПК, указывается о том, что прокурор, следователь и дознаватель обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить уличающие, оправдывающие, отягчающие и смягчающие обстоятельства и определить ответственность обвиняемого. В ч. 5 указанной статьи, говорится, что суд, судья, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечивают сторонам необходимые условия для реализации их прав на полное исследование обстоятельств дела.

На начальных этапах досудебного производства, когда в деле нет лица подозреваемого или обвиняемого говорить о состязательности и равноправии сторон не приходится, так как на данном этапе нет сторон. Как указывает профессор В.П. Божьев, система норм регулирующих досудебное производство, не дает оснований утверждать о построении этих стадий на началах состязательности, в связи с тем, что:

- процессуальные полномочия субъектов уголовного судопроизводства, ответственных за ведение уголовного дела, не разграничена в той мере, в какой это соответствует состязательному судопроизводству;

- функцию разрешения уголовного дела на предварительном расследовании осуществляет не суд, а дознаватель, следователь и прокурор;

- прокурор на досудебных этапах осуществляет не только функцию обвинения, но и прокурорского надзора за исполнением законов;

- при принесении жалобы прокурору на действия следователя и дознавателя возникает трагикомическая ситуация, когда жалобу одного обвинителя (потерпев-

шего) на действия или решения другого обвинителя (следователя, дознавателя) разрешает еще один обвинитель – прокурор¹.

В дополнение к этому можно, привести еще и то обстоятельство, что прокурор в соответствии с УПК Республики Таджикистан, может лично расследовать любое уголовное дело (п.5 ч.1 ст. 168 УПК РТ).

Сама регламентация данного принципа как законодательного не совсем удачна, в действительности все законодательные принципы исходят из текста Конституции, состязательность и равноправие сторон здесь не исключение. При этом следует отметить, что данное положение в тексте Конституции приведено в главе 8, посвященной суду, а другие принципы исходят из главы 2, которая посвящена правам, свободам и основным обязанностям человека и гражданина, и это не случайно. Тем самым, размещение данной нормы говорит о той идеи, направлении состязательности и равноправия сторон, которая закладывалась в порядок осуществления производства именно в суде, а не в судопроизводстве в целом. Основание для такого суждения дает текст нормы ст. 88 Конституции, где указано, что *судебный процесс* осуществляется на основе принципа состязательности и *равенства сторон*². Однако в тексте УПК данное положение нашло свое отражение (развитие), причем необоснованно широко и с некоторыми «изменениями» сделана регламентация порядка, которая явно не соответствует действительности. Изменения касаются и в обозначении терминологии, если в тексте Конституции указано «равенство сторон», то в тексте УПК приводится «равноправие сторон». По своей сути и содержанию эти словосочетания различны. Разработчики Конституции явно осознавая не целесообразность внедрения состязательных начал в досудебное производство ограничились лишь производством в суде.

---

1 Божьев В.П. Проблемы состязательности сторон в российском уголовном процессе / Уголовно-процессуальный кодекс 2001 г. и практика его применения: материалы межвуз. науч.-практ. конференции: сб. – М.: Академия управления МВД РФ, 2004. – С.8–9.

2 Конституция Республики Таджикистан 06 ноября 1994 г. (с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 и 22 июня 2003 гг.) // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. – 2008. – № 1. – С. 5–21.

*БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель Суда района Рудаки
Республики Таджикистан, кандидат
юридических наук, доцент*

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В связи с изменениями в социально-политической жизни нашего государства и реформированием правовой системы, принцип состязательности и равноправия сторон приобрел новое значение, поскольку реформа судебной системы теснейшим образом связана с состязательностью.

Начиная с 2010 года отечественное уголовно-процессуальное законодательство развивается по пути большей демократизации и расширения состязательных начал при отправлении правосудия. Это и понятно. Состязательность имеет весьма существенное значение для всей системы уголовного судопроизводства и во многом она определяет правовое положение и взаимоотношения участников уголовного процесса между собой, а также отношения участников процесса и суда.

В настоящее время процессуальная форма законодательного закрепления принципа состязательности и равноправия сторон не соответствует тому значению, которое придала состязательности Конституция РТ и которое она имеет в механизме уголовно-процессуального регулирования.

Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон находит развитие в соответствующих процессуальных положениях, регламентирующих рассмотрение уголовных дел.

В уголовном судопроизводстве принцип равноправия и состязательности сторон выражен следующим образом: обвинитель, подсудимый, защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители в судебном разбирательстве пользуются равными правами по представлению доказательств, участию в их исследовании и заявлению ходатайств (ст.277 УПК РТ).

Принцип состязательности и равноправия сторон находит наиболее полное воплощение при рассмотрении дела в судебном заседании по первой инстанции. Прослеживается этот принцип и в вышестоящих инстанциях.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что содержание конституционного принципа состязательности и равноправия сторон нуждается на практике в дальнейшем развитии.

Состязательная форма уголовного судопроизводства требует реализации данного принципа во всех стадиях уголовного процесса, в том числе и в стадии предварительного расследования. Но принцип состязательности и равноправия сторон в настоящее время в нашем уголовном процессе действует весьма ограниченно, даже в судебных стадиях процесса. Для полной его реализации в уголовном судопроизводстве требуется совершенно новый концептуальный подход к вопросам не только уголовно-процессуального, но и других отраслей права.

В настоящее время в Таджикистане созданы все условия для полной реализации принципа состязательности и равноправия сторон. Этому, безусловно, способствовало принятие нового Уголовно-процессуального кодекса в котором закреплены основные элементы состязательности, исключающие разнообразие в толковании этого принципа. Это позволило превратить уголовный процесс Таджикистана в истинно демократический, направленный на защиту прав и свобод граждан.

Состязательность и равноправие сторон характеризуют следующие 5 правил:

1) функции обвинения, защиты и разрешения уголовных дел отделены друг от друга; они не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо;

2) исследование доказательств осуществляется сторонами обвинения (гособвинитель, потерпевший, гражданский истец и их представители) и защиты (защитник, гражданский ответчик и его представитель);

3) стороны обвинения и защиты равноправны перед судом на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в прениях сторон, представление суду письменных формулировок по вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства;

4) суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты;

5) суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, а также разрешает уголовное дело.

Изложенные позитивные аспекты действия принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве, не исключили пробельность данного принципа в уголовно-процессуальном законодательстве страны.

Одной из главных целей проведения судебно-правовой реформы в РТ является развитие принципа состязательности и равноправия сторон, поскольку он является ядром концепции уголовного судопроизводства. Однако в УПК РТ имеются такие нормы, которые прямо или косвенно затрагивают принцип состязательности и равноправия сторон и в то же время ограничивают права сторон при осуществлении правосудия.

Следует выделить отдельные моменты не соблюдения принципа состязательности и равноправия:

Во-первых, в УПК РТ имеются нормы, которые дают право суду по своей инициативе или без участия сторон решать те или иные вопросы процессуального характера. Например, согласно ст. 35 УПК РТ суду дано право возбуждения уголовного дела, когда суд не является органом уголовного преследования. Или согласно ст.ст. 261, 264, 268, 287 УПК РТ суд по своей инициативе, а иногда и без проведения судебного заседания имеет право возвращать уголовные дела для дополнительного расследования или прекращать его. Или при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, когда суд освобождает осужденного от отбытия наказания или заменяет на более мягкое наказание и т.п. без участия потерпевшего.

Во-вторых, кассационные и надзорные инстанции представляют собой дей-

ственный механизм обеспечения законности и обоснованности судебных решений. Следует признать, что принцип состязательности и равноправия сторон в данных инстанциях в настоящее время проявляется, но весьма ограниченно. Так состязательные начала требуют присутствия сторон, но законодательно закреплено только обязательное участие прокурора, а участие во всех случаях защитника и самого осужденного, находящегося под стражей, в действующем законе не обязательно.

В-третьих, полагаем, что право на выступление с заключением ставит прокурора в особое привилегированное положение по отношению к другим участникам процесса.

В-четвертых, судам кассационной и надзорной инстанций следовало бы отказаться от «ревизионных начал», означающих обязанность суда проверять уголовные дела в полном объеме, не будучи связанным предметом жалобы или протеста. Суды кассационной и надзорной инстанций не должны выходить за пределы надзорных жалоб и протестов. Принцип состязательности требует четкой функциональной направленности деятельности всех участников уголовного судопроизводства и поэтому суд не вправе брать на себя исполнение иных функций кроме разрешения дела по существу.

В-пятых, вступившие в законную силу приговор и постановление суда могут быть обжалованы участниками процесса, имеющими право на принесение кассационной жалобы, непосредственно в суд, полномочный пересматривать дела в порядке надзора.

В-шестых, для эффективности исполнения приговора необходимо, чтобы и на уголовно-процессуальную деятельность, протекающую в рамках данной стадии, распространялся принцип состязательности и равноправия сторон. Стороны должны иметь равные права на предоставление доказательств, дополнительных данных, материалов, позволяющих судье принять правильное, законное и обоснованное решение. Потерпевший, как представитель стороны обвинения, не участвующий при рассмотрении вопросов, касающихся исполнения приговора, вправе знать о решении суда, если оно касается освобождения осужденного от наказания, отсрочке исполнения приговора, замены наказания, а так же продления, изменения или отмены принудительных мер медицинского характера, для чего ему необходимо сообщать о принятых решениях.

Важным моментом в проведении судебно-правовой реформы, стержнем которой является соблюдение и обеспечение действия принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве является предварительное следствие и дознание. Важность этой стадии уголовного процесса никем не оспаривается.

Результатом проведения судебно-правовой реформы стало реальное разделение функций суда и досудебного расследования дела. Тем самым возникла ситуация, когда суд может рассматривать дело, прошедшее исследование на досудебной стадии, как стороной обвинения, так и стороной защиты.

С принятием нового УПК РТ значительно расширились полномочия защитника в уголовном судопроизводстве. Но, как показывает судебная практика, в нашем уголовном законодательстве не зафиксированы соответствующие положения, гарантирующие реализацию этого основного принципа состязательности на досудебном

этапе:

Во-первых, участие защитника должно быть обязательным во всех случаях и на всех стадиях уголовного процесса.

Во-вторых, согласно ст. 53 УПК РТ защитник вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном ч.3 ст.86 УПК РТ.

Таким образом, законодатель, взяв состязательность за основу уголовно-процессуального права, возложил на данные процессуальные нормы особые надежды, наделяя защитника широкими правами по собиранию необходимых в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному доказательств. Собрав все необходимые предметы и документы, адвокат-защитник должен заявить соответствующее ходатайство о приобщении полученных «доказательств» к материалам уголовного дела. Но, как показывает многолетняя следственная практика, вероятность удовлетворения данного ходатайства крайне низка.

В-третьих, сторона обвинения собирает и приобщает «обвинительные» доказательства, а сторона защиты лишь ходатайствует о приобщении. Представляется, что подобная практика противоречит состязательности как провозглашенному принципу уголовного процесса.

Подводя итог, необходимо отметить, что принцип состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса носит ограниченный характер, так, для реализации принципа состязательности сторон важным условием является то, что собирание доказательств виновности или невиновности и судебные решения были отделены друг от друга. Только при таком условии суд может иметь в своем распоряжении достоверные данные для правильного разрешения дела.

Мы надеемся, что проведение третьего этапа судебно-правовой реформы будет направлено на решение данных проблем.

*БЕСПАЛЬКО Виктор Геннадиевич,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российской таможенной академии ФТС
России, кандидат юридических наук, доцент*

РАЗВИТИЕ СВЯЩЕННЫХ ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИСТИНЕ В УГОЛОВНОМ МАТЕРИАЛЬНОМ И ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В современных условиях в Республике Таджикистан деятельность уполномоченных государственных органов по выявлению, раскрытию, расследованию и квалификации преступлений урегулирована сложным комплексом норм Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, а также Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Характерное для указанных источников права единство проявляется в общности их целей, задач, а также норм-принципов, которые образуют целостную и непротиворечивую систему политико-правовых основ борьбы с преступностью.

В частности, нормы-принципы, зафиксированные в ст. ст. 3–10 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ), представляют собой отправные юридические идеи, пронизывающие все содержание национального уголовного законодательства, на базе которых сформировались современные представления об основаниях и мерах уголовной ответственности. В свою очередь, принципы уголовного судопроизводства (ст.ст. 7–23 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ)) являются фундаментальными правовыми идеями, предопределившими существующий порядок возбуждения, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. В ст. 4 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон РТ об ОРД) определены важнейшие принципы оперативно-розыскной деятельности, первоочередной задачей которой является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. При этом, как и полагается, принципы уголовно-процессуального права и оперативно-розыскного законодательства, с точки зрения объективно существующих межотраслевых связей между правовыми нормами и институтами, являют собой своеобразный результат качественного развития принципов уголовного материального права в процессе его применения и обеспечивают их практическую реализацию с помощью соответствующих как процессуальных, так и непроцессуальных форм.

Так, например, принцип личной ответственности и виновности (ст. 7 УК РТ) гласит, что «никто не может нести уголовную ответственность иначе как за свои собственные деяния», из чего, соответственно, следует что «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина». Данные законоустановления дополняет ст. 8 УК РТ, посвященная принципу справедливости, в соответствии с которым «наказание и иные меры уголовно-правового характера, подлежащие применению к лицу, совершившему преступление, должны

быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Главными процессуальными гарантиями возможности практической реализации указанных норм принципов уголовного материального права в ходе правоприменительной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда по конкретному делу, а значит – и их развитием в плоскости процессуального права, стали, на наш взгляд, положения ст. 21 «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела» УПК РТ, получившие общеизвестное название принципа объективной истины по уголовному делу. Данный принцип был бережно сохранен таджикскими законодателями в ходе судебной реформы, в отличие, например, от российских законодателей, которые безжалостно принесли истину в жертву состязательности и исключили принцип объективной истины из уголовно-процессуального законодательства при принятии УПК Российской Федерации 2001 г., лишив тем самым российское уголовное судопроизводство этого важного целеполагающего начала и процессуального выражения идей справедливости¹. В связи с этим представляется необходимым отметить, что, несмотря на то, что УПК РТ 2009 г. периодически подвергается конструктивной критике со стороны ученых и практиков², тем не менее, в части его последовательного отношения к истине он выглядит менее противоречивым и в большей степени системным нормативным правовым актом, нежели, например, УПК РФ 2001 г. В соответствии с действующей редакцией ст. 21 УПК РТ содержание принципа объективной истины образуют следующие нравственно-правовые установки:

– «прокурор, следователь и дознаватель обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить уличающие, оправдывающие, отягчающие и смягчающие обстоятельства и определить ответственность обвиняемого»;

– «суд, судья, прокурор, следователь и дознаватель не вправе перелагать обязанность доказывания невиновности на обвиняемого»;

– «все подлежащие доказыванию обстоятельства дела должны быть исследованы всесторонне, полно и объективно»;

– «при решении любых возникающих в деле вопросов должны быть выяснены и учтены обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность»;

– «Суд, судья, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечивают сторонам необходимые условия для реализации их прав на полное исследование обстоятельств дела».

---

1 См.: Беспалько В.Г. Ветхозаветная концепция истины как гарантии объективного расследования преступлений и современная уголовная политика // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 года). В 3-х частях. Часть 1 (теоретические предпосылки). – М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. – С. 45–49 и др.

2 См.: Юлдошев Р.Р. Регулирование Уголовно-процессуальным кодексом Республики Таджикистан полномочий суда по возбуждению уголовного дела: научно-аналитический обзор. Душанбе: Изд-во «Типография МВД», 2014. – С. 4–5 и др.

В развитие уголовно-процессуального принципа объективной истины законодательство Республики Таджикистан об оперативно-розыскной деятельности также содержит указание на цель «обеспечения полноты и всесторонности рассмотрения дела» (ч. 4 ст. 5 Закона РТ об ОРД), т.е., выражаясь иными словами, цель достижения все той же истины.

Для закрепления и обеспечения как собственных принципов, так и указанных выше базовых положений уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства действующая редакция уголовного закона Таджикистана дополняет их более конкретными нормами, призванными через уголовно-правовые запреты соответствующего содержания, сопровождаемые суровыми санкциями, обеспечить объективность предварительного расследования уголовного дела и его рассмотрения в суде. В частности объявлены преступлениями следующие виды общественно опасных деяний, препятствующих установлению истины по уголовному делу:

– вмешательство, в какой бы то ни было форме, в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, а равно в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, с целью воспрепятствования всестороннему, полному и объективному дознанию или предварительному следствию по уголовному делу (ст. 345 УК РТ);

– заведомо ложный донос о совершении преступления (ст. 346 УК РТ);

– воспрепятствование явке свидетеля или потерпевшего в суд, органы предварительного следствия или дознания (ст. 350 УК РТ);

– заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего либо заключение эксперта, а равно заведомо неправильный перевод при производстве дознания, предварительного следствия или в суде (ст. 351 УК РТ);

– отказ свидетеля или потерпевшего от явки на вызов органов дознания, следствия или в суд либо отказ от дачи показаний, а равно отказ эксперта, специалиста переводчика или понятых от явки на вызов в те же органы, либо отказ от выполнения своих обязанностей (ст. 352 УК РТ);

– подкуп или принуждение свидетеля, потерпевшего с целью дачи им ложных показаний либо эксперта с целью дачи ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний (ст. 353 УК РТ);

– принуждение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего или свидетеля к даче показаний либо эксперта к даче заключения путем угрозы, шантажа или иных незаконных действий со стороны лица, производящего дознание предварительное следствие или осуществляющего правосудие (ст. 354 УК РТ);

– фальсификация доказательств по уголовному делу (ч. 2 и 3 ст. 359 УК РТ) и др.

Кроме того, прямой запрет на фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности содержится в п. 5 ч. 7 ст. 5 Закона РТ об ОРД. А в ст. 87 УПК РТ говорится о том, что все собранные по уголовному делу доказательства подлежат всесторонней и объективной проверке. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 88 УК РТ доказательства, полученные в процессе дознания и предварительного следствия путем применения силы, давления, причинения страданий, бесчеловечного обращения

или другими незаконными способами, признаются недействительными и не могут являться основанием для обвинения, а также не применяются при доказывании обстоятельств, предусмотренных ст. 85 УПК РТ. Последнее правило в полной мере распространяется и на доказательства, полученные путем их фальсификации, а равно путем фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, положенных в основу доказательств.

Представляется, что наблюдаемое сегодня уважительное отношение таджикских законодателей к истине и ее значению для законотворчества в области уголовной политики, а также для правоприменительной деятельности, осуществляемой субъектами оперативно-розыскной деятельности, дознавателями, следователями, прокурорами и судьями, с аксиологической точки зрения, является отражением такой характерной черты народного правосознания, как стремление к правде и справедливости. Последнее представляет собой естественное, давнее и вечное желание человека и общества, обретшее различные формы своего воплощения в народном творчестве (фольклоре), обычаях и традициях, религиозных догматах. Многочисленные подтверждения этого вывода обнаруживаются во многих древних юридических и религиозных памятниках общемирового культурного наследия, включая Библию и Коран. При этом первые пять книг Ветхого Завета Библии, именуемые в христианской традиции Моисеевым Пятикнижием (в еврейской традиции – Торой), по сей день имеют одинаково священное значение для всей «христиано-иудео-мусульманской цивилизации»¹ и продолжают определять мировоззрение и правосознание многих миллионов людей во всем мире, относящих себя к монотеистической культуре авраамического типа, объединившей иудеев, христиан и мусульман. Ценность соответствующих религиозно-нравственных установок народного общественного сознания вообще и правосознания в частности, безусловно, необходимо учитывать в современной законотворческой и правоприменительной деятельности, не нарушая при этом следующих принципиальных положений ст. ст. 1, 8, 17 и 26 Конституции Республики Таджикистан, принятой на всенародном референдуме 6 ноября 1994 г.:

- о светском характере государства;
- об отделении религиозных организаций от государства и невозможности их вмешательства в государственные дела;
- о равенстве граждан, независимо от их вероисповедания;
- о гарантируемой каждому свободе вероисповедания (т. е. праве самостоятельно определять свое отношение к религии, отдельно или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов и обрядов).

Если в свете сказанного сравнить положения таджикского и российского уголовно-процессуального законодательства, то можно сделать вывод о том, что при разработке и принятии УПК РФ 2001 г. имело место полное игнорирование религиозно-нравственных представлений общества о значении истины в жизни современного человека вообще и при расследовании и рассмотрении уголовных дел в частности. Последние были вытеснены модной юридической доктриной о верховенстве формы

---

¹ Протоиерей Александр Мень. От рабства к свободе. – М.: Издательский дом «Жизнь с Богом», 2008. – С. 49.

судопроизводства и формы доказательства над их содержанием и смыслом, слепо заимствованным у чуждых правовых систем, а также прагматическими интересами процессуальной экономии, характерными для системы рыночных отношений. Однако подобное отношение к общественным ценностям вряд ли допустимо в демократическом правовом государстве, каковым себя считают и Республика Таджикистан, и Российская Федерация¹.

Древняя монотеистическая религиозно-правовая традиция исходит из прямой сакральной связи истины с Богом как Творцом мира и устроенного в нем гармоничного порядка, Создателем человека и законов жизни, поскольку правда есть там, где есть Бог: «*Господь Бог есть истина*» (Иер. 10, 10); «*Бог верен, и нет неправды в Нем; Он праведен и истинен*» (Втор. 32, 4). При этом в монотеизме Моисеева Пятикнижия идея справедливости правосудия выводится из праведности Бога как Законодателя древних норм и Небесного Судьи, а не из Его могущества, как в языческих культах, ибо не в силе Бог, а в правде. Не случайно Моисеево уголовное законодательство² относится к истине как к правоохраняемой святыне, а одна из священных Десяти заповедей, постановленных Богом на горе Синай, образующих основной закон или конституцию всего ветхозаветного законодательства и по сей день являющихся своего рода протоконституцией правовых систем всех государств авраамической цивилизации, гласит: «*Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего*» (Исх. 20, 16; Втор. 5, 20). Не только сугубо юридическая, но и общечеловеческая значимость включения запрета творить ложь в суде в один из самых священных текстов Библии – всемирно известный Декалог – рельефней проявляется и лучше воспринимается, если обратиться к его правовым оценкам, данным авторитетными учеными-правоведами и утверждающим вечное и непреходящее значение каждой из Десяти Заповедей для современных романо-германской, англо-саксонской и мусульманской правовых систем. В частности, Декалогу в юридической науке придается значение «своеобразного метаправа по отношению к современному праву, что и делает необходимым сверять наше право с ветхозаветным» и провозглашается, что он по сей день «выступает методологической и, что немаловажно, легитимной основой правовой и уголовной политики»³.

В священных текстах Моисеева Пятикнижия запрет на лжесвидетельство как преступление против правды Божией встречается не только в виде процитированной выше заповеди, но и в привычной для современного юриста форме уголовно-правовой нормы, с четко различаемыми диспозицией и санкцией: «*Если выступит против кого свидетель несправедливый, обвиняя его в преступлении, то пусть предстанут оба сии человека, у которых тяжба, пред Господа, пред священников и пред судей, которые будут в те дни. Судьи должны хорошо исследовать, и, если свидетель тот свидетель ложный, ложно донес на брата своего, то сделайте ему то, что*

1 См.: Ст. ст. 1 и 6 Конституции РТ, ст. ст. 1 и 3 Конституции РФ.

2 См.: Аксенов П. Моисеево уголовное право. – СПб.: Тип. П. Сойкина, 1904; Беспалько В.Г. Понятие, признаки, система и виды преступлений в Синайском уголовном праве (по материалам книги Исхода) // Публичное и частное право. – 2011. – Вып. III. – С. 19–34 и др.

3 Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. – М.: Норма, 2009. – С. 47, 142.

он умышлял сделать брату своему; и так истреби зло из среды себя. И прочие услышат, и убоятся, и не станут впредь делать такое зло среди тебя. Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (Втор. 19, 16–21).

Процитированная норма содержит подробное описание преступления лжесвидетеля, а также развернутые указания на пределы его наказуемости соответственно характеру совершенного им оговора невиновного лица и согласно ветхозаветным представлениям о справедливости возмездия за преступление, выраженным в виде древнего принципа талиона (от *лат. lex talionis*)¹. В данном законоустановлении, как нам кажется, содержатся прообразы таких преступлений, характерных для современных уголовно-правовых систем, как заведомо ложный донос (ст. 346 УК РФ) и заведомо ложные показания (ст. 351 УК РФ).

Возможно, современного исследователя древних норм Моисеева уголовного законодательства удивит суровость наказания, предусмотренного за лжесвидетельство, существенно отличающегося от санкций ст. ст. 346 и 351 УК РФ. Не случайно комментаторы процитированного фрагмента Второзакония иногда прибегают к иносказательным способам толкования принципа талиона, используя всевозможные аллегории и отказываясь от прямого смысла сказанного о телесных наказаниях и смертной казни. Так, например, отец Георгий (Чистяков), анализируя рассматриваемую санкцию нормы о лжесвидетельстве сквозь призму новозаветного принципа непротивления злему, полагает, что «Ветхий Завет не призывает отвечать злом за зло, платить той же монетой», что «Моисей в Ветхом Завете призывает ... «истребить зло из среды себя», отказаться от зла, уйти от зла», «что Моисей только призывает обидчика, чтобы он попытался встать на место обиженного»². Однако, очевидно, что такое понимание принципа талиона возможно только в среде последователей новозаветной этики и основанных на ней правовых идей, сформировавшихся намного позже Моисеева уголовного права. Поэтому предложенное процитированным русским священником толкование санкции нормы о лжесвидетельстве явно вырвано из контекста исторических условий формирования правовой системы Древнего Израиля и, соответственно, из контекста данного фрагмента Библии.

Еще более оригинальное, но и более широкое по своему смыслу толкование ветхозаветной нормы о лжесвидетельстве обнаруживается у российского экзегета Д.В. Щедровицкого, который отметил неточность синодального перевода заповеди Декалога о ложном свидетеле и указал, что оригинальный еврейский текст этой заповеди оперирует термином «свидетель суетный» (т. е. «пустой», «тщетный», «обманчивый»). На основании таких лексических уточнений указанный автор сделал вывод, что «тонкие различия между понятиями «ложный» и «суетный» значительно расширяют смысл данной заповеди: человек не должен выступать не только лжи-

1 См.: Беспалько В.Г. Проявление и значение талиона в ветхозаветном Моисеевом уголовном праве // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сб. науч. работ. Вып. 3 / под общ. ред. Р.В. Шагиной, Н.Н. Димитрова. – М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2014. – С. 84–88.

2 Чистяков Г.П. Пятикнижие: дорога к свободе. – М.: ООО «Центр книги Рудомино», 2011. – С. 399–400.

вым, но и «тщетным», т. е. не помогающим правосудию, свидетелем»¹.

Встречаются в богословской литературе толкования рассматриваемых норм Моисеева законодательства, выводящие соответствующие запреты далеко за пределы уголовно-правового регулирования и судопроизводства. В частности, среди христианских авторов распространено мнение, что данными правилами запрещается не только говорить «неправду, выдуманное, особенно давать ложное показание на суде», но и вообще «сплетничать, злословить, клеветать», а также «укорять и осуждать других»².

Примечательно, что для еще большего усиления эффективности уголовно-правовой нормы о лжесвидетельстве Тора дополняет ее:

1) множеством нравственных увещаний соответствующего содержания:

– «не лгите и не обманывайте друг друга» (Лев. 19, 11);

– «не ходи переносчиком в народе твоём» (Лев. 19, 16), т. е. клеветником и доносчиком, о которых говорится и в ст. 346 УК РТ;

– «обличи ближнего твоего, и не понесешь за него греха» (Лев. 19, 17) – требование, прообразующее состав несообщения о преступлении или его укрывательства (ст. 347 УК РТ);

– «не делайте неправды на суде; ... по правде суди ближнего твоего» (Лев. 19, 15) – требование, прообразующее состав вынесения заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта (ст. 349 УК РТ);

– «удаляйся от неправды и не умерщвляй невинного и правого; ибо Я не оправдаю беззаконника» (Исх. 23, 7) – требование, прообразующее состав привлечения заведомо невинного к уголовной ответственности (ст. 348 УК РТ);

2) серьезными процессуальными гарантиями установления истины по уголовному делу, предупреждающими возможные негативные последствия лжесвидетельства:

– «По словам двух свидетелей, или трех свидетелей, должен умереть осуждаемый на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля. Рука свидетелей должна быть на нем прежде всех, чтоб убить его, потом рука всего народа; и так истреби зло из среды себя» (Втор. 17, 6–7);

– «Недостаточно одного свидетеля против кого-либо в какой-нибудь вине и в каком-нибудь преступлении и в каком-нибудь грехе, которым он согрешил: при словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей, состоится дело» (Втор. 19, 15).

При этом многие общественно опасные деяния, которые в силу их скрытого, тайного характера могли бы оказаться вне поля зрения общественных институтов судебной власти (т. е. нераскрытые преступления), вообще отнесены Моисеевым законодательством к юрисдикции суда Божия, и такие дела разрешались исключительно по непосредственному откровению Господа, что в итоге в любом случае гарантиро-

1 Щедровицкий Д.В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. – М.: Теревинф, 2003. – С. 921.

2 Игумен Петр (Бирюков). Основы христианской нравственности. – Мн.: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2007. – С. 18–19.

вало установление и торжество истины в последней инстанции – у всеведующего и всеправедного Судьи.

Таким образом, безусловно, что лжесвидетельство и подобные ему деяния и в древние времена препятствовали установлению истины и, соответственно, справедливому рассмотрению какого-либо дела или спора судьей, и потому признавались опасными преступлениями. Однако торжество правды в ветхозаветный период священной истории имело, как было отмечено выше, и глубокий сакральный смысл как проявление всеправедности Божией, ибо *«совершенны дела Его, и все пути его праведны»* (Втор. 32, 4). В этой связи авторитетный советский востоковед И. Ш. Шифман так объяснил значение справедливости для общественного правосознания того времени (а значит и необходимость ее уголовно-правовой охраны): *«Любое нарушение правды, то есть отступление от мирового порядка, могло иметь, как полагали, далеко идущие катастрофические последствия для всего мироздания. В более узком плане оно угрожает стабильности общества и самому его существованию. Этим обусловлена беспощадная суровость наказаний: как правило, это смерть, то есть удаление из мира живых в потусторонний мир»*¹. В подтверждение сказанного оригинальное и интересное обоснование необходимости установления самого сурового наказания за лжесвидетельство и связанную с ним клевету приводит англиканский богослов и экзегет Ф.В. Фаррар. По его мнению, девятая заповедь Декалога запрещает не только собственно лжесвидетельство, но и клевету, злословие, оскорбление, которые он относит *«к наихудшим свойствам человеческой природы»*, и которые *«приравнивают человека, по словам Священного Писания, к змию и дьяволу»*², *«ибо он лжец и отец лжи»* (Иоан. 8, 44). Автор даже сравнил клевету и оскорбление с убийством: *«В древние времена люди убивали пророков и проливали кровь невинных, в наше же время они поражают злословием»*³. Через данное сравнение он подчеркнуто указал на их страшную греховность, чрезвычайную общественную опасность и преступность: *«Клеветник и убийца – одно и то же. Оружие клеветника покажется, пожалуй, менее зверским, чем палка убийцы, но само убийство тем ужаснее, чем утонченнее оно и коварнее»*⁴. Полагаем, что современные законодатели и правоприменители не до конца понимают показанную природу и действительную общественную опасность ложного доноса, лжесвидетельства и клеветы.

Возвращаясь к рассуждениям И. Ш. Шифмана о значении справедливости, правды, истины в древнем Моисеевом законодательстве, следует отметить, что некоторые его утверждения расходятся с иудейским, христианским и исламским мировоззрением, и, как нам кажется, более близки религиозным учениям языческих народов Древнего Востока. В частности, И. Ш. Шифман хотя и отмечал, что *«в основе ветхозаветных законов лежит представление о правде-справедливости»*, тем не менее, трактовал ее, опираясь на языческое обожествление правды, характерное, на-

1 Шифман И.Ш. Ветхий Завет и его мир: (Ветхий Завет как памятник литературной и общественной мысли Передней Азии). – М.: Политиздат, 1987. – С. 130–131.

2 Фаррар Ф.В. Голос с Синая. Вечное основание нравственного закона. – Киев: «Пролог», 2007. – С. 235–236.

3 Там же. – С. 237.

4 Там же. – С. 238.

пример, для пантеизма Древнего Египта и многих других народов¹, но чуждое монотеизму Ветхого Завета. Советский ученый полагал, что поскольку правда в ту эпоху мыслилась «мифологическим существом, порождаемым космическим первоэлементом и олицетворяющим вселенский миропорядок и всеобщую гармонию», постольку «она определяет и направляет действия Яхве, но она же должна быть основой и существования власти (прежде всего царской власти) и суда», и потому «Пятикнижие буквально переполнено увещаниями вершить правду и справедливость»².

С точки зрения монотеистического богословия, истина в виде абсолютного всеведения и высшей всеправедности – это качество Бога, а не некая самостоятельная сакральная сила, управляющая людьми, миром или тем более Богом. Немецкий автор Б. Зальцманн убежден, что это качество, а именно стремление к истине, правде, справедливости «побуждает Бога к расследованию и раскрытию преступлений, ибо «всякое преступление – это мятеж против Того, Кто даровал людям жизнь и дал им правила справедливой, мирной жизни»³. Поэтому в Моисеевых законах содержатся требования о наказании преступников только после проведения тщательного и объективного расследования:

– *«Если услышишь о каком-либо из городов твоих, ... что появились в нем нечестивые люди из среды тебя и соблазнили жителей города их, говоря: «пойдем и будем служить богам иным, которых вы не знали»; то разыщи, исследуй и хорошо расспроси; и если это точная правда, что случилась мерзость сия среди тебя, порази жителей того города острием меча...»* (Втор. 13, 12–15);

– *«Если найдется среди тебя в каком-либо из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, дает тебе, мужчина или женщина, кто сделает зло пред очами Господа, Бога твоего, преступив завет Его; и пойдет и станет служить иным богам, и поклонится им, или солнцу, или луне, или всему воинству небесному, чего я не повелел; и тебе возвещено будет, и ты услышишь: то ты хорошо разыщи, и, если это точная правда, если сделана мерзость сия в Израиле, то выведи мужчину того, или женщину ту, которые сделали зло сие, к воротам твоим и побей их камнями до смерти»* (Втор. 17, 2–5).

Помимо этого объективность расследования преступлений в Моисеевом Пятикнижии обеспечивается запретом дискриминации:

– *«Не суди превратно пришельца, сироту»* (Втор. 24, 17);

– *«Проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову!»* (Втор. 27, 19).

Данные преступления влекли за собой самые суровые меры возмездия и традиционно для системы наказаний Моисеева уголовного права⁴ наказывались смертной

---

1 Древнеегипетская богиня, персонифицирующая истину, справедливость, вселенскую гармонию, божественное установление и этическую норму, именовалась Маат или иначе Аммаат. Известны и другие сакральные имена справедливости, обожествляемой в язычестве Древнего Востока и древнего Средиземноморья – Немезида, Карма, Дао и др. У древних восточных славян была своя богиня, олицетворявшая вселенскую справедливость – Правь.

2 Шифман И.Ш. Указ. соч. – С. 130.

3 Зальцманн Б. Криминальные истории в Библии. – М.: Российское Библейское Общество, 2005. – С. 10.

4 См.: Беспалько В.Г. Сущность и система наказаний в Синайском уголовном законодательстве (по материалам книги Исхода) // Публичное и частное право. – 2012. – Вып. I. – С. 56–67.

казнь, назначаемой и исполняемой в данном случае непосредственно Богом – «если же ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их, и воспламенится гнев мой, и убью вас мечем, и будут жены ваши вдовами, и дети ваши сиротами» (Исх. 22, 23–24). В указанных положениях ветхозаветного уголовного права усматриваются прообразы таких современных составов преступлений, как нарушение равноправия граждан (ст. 143 УК РТ) и вынесение заведомо неправосудного судебного решения (ст. 349 УК РТ).

Кроме того, Тора категорически запрещает взяточничество в суде – «Во всех жилищах твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе, поставь себе судей и надзирателей по коленам твоим, чтоб они судили народ судом праведным. Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров; ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых. Правды, правды ищи, дабы ты был жив и овладел землею, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Втор. 16, 18–20). При этом в качестве образца для подражания судьям служит опять же образ Всевышнего Судьи – «Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный, Который не смотрит на лица и не берет даров, Который дает суд сироте и вдове, и любит пришельца» (Втор. 10, 17–18). Установленный пророком Моисеем запрет на принятие даров судьями интересен сегодня не только как ветхозаветный прообраз состава получения взятки (ст. 319 УК РТ) и как одно из древнейших свидетельств борьбы с коррупцией. В контексте проблемы истины и ее места в уголовной политике государства примечательно, на наш взгляд, прежде всего, содержащееся в процитированной норме Второзакония о взяточничестве в суде нехарактерное для современных уголовно-правовых норм ее нравственное обоснование – «Правды, правды ищи, дабы ты был жив». Правда, истина объявляется главной целью судопроизводства, а стремление к ней – его подлинным смыслом, «ибо мерзок пред Господом, Богом твоим, всякий делающий неправду» (Втор. 25, 16). В свете сказанного, даже мздоимство в суде предстает в Моисеевом уголовном праве не только и не столько как преступление против прав и законных интересов участников процесса, рассчитывающих на беспристрастный и непредвзятый суд, сколько как преступление против священной правды Божией, которую не могут видеть глаза судьи, ослепленные стяжательством даров.

Обращаясь к законодательству нового времени, следует отметить, что раскрывая содержание принципа объективной истины, выдающийся советский процессуалист М.С. Строгович писал, что достижение по уголовным делам объективной истины означает, что «суд своим приговором признает виновным того, кто в действительности совершил преступление, и вменяет ему в вину именно то преступление, которое этим лицом совершено»¹. Только установление в ходе расследования объективной картины совершения преступления позволяет сформировать фактическое (т. е. соответствующее реальности и не искаженное субъективными представлениями отдельных участников уголовного процесса) основание уголовно-правовой квалификации подлежащего юридической оценке общественно опасного деяния, определяя тем самым правильность его уголовно-правовой квалификации, а значит

1 Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. – М.: Изд-во «Наука», 1968. – С. 309.

– законность и справедливость назначаемого по ее результатам наказания. При этом советские ученые-правоведы полагали, что «проблема истины в уголовном процессе является не только одной из наиболее важных, но и наиболее сложных»¹, поэтому она всегда была в центре их внимания.

В условиях же нынешней правовой реальности вызывает недоумение отказ работников действующего УПК РФ от истины как нравственного идеала правосудия и принципа современного уголовного судопроизводства. По нашему мнению, подобное игнорирование истины как фундаментальной установки общественного правосознания может привести к усилению разрыва между законодательством и регулируемой им социальной реальностью, отчуждению населения от противоречащих его религиозно-нравственной и правовой ментальности юридических норм и институтов, укреплению позиций правового нигилизма². В свете сказанного положительный опыт таджикского национального правотворчества в области регламентации основ уголовного судопроизводства, опирающийся на древние духовные ценности и верность незыблемым религиозно-нравственным и правовым традициям, что проявилось в официальном закреплении за объективной истиной статуса одного из важнейших принципов уголовного процесса, является, на наш взгляд, отличным примером, достойным уважения и подражания.

---

1 Михеенко М.М. Теоретические проблемы доказывания в советском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. – Киев, 1984. – С. 20.

2 См.: Беспалько В.Г. Ветхозаветная концепция истины как гарантии объективного расследования преступлений и современная уголовная политика. – С. 49.

*БУРМАГИН Сергей Викторович
кандидат юридических наук, Северный
(Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск)*

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Уголовное судопроизводство является наиболее конфликтной сферой общественных отношений, в которой достаточно жестко сталкиваются публичные, общественные интересы и разноплановые интересы личности, происходят конфликты и на межличностном уровне, существенным образом затрагиваются и ограничиваются права и свободы человека. В связи с этим защите прав и интересов субъектов, вовлеченных в орбиту уголовной юстиции, всегда уделяется повышенное внимание, как на законодательном уровне, так и в правоприменительной практике.

Конституция Российской Федерации в ст.45 гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, а в ст.46 провозглашает право каждого человека на судебную защиту его прав и свобод, которое реализуется посредством правосудия. В международно-правовых актах право на эффективные средства правовой защиты в государственном органе признано основополагающим, неотъемлемым правом каждого человека (п.3 ст.2 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст.13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.).

Одним из проявлений всеобъемлющего конституционного права на защиту в такой специфической области человеческой деятельности, каким является уголовный процесс, выступает право подозреваемого и обвиняемого на защиту, обеспечение этого права возведено в принцип уголовного судопроизводства РФ (ст.16 УПК РФ). Согласно ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право обвиняемого на защиту выступает конструктивным элементом более глобального правового феномена – права на справедливое судебное разбирательство, которому практика Европейского суда по правам человека придала значение общепризнанного принципа, международно-правового стандарта правосудия. В науке уголовно-процессуального права под правом подозреваемого и обвиняемого на защиту обычно понимается весь комплекс процессуальных прав, предоставленных этим субъектам уголовного процесса для отстаивания своих интересов в ходе производства по уголовному делу, включая процессуальные права защитника и законного представителя.

Конституция РФ провозглашает равенство всех перед законом и судом (ч.1 ст.19) и осуществление судопроизводства на основе равноправия сторон (ч.3 ст.123), а УПК РФ дополнительно обязывает государственные органы в равной степени защищать и охранять в уголовном судопроизводстве права и свободы каждого человека, однако в российском уголовном процессе, на наш взгляд, сложилось вполне определенное положение, при котором право обвиняемого (подозреваемого) на защиту возведено в абсолют и охраняется особе трепетно, позволяя этому субъекту процесса совершенно безболезненно, без негативных последствий для себя злоупотреблять

процессуальными правами, отстаивая при этом не только законные, но и противоправные интересы.

Поясним, что под злоупотреблением правом обвиняемого (подозреваемого) на защиту мы подразумеваем действия обвиняемого (подозреваемого) или его защитника по реализации предоставленных им процессуальных прав в противоречии с их смыслом и назначением, причиняющие или способные причинить вред правам других субъектов права, интересам общества и государства, в целях отстаивания незаконных интересов обвиняемого (подозреваемого).

Очевидно, что конфликтность производства по уголовному делу, противостояние сторон и противоборство их позиций предопределяет особые усилия, устремления участников процесса на преодоление давления противной стороны, порождает желание отстоять свои интересы любой ценой и зачастую мотивирует их на противоправное поведение, но почему, спрашивается, такая деятельность должна оставаться без должного реагирования и даже поощряться? По мнению Т.В. Якушевой, злоупотребление правом на защиту нарушает «соотношение интересов справедливого правосудия и защищенности личности с пользой одной из сторон»¹, и с этим высказыванием сложно не согласиться.

Следственная и судебная практики РФ демонстрируют многочисленные примеры злоупотребления правом на защиту, свидетельствует о том, что количество таких злоупотреблений увеличивается. В юридической литературе описаны разнообразные формы и способы злоупотребления правом на защиту², к наиболее распространенным из них можно отнести:

- преднамеренный отказ от использования своего процессуального права с целью придания впоследствии видимости нарушения права на защиту и незаконности произведенных процессуальных действий (отказ от приглашения защитника на допрос, отказ от ознакомления с материалами дела и т.п.);
- неявка по вызову следователя или суда под прикрытием псевдоуважительных причин и срыв вследствие этого следственного действия или судебного заседания;
- преднамеренное затягивание ознакомления с материалами уголовного дела;
- заявление многократных, однотипных и безосновательных ходатайств и отводов;
- подача многократных и однотипных жалоб в порядке ст.125 УПК РФ на различные процессуальные действия и решения следователя (дознателя), в том числе не подлежащие обжалованию в рамках данной судебной процедуры;
- многократные отказы от защитника, чередующиеся с ходатайствами о его привлечении к участию в деле;

1 Якушева Т.В. Злоупотребление процессуальными правами в судебном следствии // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2. – Т.1. – С. 124.

2 См.: Бурмагин С.В. Злоупотребление правом на защиту при производстве по уголовным делам: постановка проблемы // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования притуплений: Сб. матер. межвуз. науч.-прак. конф. – М.: Академия управления МВД России, 2009. – Ч.1. – С. 149-153; Громов Н.А., Курушин С.А. Гарантии права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ. – М., 2005. – С. 94; Ингнатъев А.Н. Ознакомление стороны защиты с материалами уголовного дела: как гарантировать реализацию права и пресечь злоупотребления? // Адвокатская практика. – 2012. – № 5. – С. 9.

- требование переводчика при достаточном владении русским языком;
- ложные показания, сопряженные с обвинением других лиц в совершении преступления;
- ложный донос о совершенных преступлениях следователем, судьей, экспертом, адвокатом, свидетелем и т.д. с целью опорочить доказательства и законность производства по завершеному делу, по которому обвинительный приговор вступил в законную силу.

В соответствии со сложившимся, чрезмерно широким толкованием права на защиту обвиняемый в целях опровергнуть выдвинутое против него обвинение либо опорочить состоявшийся в отношении него обвинительный приговор может без каких-либо для себя последствий прибегнуть к таким противоправным средствам, как клевета, заведомо ложный донос, заведомо ложные показания, фальсификация доказательств. Другим заинтересованным в деле лицам, например потерпевшему, такие действия не дозволены, они запрещены уголовным законом.

Некоторые авторы полагают, что по закону участники процесса имеют возможность самостоятельно в полном объеме распоряжаться своими процессуальными правами и поэтому ни о каком злоупотреблении правом с их стороны речи быть не может¹. Но так ли это? Соответствуют ли подобные утверждения правовому регулированию?

Действительно, в статьях 47 и 53 УПК РФ, регламентирующих соответственно процессуальные права обвиняемого и защитника, содержатся положения (весьма неудачные на наш взгляд) о том, что обвиняемому и защитнику дозволяется использовать иные *не запрещенные УПК* средства и способы защиты. Поскольку никакие специальные запреты для стороны защиты в УПК РФ не сформулированы, а их наличие в других законах, исходя из указанного, не должно приниматься во внимание, соблазнительно сделать вывод, что никаких ограничений в выборе средств защиты и способов их использования не существует.

Между тем Конституция РФ, провозглашая соблюдение и защиту права в качестве принципиальных основ российского государства, одновременно устанавливает требование о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч.3 ст.17) и допускает ограничение этих прав и свобод на основании закона в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч.3 ст.53). Таким образом, на конституционно-правовом уровне не только обозначены ценности общества, подлежащие защите посредством права, но и сформулировано требование соблюдать баланс между охраняемыми интересами общества и индивида, а равно и между интересами различных людей. По сути, в приведенных нормах заключается принцип недопустимости злоупотребления правом, который в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ носит общеправовой характер (п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2002 г. № 9-П, п.4.3 Постановления Конституционного суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П). Исходя из этого принципа недопустимо достижение ин-

---

1 Хатуяева В.В. Сущность и юридическая природа диспозитивности в уголовном процессе // Российский следователь. – 2005. – № 4. – С. 13.

тересов (пусть и законных) одного субъекта общественных правоотношений за счет ущемления прав и игнорирования интересов других субъектов.

Запрет злоупотребления правами содержится и в ст.17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой ничто в данной Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции.

В свете сказанного следует заметить, что в советском процессуальном праве акцент делался, и вполне оправдано, на законность интересов, подлежащих защите уголовно-процессуальными средствами. В частности, в ст. 46 УПК РСФСР 1960 года было прописано, что обвиняемый вправе защищать свои права и *законные интересы* любыми средствами и способами, *не противоречащими закону*. Для укрепления правовой основы противодействия злоупотреблению правом на защиту представляется целесообразным вернуть в содержание понятия права обвиняемого (подозреваемого) на защиту отстаивание законных интересов в качестве цели его использования. Кстати отметить, что именно такая целенаправленность закреплена в ч.3 ст.47 УПК Таджикистана, согласно которой «обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы всеми средствами и способами, не противоречащими закону...».

Злоупотребление правом на защиту не просто выявить, еще сложнее доказать, поскольку само противоправное деяние облекается в одежды правомерного поведения, связано с реализацией предоставленных законом прав, т.е. совершением действий, формально не запрещенных законом. Противными интересам правосудия являются цели и мотивы этих деяний и конечные негативные последствия, к которым они приводят: нарушение прав других участников процесса, вред их интересам, затягивание производства по делу, затруднение доказывания, снижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности и т.д. Злоупотребление правом на защиту по своей природе не является правонарушением и не влечет юридической ответственности обвиняемого или защитника. Тем не менее, нельзя не согласиться с С.А. Гордейчиком в том, что «назрела необходимость бороться с этим явлением, как на законодательном, так и на правоприменительном уровне»¹.

Одним из способов противодействия злоупотреблению правом на защиту является ограничение конкретного процессуального права, используемого в целях, противоречащих его назначению. Подобное ограничение не должно превращаться в произвол и нарушать право обвиняемого на защиту, для чего требуется тщательная регламентация его процедуры и установление (на досудебных стадиях процесса) судебного контроля над его законностью и обоснованностью. Подобная мера давно действует и не безуспешно в рамках процедуры ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела в порядке ст.217 УПК РФ.

Другой, возможно более спорный, путь нейтрализации определенных форм злоупотребления правом видится в переводе их в категорию правонарушений, влекущих правовые санкции, вплоть до уголовной ответственности. Такие меры могут

1 Гордейчик С.А. Злоупотребление правом на защиту // Законность. – 2006. – № 12. – С. 8.

быть применены к особо злостным формам злоупотребления правом, сопряженным, например, с заведомо ложным доносом в совершении преступления¹, фальсификацией доказательств и совершением иных деяний, подпадающих под действие уголовного закона, но в силу сложившейся практики не преследуемых в уголовном порядке.

В завершение приведенных рассуждений позволим себе выразить уверенность, что для эффективной борьбы с таким негативным явлением как злоупотребление правом на защиту требуется взвешенный подход в выборе средств и методов этой борьбы, их глубокая научная проработка и широкое обсуждение научной общественностью и представителями правоприменительной практики.

---

¹ См. об этом: Бурмагин С.В. Проблема права на защиту в уголовном судопроизводстве // Публичное и частное право. – 2011. – Вып. III. – С. 101–105.

ВЕРЕЩАГИНА Алла Васильевна,
*заведующая кафедрой публичного права
Института права Владивостокского
государственного университета экономики
и сервиса, кандидат юридических наук,
доцент*

ИНКВИЗИЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УПК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ¹

Изначально в протогосударствах отсутствовала дифференциация процедуры разрешения различных видов споров, в том числе и уголовных. Судопроизводство рассматривалось как система правил, с соблюдением которых они должны разрешаться и придать сакраментальность постановляемому решению.

По мере диверсификации социальных институтов «общество» и «государство», появления у государства, хотя и социально обусловленных, но относительно самостоятельных функций, уголовное судопроизводство становится видом государственной деятельности. Оно используется не только для разрешения уголовно-правовых споров, но и для достижения конкретных политических задач отдельных лиц или социальных групп. Наибольшего развития этот аспект уголовного судопроизводства достигает в государствах тоталитарного типа. При этом уголовно-процессуальная регламентация в демократических и тоталитарных государствах в целом может быть сходной. Однако есть ряд институтов, изменение или не изменение которых позволяет определить имеющуюся в государстве форму уголовного процесса. К таким институтам профессор И.Б. Михайловская относит назначение уголовного судопроизводства; систему и содержание нормативно закрепленных уголовно-процессуальных принципов; статус участников уголовного судопроизводства, прежде всего, реализующих процессуальные функции². К этой триаде институтов мы бы добавили стадийное построение процесса.

Анализ норм УПК Республики Таджикистан через призму этих институтов позволяет выявить те моменты, которые усиливают инквизиционную составляющую уголовно-процессуальной формы и способствуют обвинительному уклону в правоприменении при возбуждении, расследовании и разрешении уголовных дел.

1. *Назначение уголовного судопроизводства. В советской уголовно-процессуальной литературе, особенно в переломные моменты, имели место оживленные дискуссии о назначении, цели, задачах уголовного судопроизводства и их соотношении³. По нашему мнению такого рода обсуждения бесплодны и не имеют*

1 УПК Республики Таджикистан – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: закон принят 3 декабря 2009 года № 564 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=30692 (Дата обращения 8 ноября 2014 года). Далее в тексте УПК РТ; УПК Республики Таджикистан.

2 Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). – М.: Проспект, ТК Велби, 2003.

3 Подробнее см.: Александров А.С., Александрова И.А., Круглов И.В. Назначение уголовного судопроизводства и наказания: монография. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия,

никакого практического значения.¹ Первичное понимание (имевшееся в протогосударствах) назначения процесса как совокупности процедур, с соблюдением которых разрешается уголовно-правовой спор в демократическом государстве, дополняется указанием на их направленность на защиту прав личности, в отношении которой управомоченные субъекты от имени государства иницируют уголовное преследование. Расширение системы задач уголовного процесса свидетельствует о попытке решать посредством уголовного судопроизводства априори несвойственные ему вопросы.

Нормы статьи 2 «Задачи уголовно-процессуального судопроизводства» УПК Республики Таджикистан близки по своему содержанию положениям, имевшимся в ст.2 УПК Таджикской ССР². На правоприменителя в ходе осуществления уголовного судопроизводства возлагается одномоментное решение многообразия задач, некоторые из которых невыполнимы («своевременное и полное раскрытие преступлений», «предупреждение преступлений») и взаимоисключающие («защита интересов общества, государства и организаций, пострадавших в результате совершения преступления» и антитеза «защита от необоснованного обвинения и осуждения»). При этом задача защиты от необоснованного обвинения и осуждения в ст. 2 УПК Республики Таджикистан указана последней, что можно интерпретировать как её маловажность для законодателя и правоприменителя.

Кроме этого, избыточность поставленных перед правоприменителем уголовно-процессуальных задач следует оценивать негативно и потому, что решение каждой из них происходит в ущерб реализации другой (других). Тем самым правоприменитель самим законодателем сразу поставлен перед выбором в своей деятельности приоритета, т.е. в ситуацию нарушения предписаний уголовно-процессуального закона. Близкая современному правоприменителю практика советского периода этот выбор делала в пользу своевременного и полного раскрытия преступлений, предупреждения преступлений, выявления каждого факта совершения преступлений и т.п. Как следствие задача соблюдения прав и свобод личности, в отношении которой осуществляется уголовное преследование отходила на второй план.

2. Система и содержание уголовно-процессуальных принципов развивает заложенный в задачах инквизиционный потенциал нормативной модели таджикского уголовного судопроизводства. При первом приближении их система и содержание вполне соответствуют международно-правовым стандартам демократического правосудия, тем не менее, некоторые моменты позволяют культивировать обвинительный уклон.

Будучи ограничены допустимым объемом публикации остановимся только на

2006.

1 Верещагина А.В. Теоретическое обоснование и легальное закрепление назначения уголовного судопроизводства в ретроспективе // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе: материалы Международной науч.-практ. конф. – Минск: Бизнесофсет, 2012. – С. 233-235; Верещагина А.В. О цели уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. – 2006. – № 292. – С. 88-90.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР: закон от 17 августа 1961 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.geneva-academy.ch/RULAC/pdf_state/Criminal-Procedure-Code-TJ.pdf (Дата обращения 8 ноября 2014 года). Здесь и далее УПК Таджикской ССР.

двух уголовно-процессуальных принципах – законности (ст.9 УПК РТ) и всестороннем, полном и объективном исследовании дела (ст. 21 УПК РТ).

В содержании принципа законности при производстве по уголовным делам таджикский законодатель сохранил советскую неопределённость его регламентации. Он ограничился лишь указанием на необходимость соблюдать требования закона. В противном случае это «влечет ... установленную законом ответственность, признание принятых незаконных актов недействительными и их отмену» (ч.3 ст. 9 УПК РТ). Самым важным негативным следствием нарушения уголовно-процессуального закона, который должен дисциплинировать правоприменителя и формировать позицию неукоснительного соблюдения закона, является признание доказательства недопустимым и исключение его из процесса доказывания. В УПК РТ есть положение о возможности признания доказательства недопустимым (ч.3 ст.88), но механизм реализации этого предписания в законе не закреплён¹. Следовательно, требование соблюдать закон при производстве по уголовным делам является только декларацией, де факто не имеющей никаких правовых последствий.

Принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 21 УПК РТ) также носит явно не реализуемый и противоречащий некоторым другим принципам характер. Во-первых, объективность чужда любому лицу, изначально субъективному по своей природе, в том числе в восприятии любых обстоятельств. В силу этого всесторонность и полнота будут носить характер, ограниченный субъективными особенностями конкретного правоприменителя. Во-вторых, всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела затруднена особенностями уголовно-процессуальной деятельности. Она всегда носит ретроспективный характер, направленный на реконструкцию событий, имевших место в прошлом, что усложняет реализацию рассматриваемого принципа. В-третьих, содержание этого принципа, заимствованного из ст. 15 УПК Таджикской ССР, содержит в себе фактический отказ от закреплённого в УПК РТ принципа состязательности. Это проявляется в возложении обязанности на прокурора, следователя и дознавателя «определять ответственность обвиняемого» (ч.1 ст. 21 УПК РТ), тем самым реализацию ими функции разрешения дела по существу. В-четвертых, сопоставление формулировки нормы части 1 ст. 21 УПК РФ с другими положениями данной статьи позволяет прийти к выводу об определяющей для разрешения дела роли досудебного производства.

3. Для определения формы процесса важен статус его участников, прежде всего тех, кто реализует процессуальные функции обвинения, защиты и разрешения дела по существу. Как и в случае с институтом принципов на первый взгляд Раздел II «Участники уголовного судопроизводства» УПК РТ изложен сообразно закреплённому в ст. 20 УПК РТ принципу состязательности и равноправия сторон в соответствии с реализуемыми субъектами процессуальными функциями.

Однако анализ процессуального статуса участников уголовного судопроизводства позволяет прийти к выводу об отсутствии последовательного разграничения процессуальных функций.

Проиллюстрируем это утверждение на примере суда. В соответствии с ч.1 ст.

¹ См.: содержание ст.ст. 72, 86, 88, 247, 248, 262, 372 УПК РТ.

35 УПК РТ суд имеет право «обвинить (а не признать виновным - А.В.) лицо в совершении преступления», «в случаях, предусмотренных законодательством Республики Таджикистан возбуждать уголовное дело и направлять для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы»¹. В статьях 264 и 287 УПК РТ закреплено право суда возвращать уголовное дело для дополнительного расследования, в том числе по ходатайству сторон при выявлении в судебном заседании ранее неизвестных и имеющих значение для дела обстоятельств, исследование которых в судебном заседании невозможно без проведения дополнительного расследования. Напротив, в перечне полномочий суда мы не найдем права на рассмотрение жалоб на незаконные решения, действия или бездействие субъектов, осуществляющих уголовное преследование.

Закрепляя право возбуждать уголовное дело и направлять уголовное дело на дополнительное расследование, законодатель возлагает на суд реализацию функции обвинения. А отсутствие у суда полномочия по рассмотрению жалоб на решения, действия и бездействие органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, свидетельствует об отказе в закреплении за этим органом компетенции по реализации последующего судебного контроля за их деятельностью, что является неотъемлемой частью реализации функции разрешения дела по существу. Использованный в уголовно-процессуальном законе Таджикистана опосредованный контроль за законностью деятельности осуществляющих уголовное преследование субъектов, посредством рассмотрения жалоб на решения прокурора, который не удовлетворил жалобу физического или юридического лица (ст. 124 УПК РТ), не микширует этот недостаток. Такая конструкция затрудняет устранение нарушений и усложняет реализацию права лица на доступ к правосудию.

4. Стадийное строение уголовного процесса Республики Таджикистан также указывает на преобладание инквизиционных начал судопроизводства. Неизменным с советских времен осталось включение в уголовный процесс развернутого досудебного производства, состоящего из стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, результаты которого определяют рассмотрение уголовного дела судом. В 2013 году Верховный Суд Таджикистана не вынес ни одного оправдательного приговора, крайне редко они встречаются и в практике других судов республики². Такая стабильность может свидетельствовать либо об идеальной работе органов, осуществляющих уголовное преследование, чего трудно достигнуть, либо о доминировании обвинительного уклона в работе судов. Мы склонны считать, что имеет место второе объяснение подавляющего числа обвинительных приговоров. Такая ситуация, по нашему мнению, опасна тем, что суды не реализуют факти-

1 О несоответствии этого положения принципу состязательности см.: Юлдошев Р.Р. Общая характеристика функции уголовного преследования в досудебных стадиях таджикского уголовного процесса // Публичное и частное право. – 2013. – № 2. – С.149-150; Юлдошев Р.Р. Регулирование Уголовно-процессуальным кодексом Республики Таджикистан полномочий суда по возбуждению уголовного дела: научно-аналитический обзор. – Душанбе: Издательство «Типография МВД», 2014. – С.18-19.

2 Гайсина Л., Шодиев Х. Почему таджикские судьи не выносят оправдательных приговоров? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://news.tj/ru/newspaper/article/sudebnyi-konveier> (Дата обращения 8 ноября 2014 года).

чески функцию разрешения дела, соглашаясь с позицией органов досудебного производства, которая вырабатывается в условиях ограниченной реализации принципа состязательности. Предоставленные стороне защиты возможности по отставанию своей позиции на досудебных стадиях в значительной степени зависят от решения субъекта, осуществляющего уголовное преследование. Иными словами, реализация требований всесторонности, полноты и объективности зависит от понимания этих вопросов конкретным правоприменителем, а также от даваемых ему установок. Способствует инквизиционному «перекоосу» в доказывании в досудебном производстве и отмеченное выше многообразие решаемых правоприменителем задач – раскрытие каждого преступления в ущерб защите лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Такая же дилемма стоит и перед судом. Как и органы обвинения, он делает свой выбор в пользу обвинительного уклона, ощущая себя частью механизма борьбы с преступностью.

Таким образом, нормативная модель уголовного судопроизводства, закрепленная в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан, несмотря на имеющиеся в нем демократические начала в значительной степени тяготеет к инквизиционной нормативной модели советского периода. На это указывает подход законодателя к закреплению задач уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальных принципов, последовательность разграничения реализуемых субъектами процессуальных функций и система стадий.

ГАВРИЛОВ Борис Яковлевич,
заведующий кафедрой управления органами
расследования преступлений Академии
управления МВД России, Заслуженный юрист
Российской Федерации, доктор юридических
наук, профессор, генерал-майор юстиции (в
отставке)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Особенность развития уголовно-процессуального законодательства в XXI веке заключается в том, что органами государственной власти поставлена задача разработки концепции развития уголовной политики, в том числе в сфере уголовно-процессуального права, что нашло свое отражение на Парламентских слушаниях 18 ноября 2013 года и в ходе обсуждения основных направлений совершенствования законодательства 24 июня и 23 сентября 2014 года в Совете Федерации Российской Федерации.

На это накладывается и то обстоятельство, что, несмотря на произошедшие в России за три последних десятилетия экономические и социально-правовые изменения, современное уголовное судопроизводство, в т. ч. его досудебная часть содержит в своей основе отдельные положения принятого более 50-лет назад УПК РСФСР и по этой причине остается чрезвычайно забюрократизированным и сущностно затратным при его недостаточной эффективности (ежегодно в суд направляется только каждое третье уголовное дело из числа возбужденных).

Одновременно законодатель вследствие оказываемого на него «давления» со стороны правоохранительных и судебных органов, в том числе названной профессором В.П. Божьевым «тихой революцией» Конституционного Суда РФ¹, неоднократно допускал принятие в УПК РФ поправок, носящих характер контрреформ (например, фактическое возвращение в УПК РФ положений ст.205 УПК РСФСР, регламентирующей правила изложения доказательств в обвинительном заключении; расширение оснований возвращения судом уголовного дела прокурору (*фактически, на дополнительное расследование*² - выделено Б.Г.) и ряд других³).

При этом необходимо учитывать, что деятельность правоохранительных органов осуществляется в условиях осложнения криминогенной обстановки, обусловленной в числе других причин значительным увеличением (с 19,3 млн. в 2006 г. до 28,4 млн. в 2013 г.) количества зарегистрированных сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях и происшествиях. Соответственно, возрос в

1 Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного суда в уголовном процессе Российской Федерации // Избранные труды. – М.: Юрайт, 2010. – С. 393-415.

2 О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 №269-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. – 2014. – № 30. – Ст. 4270.

3 Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: монография – М., 2008. – С. 21-24.

2013 в целом и объем процессуальной деятельности до 2,1 млн. расследованных уголовных дел и 6,7 млн. процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, а всего 8,8 млн. (для сравнения в 1992 г. количество «отказных» материалов составляло лишь 1,3 млн. и возбужденных уголовных дел 2,8 млн., а всего 4,1 млн. процессуальных производств).

В числе первоочередных – требует принципиальных изменений порядок начала производства по поступившему заявлению, сообщению о преступлении, хотя в науке по-прежнему многие ученые выступают за сохранение стадии возбуждения уголовного дела, усматривая её предназначение в качестве «фильтра», призванного не пропускать в стадию предварительного расследования материалы без достаточной констатации наличия в них признаков преступления, а с другой стороны - в качестве “заслона” против проведения принудительных следственных действий, допускаемых при расследовании преступлений¹. Соответственно необходимо и исключение из УПК РФ его ст.148, предоставляющей правоприменителю право отказывать в возбуждении уголовного дела. Ее наличие влечет за собой ряд негативных последствий. Так, решение органов расследования об отказе возбуждения уголовного дела (в 2012-2013 гг., соответственно, по 6,4 млн. и 6,7 млн. заявлений и сообщений о преступлениях) не только ограничивают конституционное право граждан на доступ к правосудию, но и, зачастую, нарушают закон. От 30% до 40% таких решений прокурорами ежегодно признаются незаконными или необоснованными и отменяются.

Хотя количество возбужденных уголовных дел после отмены процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела остается незначительным (менее 10%), однако за 20 лет оно выросло почти в 7 раз (с 32,5 тыс. в 1991 г. до 215,3 тыс. в 2013г.).

Последствия отказа в возбуждении уголовного дела заключаются и в том, что в 2013 г. допущено 530,3 тыс. нарушений учетно-регистрационной дисциплины и статистической работы, за совершение которых 44 тыс. сотрудников привлечены к ответственности, в т. ч. и уголовной.

При выработке предложений об исключении из УПК РФ института отказа в возбуждении уголовного дела учитывалось, что ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1922,1923 гг. его не предусматривали, отсутствует он и в зарубежном процессуальном законодательстве, за исключением ряда государств бывшего СССР.

Возбуждение уголовного дела. Обусловленность по УПК РФ начала расследования по заявлению, сообщению о преступлении вынесением постановления о возбуждении уголовного дела заведомо влечет за собой, как указано выше, ограничение доступа граждан к правосудию. Об этом наглядно говорит сокращение почти в три раза (с 16,9% в 2006 г. до 5,9% за 1 полугодие 2014 г.) количества принятых следователем, дознавателем, органом дознания таких решений.

---

1 Щадрин В.С. Начальная фаза уголовного процесса от Устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы российского права. – М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 4. – С. 719.

	2006	2009	2010	2011	2012	2013	1 пол-е 2014
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях административных правонарушениях, происшествиях, (млн.)	19,3	22,8	23,9	24,7	26,4	28,4	14,3
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	2,4	2,2	2,0	1,9	1,78	0,84
В т.ч. удельный вес к числу зарегистрированных сообщений	16,9 %	10,7 %	9,0 %	8,0 %	7,2 %	6,0 %	5,9 %

О складывающийся негативной практике свидетельствует и соотношение удельного веса процессуальных решений о возбуждении уголовного дела, который за последние 20 лет сократился в 8 раз.

Период	Возбуждено уголовных дел	Количество «отказных» материалов	Удельный вес к возбужденным делам (в %)
1992	2,8 млн.	1,3 млн.	47,7 %
2002	2,5 млн.	3,8 млн.	148,4 %
2010	2,2 млн.	6,0 млн.	272,7 %
2012	1,9 млн.	6,4 млн.	336,8 %
2013	1,8 млн.	6,7 млн.	380 %
1 пол-е 2014	836 тыс.	3,2млн.	381%

В результате показатель преступности в России ежегодно колеблется в зависимости от требований МВД России и Генеральной прокуратуры РФ к соблюдению учетно-регистрационной дисциплины от +32,7% в 1989 г. до -14,9% в 2002 г. Последствия этого приобрели гипертрофированный характер в форме так называемого «административного» фактора регулирования показателей преступности, на что автор в последние 15 лет обращал особое внимание [5.С.20-35]. Для сравнения, в Германии за последние 15 лет ежегодные изменения преступности при ее количественной составляющей 6,5 млн. в год не превышают 1-1,5%. Соответственно, коэффициент преступности в России в 2013 г. (менее 1,5 тыс. преступлений на 100 тыс. населения) в 4-5 раз ниже, чем Германии, Франции, Италии и в 8,5 раз, чем в Швеции и ряде других стран.

Изложенное позволяет констатировать необходимость изменения порядка начала производства расследования путем исключения процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела. Так, ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. устанавливала, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступление или проступка»¹. Указанные предложения включены в Дорожную карту дальнейшего реформирования органов внутренних дел и положены в основу

¹ Российское законодательство X-XX веков. Т.8. Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 150.

подготовленного в МВД России с непосредственным участием автора проекта соответствующего федерального закона.

Нормы о возбуждении уголовного дела не содержат в себе уголовно-процессуальное законодательство Европейских государств и ряда стран бывшего СССР – Латвия, Молдова, Украина.

Порочность данной нормы и в существенных препятствиях при собирании доказательств на первоначальном этапе расследования¹, а также в ограничении возможностей использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности² и др.

В последнее время негативные последствия возбуждения уголовного дела проявились в позиции Верховного Суда РФ. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.12.2013 №60-Д13-3 по обвинению «Г» указано, что уголовное дело было возбуждено по п. «б» (как минимум – совершение преступления группой лиц) ч. 4 ст. 132 УК РФ, однако в постановлении о возбуждении следователь указал только гражданина «З». По мнению Верховного Суда РФ, в отношении «Г» в силу положений ст.ст. 140 и 146 УПК РФ также необходимо было вынести постановление о возбуждении уголовного дела³, что противоречит не только сложившейся многолетней практике самого Верховного Суда РФ по этому вопросу, но и здравому юридическому смыслу.

Процессуальные сроки расследования. В связи с введением в УПК РФ нормы принципа (ст.6.1) о разумном сроке уголовного судопроизводства и в соответствии с Постановлением совместного Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010г. №30/64 в части разумного срока уголовного судопроизводства в 4 года, представляется необходимым привести в соответствие с указанными правовыми факторами предусмотренный ч. 1 ст.162 УПК РФ двухмесячный срок предварительного следствия, воспроизводящий аналогичные положения ст. 119 УПК РСФСР 1922г., несмотря на существенное усложнение как самого предварительного следствия, так и расследуемых уголовных дел.

Еще более одиозная ситуация сложилась с первоначальным двухмесячным сроком содержания обвиняемого под стражей, в который входят:

- от 10 до 30 суток для принятия прокурором решения о дальнейшем движении дела (ч. 1 и ч. 1.1. ст. 221 УПК РФ);
- 14 суток для принятия судом (судьей) решения в соответствии с ч. 1 ст. 227 УПК РФ. Вследствие чего сроки содержания обвиняемых под стражей в 2013 г. продлевались по 50% уголовных дел.

Не способствует решению проблемы процессуальных сроков предварительного расследования и положения Федерального закона от 21.07.2014 № 273-ФЗ, допускающего продолжительность срока досудебного производства по уголовному делу в

1 Гаврилов Б.Я. Реализация отдельных положений Устава уголовного судопроизводства в современном досудебном производстве России // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 5. – С. 897-905.

2 Доля Е.А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. – 2013. – № 5. – С. 24-39.

3 Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 8. – С. 23.

4,5 года, признавая данный срок разумным¹.

Пересмотр процессуального порядка предъявления обвинения. Необходимо отметить, что Устав Уголовного Судопроизводства 1864 г. не предусматривал института привлечения лица в качестве обвиняемого. Его потребность на протяжении десятилетий обуславливалась тем, что предъявление обвинения являлось правовым основанием (моментом) допуска защитника к участию в уголовном деле. Однако сегодня в соответствии с требованиями ст.ст.46 и 49 УПК РФ участие защитника в уголовном деле предусмотрено не только с момента его возбуждения в отношении конкретного лица, а в соответствии с нормами Федерального закона от 04.03.2013 №23-ФЗ² – с момента начала осуществления процессуальных действий с лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Кроме того, сегодня по сути нивелирована разница в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ).

Одновременно системный анализ УПК РФ в совокупности с решением Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. №6-П³ о том, что «пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)» позволяют сделать предположения о возможности исключения из УПК РФ института предъявления обвинения (ст.171-175 УПК РФ).

Возможность такого решения обусловлена практикой расследования в форме дознания без предъявления обвинения и последующего судебного разбирательства около 4 млн. уголовных дел за 12 лет действия УПК РФ. Этим фактически подтверждена конституционность положений УПК РФ об обвинении в форме обвинительного акта, обвинительного постановления.

Кроме того, в соответствии с решениями Европейского Суда по правам человека, например, гр. Экле против Германии⁴ термину «обвинение» должно придаваться содержательное, а не формальное (как в настоящее время по УПК РФ) значение. Понятие «обвинение» может быть определено как официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно-наказуемое правонарушение. Более подробно данная проблема была обсуждена на круглом столе Академии управления МВД России⁵.

1 О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 21.07.2014 № 273-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 2014. – № 30 (ч.1). – Ст.4274.

2 О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013 № 432-ФЗ) // *Собрание законодательства РФ*. – 2013. – № 9. – Ст.875.

3 По делу о проверке конституционности положений ст.237, 413 и 418 УПК РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда: постановление Конституционного суда РФ от 16.05.2007 №6-П // *Собрание законодательства РФ*.

4 Решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // *Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. – М.: НОРМА, 2000.*

5 *Предъявление обвинения в уголовном судопроизводстве будет отменено?* // *Юридический консультант*. – 2010. – № 3. – С.9–16.

О реализации Федерального закона от 05. 06. 2007 № 87-ФЗ¹. Внесение указанным Законом принципиальных изменений в процессуальный статус прокурора в досудебном производстве способствовало, по мнению автора, улучшению показателей качества следствия, сокращению числа лиц, незаконно, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, в том числе содержащихся под стражей, особенно по уголовным делам, расследованным следователями органов прокуратуры. Это подтверждается приведенными ниже сравнительными статистическими данными о результатах работы следователей в период действия УПК РСФСР и УПК РФ, в том числе до и после внесения в УПК РФ изменений Федеральным законом № 87-ФЗ.

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2007	1191 – 1,8	364	1417 – 11,9	742
2008	954 – 1,5	316	966 – 8,0	595
2009	721 – 1,3	362	796 – 7,0	518
2010	878 – 1,8	639	801 – 8,0	534
2011	699 – 1,6	399	658 – 7,0	368
2012	553 – 1,3	260	615 – 6,0	364
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
1 пол. 2014	254-1,3	45	325-5,6	145

	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	След. МВД	Удельн. вес (в%)	След. прокурат. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В том числе следователям уд.вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0%
2000	19502	2,6	833	1,0	37106	31381 – 3,7%
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2007	17557	3,2	1860	1,6	33300	–
2008	17573	3,5	3524	3,2	26502	20955 – 3,6%
2009	17652	3,8	3664	3,5	12163	8952 – 1,6%
2010	18089	4,4	2640	2,8	11141	7816 – 1,6%
2011	18560	4,8	3118	3,5	7689	5962 – 1,3%
2012	17908	4,9	3873	3,7	6227	4930 – 1,1%
2013	15104	4,3	4029	3,9	5992	4689 – 1,1%
1 пол. 2014	7262	4,2	1821	3,3	2551	1793-0,8%

Сокращенная форма дознания. Значительная роль в совершенствовании досудебного производства придается дифференциации расследования путем введения,

¹ Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.

в первую очередь, «дознания в сокращенной форме». Введенный указанным Федеральным законом от 04.03.2013 №23-ФЗ данный порядок расследования вызвал у правоприменителей и ученых ряд значимых вопросов в связи с его несовершенством и противоречивостью с позиции публичности уголовного процесса (см. публикации А.С. Александрова¹, Гаврилова Б.Я.², С.И. Гирько³, Н.Н. Ковтуна⁴. Как следствие, ежеквартально в 2013 году оканчивалось расследованием с направлением в суд чуть более 3 тыс. уголовных дел, хотя под указанную форму расследования подпадают порядка 50 тыс. В 2014 году это количество в квартал увеличилось примерно до 5 тыс. уголовных дел.

В свою очередь, автором предлагается, что такое расследование должно производиться по протокольной форме досудебной подготовки материалов в отношении конкретного лица, признавшего факт совершения преступления, обстоятельства которого очевидны и не требуют производства всего комплекса следственных действий. При этом законодатель должен предусмотреть ограничение при производстве в сокращенной форме перечня следственных действий допросом подозреваемого и потерпевшего. К материалам уголовного дела подлежит приобщению справка о судимости для определения судом вида уголовного наказания. Подозреваемый подлежит задержанию в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ и в течение 48 часов уголовное дело предлагается направлять прокурору для утверждения обвинительного протокола и передачи его в суд. Последний в соответствии с требованиями ч. 7 ст. 108 УПК РФ, с учетом внесения в нее изменений, продлевает срок задержания до 72 часов, в течение которых рассматривает уголовное дело. В случае невозможности рассмотрения уголовного дела в сокращенной форме суд возвращает его прокурору для расследования в общем порядке. При этом дознание производится как дознавателем, так и иным должностным лицом органа дознания (полиции).

Данная новация способна существенно повысить эффективность процессуальной деятельности органов предварительного расследования и судебной системы, обеспечить незамедлительную защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, при сохранении уровня гарантий прав личности от незаконного и необоснованного обвинения.

Избрание меры пресечения в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск. Требуется внесения в УПК РФ принципиальных изменений и порядок заключения под стражу подозреваемых, обвиняемых, скрывшихся от следствия и объявленных в федеральный розыск, число которых достигло на 1.01.2014 г. 148 тыс., в т.ч. 55 тыс. числятся за судом.

Действующий порядок избрания меры пресечения, не допускающий заочного

---

1 Александров А.С., Сафин Р.Р., Юнусов А.А. К вопросу о сокращенной форме досудебного производства по уголовному делу // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 258-266.

2 Гаврилов Б.Я. Протокольная форма досудебной подготовки материалов и сокращенное дознание: сравнительно-правовой анализ // Труды Академии Управления МВД России. – 2014. – № 2. – С. 15.

3 Гирько С.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения. – 2013. – № 21. – С. 2–5.

4 Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. – 2013. – С. 47–49.

вынесения судом решения о заключении под стражу, за исключением обвиняемого, объявленного в международный розыск (ч. 5 ст.108 УПК РФ), соответствует положениям Конституции РФ и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предоставляющим задержанному лицу право предстать перед судом незамедлительно после задержания.

С учетом этого предлагается предоставить суду по месту расследования уголовного дела возможность заочного вынесения решения (с участием защитника) о заключении объявленных в федеральный розыск подозреваемых, обвиняемых под стражу. Одновременно в УПК РФ следует предусмотреть процессуальный механизм, который предоставляет лицу, объявленному в федеральный розыск и задержанному вне места производства предварительного расследования, в течение 48 час. с момента фактического задержания предстать перед федеральным судьей ближайшего районного суда по месту фактического задержания для допроса с целью установления личности задержанного и проверки не отменено ли ранее вынесенное решение суда о заключении его под стражу, а после доставления к месту производства предварительного расследования – в течение 48 час. предстать перед судом (судьей), избравшим меру пресечения для решения вопроса о и возможности ее изменения (подобный порядок действует в Германии, Франции и др. странах).

Изложенное позволяет автору констатировать необходимость внесения существенных изменений в уголовно-процессуальное законодательство, которое сегодня не обеспечивает реализацию правоохранительными органами, требований о повышении эффективности борьбы с преступностью.

Указанные предложения по изменению законодательства неоднократно озвучивались учеными и практическими работниками¹, в том числе в материалах конференций, проводимых в Академии управления МВД России.

---

¹ Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования в России следственного аппарата), 28-29 мая 2010 г. // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 2–48; Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений», 26 мая 2011 г. // Российский следователь. – 2011. – № 16. – С. 2–39.

ГРИДЮШКО Павел Владимирович,
заместитель начальника кафедры
расследования преступлений следственно-
экспертного факультета Академии МВД
Республики Беларусь, кандидат юридических
наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПО СОБИРАНИЮ, ПРОВЕРКЕ И ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

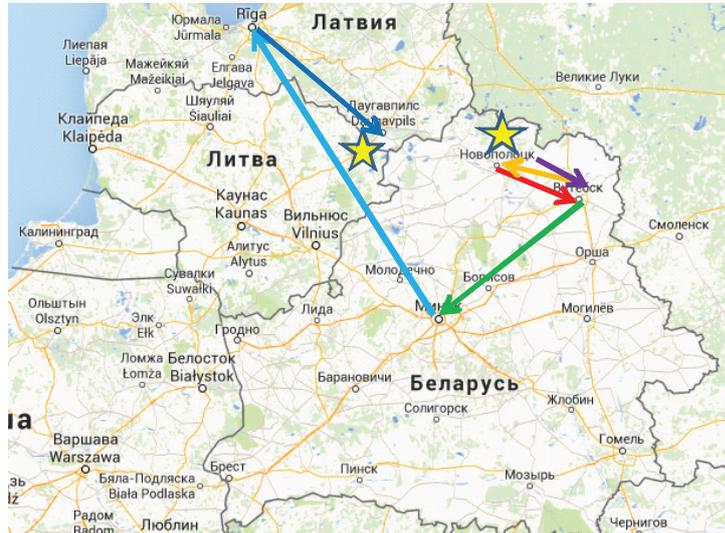
Слайд 1

Слайд 2

Слайд 3

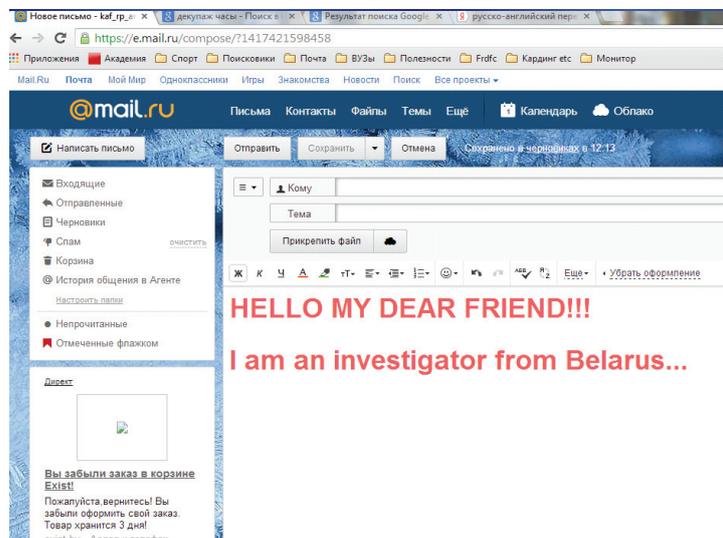
Слайд 4

Слайд 5

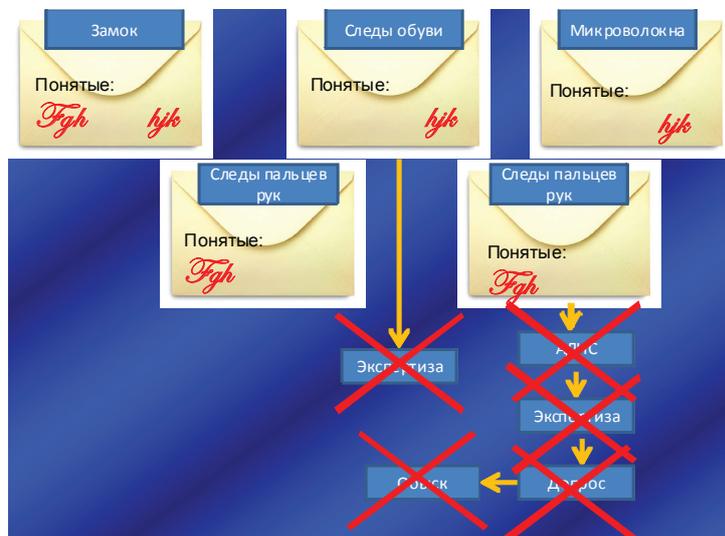
Слайд 6

Слайд 7

Слайд 8

Слайд 9

Слайд 10

- Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения**
1. Показания обвиняемого.
  2. Показания потерпевшей.
  3. Показания сына потерпевшей.
  4. Показания свидетеля.
  5. Осмотр места происшествия.
  6. Вещественные доказательства (нож со следами крови, ночная рубашка со следами крови и порезами).
  7. Судебно-медицинская экспертиза.

Кража

1. Показания обвиняемого.
2. Показания потерпевшего.
3. Показания свидетеля.
4. Предъявление для опознания.
5. Осмотр места происшествия (изъяты следы пальцев рук, обуви)
6. Обыск (изъято все похищенное имущество).
7. Дактилоскопическая экспертиза.
8. Трасологическая экспертиза.

Уголовное дело о хищениях с использованием поддельных БПК и их реквизитов (250 000 эпизодов)

№п/п	Дата хищения	Время хищения	Номер, содержащийся на магнитной полосе поддельной БПК	Сумма похищенной суммы (на белорусских рублях на день хищения (руб.))	Эквивалент суммы в белорусских рублях на день хищения (руб.)	Причина отказа в выдаче денег при получении (расшифровка кодае прилагается к таблице)	Адрес банкомата, на котором совершено хищение (похищение г.Минск)	Банк-эмитент (владелец банкомата)	Банк-эмитент (выпустивший подлинную БПК с таким номером)	Видео	Сота	Место изъятия поддельной БПК	Пометки на изъятии БПК	
1	26.02.08	10:50	4567 3589 1130 0381	200 \$	440 000	100	Суджанова, 47а	Беларусбанк	Teller A. S. Новавяс			Иванов		
2	26.02.08	11:20	6789 0513 8149 4759 34	100 000			Патонова, 45	Беларусбанк	Teller A. S. Новавяс			Иванов		
3	26.02.08	11:30	4521 8288 3018 8620	100 000			Патонова, 45	Беларусбанк	Teller A. S. Новавяс			Иванов	Обыск у Петрова 6	
4	26.02.08	11:45 - 11:48	4521 8288 3018 8620	400 000		100	Козлова, 18	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			Иванов	Обыск у Петрова 19	
5	26.02.08	11:47	4567 3581 0486 4661	100 000		100	Козлова, 18	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			Петров	Иванов	Обыск у Петрова 5
6	26.02.08	12:13	4567 3589 1130 0381	400 000		100	Козлова, 18	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			Иванов	Обыск у Петрова 24	
7	26.02.08	12:32	6789 0513 8149 4759 34	200 000			по. Независ., 39	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			Иванов	Обыск у Петрова 17	
8	26.02.08	12:34 - 12:38	4567 3589 1130 0381	200 \$	440 000	100	по. Независ., 39	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			Иванов	Обыск у Петрова 131	
9	26.02.08	12:57 - 12:58	4567 3500 0700 2874	80 \$	110 000		по. Независ., 39	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			Иванов	Обыск у Петрова 214	
10	26.02.08	12:59 - 13:00	4921 8184 0990 1750	80 \$	110 000		по. Независ., 39	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			авт. Иванов	8	
11	26.02.08	13:01	4567 3581 0489 4661	100 000		100	по. Независ., 39	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			авт. Иванов	9	
12	26.02.08	13:01 - 13:02	4521 8288 3018 8620	100 000		100	по. Независ., 39	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			Иванов	авт. Иванов	10
13	26.02.08	13:11	4567 3530 8127 6127	100 000		100	по. Независ., 39	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			авт. Иванов	55	
14	26.02.08	13:11 - 13:12	4567 3500 0697 0299	80 \$	110 000		по. Независ., 39	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			Петров	авт. Иванов	
15	26.02.08	13:13	4492 6138 5989 9179	100 \$	220 000	100	по. Независ., 39	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			Петров	авт. Иванов	
16	26.02.08	13:16	4567 3585 4030 1408	100 000		100	по. Независ., 44	Беларусбанк	Teller A. S. Новавяс			авт. Иванов		
17	26.02.08	14:04 - 14:05	4921 8178 4877 6222	80 \$	110 000		по. Независ., 143/1	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			Иванов		
18	26.02.08	14:08	4567 2612 2631 9639	50 \$	110 000	203	по. Независ., 143/1	БПС-Банк	Teller A. S. Новавяс			Банкомат	12	
19	26.02.08	14:08	4567 3527 2029 4651	50 \$	110 000	209	по. Независ., 143/1	БПС-Банк	МКБ Банк РН, Беларусь			Петров	Банкомат	11
20	26.02.08	14:07 - 14:08	4567 3530 8127 6127	80 \$	110 000		по. Независ., 143/1	БПС-Банк	МКБ Банк РН, Беларусь			Петров		
21	26.02.08	14:08 - 14:09	6789 4016 1011 1886 46	250 000		100	по. Независ., 143/1	БПС-Банк	МКБ Банк РН, Беларусь			Петров		
22	26.02.08	14:10	4567 3530 2681 4364	50 \$	110 000	209	по. Независ., 143/1	БПС-Банк	МКБ Банк РН, Беларусь			Банкомат	124	
23	26.02.08	14:11	4567 3565 4030 1408	50 \$	110 000	100	по. Независ., 143/1	БПС-Банк	МКБ Банк РН, Беларусь			Петров		
24	26.02.08	14:19	4921 8170 3760 0149	100 \$	220 000	200	по. Независ., 143/1	БПС-Банк	МКБ Банк РН, Беларусь			Банкомат	122	

Слайд 13

<p style="text-align: right;">Прокурору ...</p> <p style="text-align: center;">СПРАВКА о результатах проведенного предварительного расследования по уголовному делу № ...</p> <p style="text-align: center;">ПО ОБВИНЕНИЮ: Кривошеев П.С. ... (описанные факты обвиняемого) в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 205 УК Республики Беларусь.</p> <p>Расквотированно установлено, что: Кривошеев П.С. ... (описание оспроважденного индивидуальной части носильной одежды и качества обвиняемого) (д.д. 23 ссылка на постановления о привлечении к качеству обвиняемого)</p> <p>Потерпевшим по настоящему уголовному делу признан Иванов С.П., 12.12.1973 г.р., уроженец: ... (описанные факты потерпевшего). В результате преступления потерпевшему причинен материальный вред в размере 650 000 рублей. Вред не возмещен. (д.д. 23, 24)</p> <p>Допрошенный в качестве обвиняемого Кривошеев П.С. вину свою признал частично и показал, что ... (показания обвиняемого, оспроважденные им в прямом лице) (д.д. 60 ссылка на протокол допроса обвиняемого)</p> <p>Доказательства, подтверждающие виновность обвиняемого:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Показания потерпевшего Иванова С.П., который показал, что ... (показания потерпевшего) (д.д. 24) 2. Показания свидетеля Васнецова Р.И., показавшего, что ... (показания свидетеля) (д.д. 28) <p>3. Протокол осмотра места происшествия, в ходе которого было взято:</p>	<p>два волоса, след пальца руки ... (д.д. 10)</p> <p>4. Протокол предъявления для опознания, в ходе которого потерпевший опознал Кривошеева П.С. как лицо, совершившее преступные действия в отношении него. (д.д. 40)</p> <p>5. Заключение судебно-медицинской экспертизы №1234 от 12.08.2007, в соответствии с которым потерпевшему причинены телесные повреждения в виде ... (описание телесных повреждений). (д.д. 45)</p> <p>6. Заключение антропологической экспертизы №1235 от 13.08.2007, в соответствии с которым след пальца руки, обнаруженный при осмотре места происшествия, оставлен Кривошеевым П.С. (д.д. 49) и т.д.</p> <p>Обстоятельства, смягчающие ответственность обвиняемого Кривошеева П.С. не установлены.</p> <p>Обстоятельства, отягчающие ответственность обвиняемого Кривошеева П.С.:</p> <p>- совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения.</p> <p>Обвиняемый Кривошеев П.С. по месту работы характеризуется с отрицательной стороны: злоупотребляет спиртными напитками, поддерживает связи с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни. (д.д. 68)</p> <p>Согласно ... заключению наркологической экспертизы №685 от 12.08.2007г., Кривошеев П.С. страдает хроническим алкоголизмом второй степени и нуждается в применении к нему мер принудительного лечения. Противопоказаний к лечению нет. (д.д. 73).</p> <p>Следователь ... тел.256-56-56</p>
---	---

Слайд 14

«Версия обвиняемого Жука П.С. о том, что он не желал совершать преступление в отношении Каленковича И.Н. полностью опровергается материалами уголовного дела и в частности заключением судебно-медицинской экспертизы, согласно которому у Каленковича И.Н. обнаружены 3 рубца на ладонной поверхности правой кисти. Данное заключение эксперта полностью подтверждает показания потерпевшего о том, что Жук П.С. напал на него и начал наносить удары ножом, а он выхватил у него данный нож правой рукой, схватившись за лезвие.

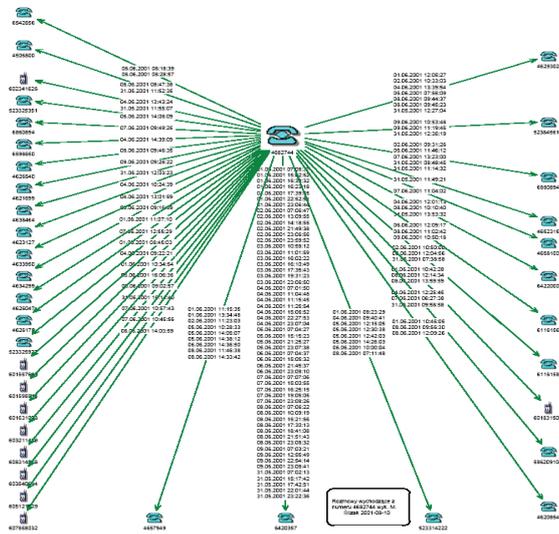
Слайд 15

Кроме того, показания потерпевшего о том, что он, открыв дверь в квартиру, пошел в комнату и сразу же почувствовал боль в области плеча, после чего потерял сознание, полностью подтверждаются заключением этой же экспертизы в той ее части, где указано, что у Каленковича И.Н. имеется неправильный линейный светло-красный рубец 4x0,2 см у внутреннего конца правой ключицы и что данный рубец мог быть образован в результате удара ножом. **Данный факт подтверждает, что у Жука П.С. был с собой нож и что он заранее собирался наносить им удары потерпевшему.**

Слайд 16

Показания Жука П.С. о том, что потерпевший ударил его ножом, а он выхватил его у Каленковича, нанеся им несколько ударов потерпевшему, выбросил данный нож, после чего ушел, опровергаются протоколом осмотра места происшествия, согласно которому в квартире были обнаружены два ножа. **Показания же потерпевшего по данному факту последовательны, логичны.** Он поясняет, что выхватив нож из рук Жука, начал им отмахиваться, но нож случайно выпал у него из рук и тогда он побежал на кухню, где взял второй нож, чтобы в случае повторного нападения продолжать защищаться».

Слайд 17

Слайд 18

*ГЛОВЮК Ирина Васильевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Национального университета «Одесская
юридическая академия», Украина,
кандидат юридических наук, доцент*

УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ФОРМЕ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ: ОПЫТ УКРАИНЫ ПО УПК 2012 г.

Новый Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее – УПК Украины 2012 г.), принятый 13 апреля 2012 г., в качестве одного из видов особого порядка уголовного производства выделяет уголовное производство в форме частного обвинения. По сравнению с УПК Украины 1960 г., который предусматривал, что дела о преступлениях, предусмотренных статьей 125, частью 1 статьи 126 Уголовного кодекса Украины, а также дела о преступлениях, предусмотренных статьей 356 Уголовного кодекса Украины в отношении действий, которыми причинен ущерб правам и интересам отдельных граждан, возбуждаются не иначе как по жалобе потерпевшего, которому и принадлежит в таком случае право поддерживать обвинение; по этим делам дознание и досудебное следствие не производятся; указанные дела подлежат прекращению в случае примирения потерпевшего с обвиняемым, подсудимым, УПК Украины 2012 г. существенно модифицировал это производство.

УПК Украины 2012 г. содержит Главу 36 – «Уголовное производство в форме частного обвинения», которая состоит из трех статей: «Понятие уголовного производства в форме частного обвинения», «Начало уголовного производства в форме частного обвинения», «Возмещение вреда потерпевшему в уголовном производстве в форме частного обвинения». При этом процессуальные особенности частного обвинения, порядок производства там не регламентированы, что вызывает в доктрине ряд вопросов и возражений.

В литературе выделены признаки частного обвинения по УПК Украины 2012 г.: может быть начато только на основании заявления потерпевшего; может быть начато следователем, прокурором, иным служебным лицом органа, уполномоченного на начало досудебного расследования; в таких уголовных производствах обвинение поддерживает потерпевший; отказ потерпевшего, а в случаях, предусмотренных УПК, его представителя, от обвинения является безусловным основанием для прекращения уголовного производства¹; досудебное расследование уголовного производства в форме частного обвинения осуществляется только в отношении уголовных правонарушений, перечисленных в п. 1 ч. 1 ст. 477 УПК, а также в отношении указанных в п. 2-3 ч. 1 этой статьи при наличии соответствующей связи между личностью потерпевшего, личностью правонарушителя и совершенным правонарушением; в суде любое уголовное производство, где есть потерпевший, может приобрести статус частного – если прокурор отказался от поддержания государственного обвинения, а

---

¹ Кримінальний процесуальний кодекс України: Науково-практичний коментар / Відп. ред.: С.В. Ківалов, С.М. Міщенко, В.Ю. Захарченко. – Х.: Одиссей, 2013. – С. 838-839.

потерпевший изъявил согласие на поддержание обвинения¹.

Анализ регламентации производства в форме частного обвинения по УПК Украины 2012 г. вызывает некоторые вопросы, касающиеся как порядка производства в целом, так и подтверждения некоторых из выделенных признаков.

Есть некоторые сложности с определением статуса потерпевшего в этом производстве. УПК Украины 2012 г., в отличие, например, от УПК Республики Таджикистан, не предусматривает процессуальный статус частного обвинителя. Новеллой УПК Украины 2012 г. является то, что потерпевший, по общему правилу, не относится к участникам уголовного производства со стороны обвинения (а, например, по УПК Республики Таджикистан потерпевший (частный обвинитель) отнесен к стороне обвинения). Так, п. 19 ст. 3 УПК Украины 2012 г. предусматривает, что к стороне обвинения относятся следователь, руководитель органа досудебного расследования, прокурор, а также потерпевший, его представитель и законный представитель в случаях, установленных Кодексом. Такой случай прямо предусмотрен ч. 4 и ч. 5 ст. 340 УПК Украины 2012 г.: потерпевший, который согласился поддерживать обвинение в суде (при отказе прокурора от поддержания государственного обвинения в суде), пользуется всеми правами стороны обвинения во время судебного разбирательства. В этом случае уголовное производство по соответствующему обвинению приобретает статус частного и осуществляется по процедуре частного обвинения. Ч. 4 ст. 22 УПК Украины 2012 г. указывает на то, что в случаях, предусмотренных УПК, обвинение может поддерживаться потерпевшим, его представителем. Анализируя положения ч. 4 ст. 26 и ч. 4, 5 ст. 340 УПК Украины 2012 г., можно сделать вывод, что в уголовном производстве в форме частного обвинения потерпевший является стороной, хотя Глава 36 такого положения не предусматривает. На необходимость отнесения потерпевшего к стороне обвинения в этом производстве указывается в доктрине².

При этом, учитывая, что обвинение (как форма уголовного преследования) по УПК Украины начинается с момента утверждения или составления обвинительного акта прокурором (поскольку, в соответствии с ч. 4 ст. 110 УПК Украины 2012 г., обвинительный акт является процессуальным решением, которым прокурор выдвигает обвинение в совершении уголовного правонарушения), то, соответственно потерпевший может реализовать права стороны только в судебном производстве. В связи с этим замечания вызывает несогласованность п. 7 ч. 1 ст. 284 УПК Украины 2012 г., в соответствии с которым уголовное производство прекращается в случае, если потерпевший, а в случаях, предусмотренных Кодексом, его представитель, отказался от обвинения в уголовном производстве в форме частного обвинения, и ч. 4 ст. 26 та ч. 4 ст. 110 УПК Украины 2012 г., поскольку, если реализация обвинения начинается с момента утверждения или составления обвинительного акта прокурором, то,

---

1 Єні О.В. Кримінальне провадження у формі приватного обвинувачення за новим КПК України // Теоретичні та практичні проблеми забезпечення сталого розвитку державності та права : матер. Міжнар. наук. конф. (Одеса, 30 листопада 2012 р.) Т. 2. – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 348-350. – С. 349-350.

2 Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар / За загальною редакцією професорів В.Г. Гончаренка, В.Т. Нора, М.Є. Шумила. – К.: Юстініан, 2012. – С. 992.

соответственно, в досудебном производстве, даже если оно инициировано потерпевшим по составам, предусмотренным ст. 477 УПК Украины 2012 г., потерпевший не может отказаться от обвинения, которое еще не сформулировано.

Кроме того, УПК не дает ответа на вопрос о том, как защитить права лиц, пострадавших от преступлений, предусмотренных ст. 477 УПК Украины 2012 г., которые из-за своего физического состояния, несовершеннолетия, преклонного возраста, недееспособности или ограниченной дееспособности не могут самостоятельно защитить свои права. Ни прокурор, ни следователь даже в этих случаях не могут начать досудебное расследования без заявления потерпевшего. Считаем, что с целью защиты прав таких лиц необходимо предусмотреть полномочие прокурора по внесению в Единый реестр досудебных расследований сведений об уголовном правонарушении без заявления этого лица, но по его письменному согласию.

Также УПК Украины 2012 г. не дает четкого ответа на вопрос о необходимости участия прокурора в судебном разбирательстве в форме частного обвинения. Ст. 36 в ч. 3 указывает, что участие прокурора в суде является обязательным, кроме случаев, предусмотренных Кодексом; в УПК исключений для производства в форме частного обвинения нет. В то же время, как частное рассматривается обвинение, если прокурор отказался от поддержания государственного обвинения в форме публичного обвинения, а потерпевший выразил согласие на поддержание обвинения (ч. 5 ст. 340 УПК Украины 2012 г.). Обязательность участия прокурора в судебном разбирательстве в этом производстве признается в доктрине¹. Это позволяет поставить под сомнение один из ключевых признаков частного обвинения, а именно – поддержание обвинения в суде потерпевшим. Это косвенно подтверждают и положения п. 2 Информационного письма Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел от 05.04.2013 г. «О дополнении к информационному письму Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел от 15.11.2012 № 223-1679/0/4-12 «О некоторых вопросах осуществления уголовного производства на основе соглашений»», в соответствии с которым потерпевший вправе, пользуясь предоставленными ему процессуальными законами правами (статьи 55, 56 УПК), поддерживать обвинение в суде в случае отказа прокурора от поддержания государственного обвинения.

Однако, анализируя эти предложения и разъяснения, следует учесть следующие моменты. Так, если прокурор не будет принимать участие в судебном разбирательстве, то каким образом суду будут предоставлены материалы, собранные в стадии досудебного расследования и обосновывающие обвинительный акт? Ведь УПК Украины 2012 г., предоставляя потерпевшему право инициировать уголовное производство и право заключить соглашение о примирении, которое в обязательном порядке

---

1 Перепелиця С.І. Особливості процедури судового розгляду кримінального провадження у формі приватного обвинувачення за новим КПК України // Актуальні проблеми застосування нового кримінального процесуального законодавства України та тенденції розвитку криміналістики на сучасному етапі: м-ли Всеукр. наук.-практ. конф. (Харків, 5 жовт. 2012 р.). – Х.: ХНУВС, 2012. – С. 446-451. – С. 447; Пожар В.Г. Доказування у справах приватного обвинувачення: деякі особливості і проблемні питання // Теоретичні та практичні проблеми забезпечення сталого розвитку державності та права: матер. Міжнар. наук. конф. (Одеса, 30 листопада 2012 р.) Т. 2. – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 372.

влечет за собой прекращение этого уголовного производства, не возлагает на потерпевшего обязанность собирания доказательств. При этом, в предмет доказывания в уголовном производстве в форме частного обвинения входят обстоятельства, которые определены в ст. 91 УПК и обстоятельства, которые свидетельствуют о наличии правовых условий, при которых может быть заключено соглашение о примирении¹. В УПК не закреплена обязанность прокурора передать эти доказательства потерпевшему; а потерпевший, хоть и наделен по ст. 93 УПК Украины 2012 г. правом собирать доказательства, в своих возможностях по их собиранию не может сравниться со следователем и прокурором. С другой стороны, если прокурор будет принимать участие в судебном разбирательстве, а потерпевший примирится с обвиняемым, что является обязательным основанием для прекращения уголовного производства, то мнение прокурора для суда не будет иметь силы, и суд вынесет определение о прекращении производства. Как верно указывает В.Г. Пожар, при этом волеизъявление потерпевшего превалирует над волеизъявлением прокурора², что ставит под сомнение в целом необходимость его участия в этом производстве.

С другой стороны, УПК Украины 2012 г. нечетко регламентирует необходимость явки потерпевшего в судебное заседание в уголовном производстве в форме частного обвинения, и последствия его неявки. Ч. 1 ст. 325 УПК Украины 2012 г. предусматривает общее право о том, что если в судебное заседание не прибыл по вызову потерпевший, который надлежащим образом уведомлен о дате, времени и месте судебного заседания, суд, заслушав мнение участников судебного разбирательства, в зависимости от того, возможно при его отсутствии выяснить все обстоятельства во время судебного разбирательства, решает вопрос о проведении судебного разбирательства без потерпевшего или об отложении судебного разбирательства; при этом никаких специальных норм для уголовного производства в форме частного обвинения по уголовным правонарушениям, предусмотренным ст. 477 УПК Украины 2012 г., УПК Украины 2012 г. не предусматривает. Действительно, из анализа текста ст. 325 УПК Украины, можно сделать вывод, что неявка потерпевшего не является безусловным основанием для отложения судебного разбирательства как это имеет место в отношении обвиняемого. Никаких указаний на обязательность присутствия потерпевшего при рассмотрении частного обвинения УПК Украины также не содержит³, что снова же ставит под сомнение поддержание обвинения в суде потерпевшим как признак производства в форме частного обвинения.

В целом, анализируя положения УПК Украины 2012 г., касающиеся уголовного производства, которое осуществляется в форме частного обвинения, следует отметить практически полное отсутствие тех признаков, которые традиционно характеризуют обвинение как частное, кроме инициации по заявлению потерпевшего, возможности прекращения в связи с примирением; кроме того, крайне противоречиво сформулирована возможность потерпевшего поддерживать обвинение в суде по уго-

1 Яновська О.Г. Особливості кримінальних проваджень у формі приватного обвинувачення за новим Кримінальним процесуальним кодексом України // Часопис Київського університету права. – 2013. – №1. – С. 244.

2 Пожар В.Г. Вказ. праця – С. 373.

3 Перепелиця С.І. Вказ. праця – С. 451.

ловным правонарушениям, перечисленным в ст. 477 УПК Украины 2012 г.

По сравнению с УПК Украины 2012 г., УПК Республики Таджикистан закрепляет иную модель производства по делам частного обвинения. Такие дела возбуждаются по заявлению лица, пострадавшего от преступления, его законным представителем, и производство по ним подлежит прекращению в случае примирения его с обвиняемым. Дело частного обвинения возбуждается пострадавшим или его законным представителем путем подачи в суд заявления о привлечении лица к уголовной ответственности. Заявление должно содержать: наименование суда, в который оно подано; описание события преступления; место и время его совершения с указанием доказательств; просьбу к суду о принятии дел к производству; сведения о лице, привлекаемом к уголовной ответственности; список свидетелей, вызов которых в суд необходим; подпись заявителя. С момента принятия судом заявления к своему производству лицо, её подавшее, является частным обвинителем. В случаях, если поданное заявление не отвечает вышеизложенным требованиям, судья предлагает лицу, её подавшему, представить доказательства, устранить недостатки и устанавливает для этого срок. При невыполнении предписания судья своим решением отменяет рассмотрение принятия заявления, уведомляет об этом лицо, подавшее жалобу. Неявка в судебное заседание частного обвинителя или его представителя без уважительных причин, влечет прекращение производства по делу. По ходатайству частного обвинителя судья должен посодействовать ему в сборе доказательств. Обвинение по делам частного обвинения в судебном заседании поддерживает частный обвинитель или его представитель. Судебное следствие начинается с изложения жалобы лицом, её подавшим, или его представителем. При этом прокурор в предусмотренных Кодексом случаях вправе осуществлять уголовное преследование по делам частного и частно-публичного обвинения, независимо от позиции лица, пострадавшего от преступления (ч. 4 ст. 24 УПК Республики Таджикистан). Следует отметить несомненное сходство этой модели с регламентацией производства по делам частного обвинения по УПК Украины 1960 г.

Недостатки нормативной регламентации производства в форме частного обвинения по УПК Украины 2012 г. повлекли за собой предложения в законодательном порядке наделить потерпевшего правом поддержания обвинения в судебном заседании без проведения досудебного расследования¹. Реализация этого предложения, по сути, приведет практически к восстановлению модели частного обвинения по УПК Украины 1960 г. Однако и эта модель неоднократно поддавалась в литературе критике вследствие своей неэффективности по следующим аспектам: усложненность подачи и принятия судьей жалоб о возбуждении дел частного обвинения из-за требований к форме и содержанию жалобы²; необходимости проведения судебно-следственных действий, не характерных для судебного разбирательства³; некорректным определе-

1 Стеценко Ю.В. Приватне обвинувачення: рух уперед чи тупцювання? // Актуальні проблеми кримінального права, процесу та криміналістики: матеріали V Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої XX-річчю Національної академії правових наук України (м. Одеса, 1 листопада 2013 р.). – Одеса: Фенікс, 2013. – С. 410.

2 Попелюшко В. Справи приватного обвинувачення: актуальні проблеми, законодавчі парадокси // Право України. – 2003. – №4. – С. 99.

3 Попелюшко В. Вказ. праця – С. 100.

нием статуса лица, которое обращается с жалобой в порядке ч. 1 ст. 27 УПК¹; неопределенностью категории «особое общественное значение», при котором прокурор мог принять решение о возбуждении уголовного дела и при отсутствии жалобы потерпевшего². При этом предлагалось предусмотреть полномочие прокурора принимать решение о возбуждении уголовного дела частного обвинения в общем порядке³.

Как представляется, Глава 36 УПК Украины нуждается в существенной корректировке, некоторые предложения по которой уже есть в литературе⁴. Очевидно, что законодатель фактически отказался от традиционного понимания института частного обвинения. При этом нерегламентированными остались вопросы, связанные со статусом потерпевшего в этом производстве, участием в судебном разбирательстве прокурора и потерпевшего, особенностями собирания доказательств потерпевшим и др. Кроме того, УПК не предусматривает полномочия прокурора, следователя начать досудебное расследование по уголовным правонарушениям, перечисленным ст. 477 УПК, без заявления потерпевшего, хотя в этом перечне есть такие составы преступлений, по которым возможность такой инициации в случаях, когда потерпевшие из-за своего физического состояния, несовершеннолетия, преклонного возраста, недееспособности или ограниченной дееспособности не могут самостоятельно защитить свои права, была бы целесообразной. Более того, учитывая определение понятия обвинения, изложенное в п. 13 ст. 3 УПК, а также то, что процессуальным решением, которым прокурор выдвигает обвинение в совершении уголовного правонарушения, является обвинительный акт, то сложно согласиться в целом с наименованием Главы 36 УПК как «Уголовное производство в форме частного обвинения», поскольку потерпевшим не иницируется и не формулируется именно обвинение, а иницируется начало уголовного производства.

---

1 Барна Є.Й. Проблемні питання провадження у справах приватного обвинувачення // Юридичний вісник Причорномор'я. – 2011. – №2(2). – С. 275, 279; Пилипенко Д.О. Деякі проблеми реалізації приватного обвинувачення у кримінальному процесі України та шляхи їх подолання // Наше право. – 2010. – №4. – Ч. 2. – С. 128.

2 Пилипенко Д.О. Вказ. праця. – С. 126.

3 Малярчук Н.В. Приватне обвинувачення як диференціація кримінально-процесуальної форми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – К., 2010. – С. 11.

4 Перепелиця С.І. Кримінальне провадження у формі приватного обвинувачення : автореф. дис ... канд. юрид. наук. – Харків, 2014. – С. 15-16; Сорока С.О., Римарчук Р.М. Кримінальне провадження у формі приватного обвинувачення: дискусійні питання // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. – Серія юридична. – 2014. – Вип. 2. – С. 388.

*ДАРАГАН Валерий Валерьевич,
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел, кандидат
юридических наук*

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, КОТОРЫЕ ПОДЛЕЖАТ УСТАНОВЛЕНИЮ И ДОКАЗЫВАНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В УКРАИНЕ

Сегодня в Украине происходят процессы, направленные на восстановление украинской экономики. Как отмечается в экономическом обзоре, предоставленном Всемирным банком для Украины, украинская экономика не растет уже два года. Стабилизация макроэкономической ситуации должна сопровождаться внедрением структурных реформ для восстановления экономического роста. Среди предложений относительно реформ, предложенных Всемирным банком для Украины, указано и о необходимости изменения системы государственных закупок и их дерегуляции¹.

Как отметил Премьер-министр Украины Арсений Яценюк во время заседания Верховной Рады Украины 10.04.2014 года, «страна хорошо знает, что происходит в сфере государственных закупок. Общий объем средств, который проходит через государственные закупки, составляет 300 миллиардов гривен. Львиная доля этих средств, которые идут на закупку лекарств, товарно-материальных ценностей, нефтепродуктов,купаемых через систему НАК «Нафтогаз Украины», «Укртранс-нафта» и другие государственные компании, оседает в частных карманах. Согласно экспертным исследованиям, около 40 процентов средств, которые идут по системе государственных закупок, остаются в коррумпированных карманах тех людей, которые осуществляют эти закупки»².

Поэтому, одной из первых задач, направленных на восстановление и стабилизацию экономики Украины, которое выделяется руководством и международным сообществом, является преодоление коррупции и преступности в сфере государственных закупок.

В Украине проблемам противодействия преступлениям и правонарушениям в сфере государственных закупок посвящен достаточно большой объем исследований. Однако, до сих пор недостаточно разработанным остается вопрос касающийся обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании преступлений в указанной сфере, что негативно влияет на процесс противодействия указанному виду преступной деятельности. Поэтому целью статьи является осуществление анализа норм Уголовного кодекса Украины, Уголовного процессуального кодекса Украины, а также изучение практики расследования преступлений в сфере государственных закупок с целью выделения обстоятельств, подлежащие установлению и доказыванию во время такого расследования и особенностей установки таких обстоятельств.

1 URL: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/ukraine/ua-focus-april-2014-uk.pdf>.

2 URL: http://iportal.rada.gov.ua/news/Novyny/Plenarni_zasidannya/91335.html.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- проанализировать нормы Уголовного процессуального кодекса Украины для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании преступлений в сфере государственных закупок;
- проанализировать статистические данные МВД Украины и норм Уголовного кодекса Украины для определения составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Украины, совершение которых связано с осуществлением государственных закупок;
- осуществить анализ практики расследования преступлений в сфере государственных закупок для выделения обстоятельства не предусмотренных нормами Уголовного процессуального кодекса Украины и Уголовного кодекса Украины, подлежащих установлению во время такого расследования.

Понятие «обстоятельства, подлежащие установлению», по своему содержанию шире, чем понятие «предмет доказывания», и в криминалистике рассматривается как совокупность тех обстоятельств, выяснения которых определяется нормами уголовного права, уголовного процесса и материалами конкретного дела¹.

С учетом положений ст.91 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) в уголовном производстве по делам о преступлениях в сфере государственных закупок, подлежащих доказыванию²:

1) событие уголовного правонарушения (время, место, способ и другие обстоятельства совершения уголовного преступления). Начиная соответствующее расследование, для определения места совершения преступления следователь должен выяснить местоположение зданий и сооружений предприятия (учреждения, организации) заказчика, в отдельных случаях это могут быть территориально обособленные структурные единицы. Время совершения преступлений в указанной сфере тесно связан со способом его совершения. Так, например, в случае заключения фиктивного соглашения о закупке товаров, работ или услуг, временем совершения преступления будет время получения средств заказчика победителем конкурсных торгов. В случае получения должностным лицом заказчика неправомерной выгоды за заключение соглашения без проведения процедуры конкурсных торгов (например путем разделения предмета закупки), временем совершения преступления считается время, когда должностное лицо приняло хотя бы часть неправомерной выгоды. Также следует отметить, что некоторые способы совершения преступлений в указанной сфере соответствуют отдельным составам преступлений, предусмотренным Уголовным кодексом Украины (служебная подделка, злоупотребление властью или служебным положением и т.д.);

2) виновность обвиняемого в совершении уголовного правонарушения, форма вины, мотив и цель совершения уголовного преступления. Доводя обстоятельства, касающиеся вины субъекта преступления, необходимо учитывать, что факт осознания незаконности его деятельности, может быть доведен в результате анализа объективных обстоятельств совершения преступления. В частности, нарушение

1 Пясковський В. *Обставини, що підлягають встановленню у справах про торгівлю людьми* / Право України. – 2004. – С. 66.

2 URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>.

таким лицом действующего законодательства об осуществлении государственных закупок, а также ведомственных (внутренних) нормативно-правовых актов заказчика, которыми утверждены определенные инструкции или правила (инструкция по приему товаров по количеству и качеству, правила проведения исследования рынка, инструкции по определению средней рыночной стоимости и т.п.). Что касается должностных лиц предприятий поставщика, то их вина может быть определена отсутствием необходимой технической базы и профессионального состава предприятия, отсутствием разрешительных документов на занятие определенными видами деятельности и т.п.;

3) вид и размер ущерба, причиненного уголовным правонарушением, а также размер процессуальных издержек. В материалах уголовного производства должны быть точно зафиксированы: размер ущерба нанесенного в результате преступной деятельности – материалы экспертных исследований, справки специалистов, справки о средней стоимости предмета закупки из торгово-промышленной палаты Украины и тому подобное; документы и другие данные, подтверждающие факт перечисления государственных средств победителю конкурсных торгов – банковские выписки, платежные поручения и т.п.;

4) обстоятельства, влияющие на степень тяжести совершенного уголовного правонарушения, характеризующие личность обвиняемого, отягчающие или смягчающие наказание, которые исключают уголовную ответственность или является основанием закрытия уголовного производства. Что касается обстоятельств, влияющих на степень тяжести совершенного преступления, то они непосредственно связаны с диспозицией соответствующей статьи Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины). В большинстве составов преступлений в указанной сфере это: повторность, предварительный сговор группы лиц, размер причиненного ущерба. Другие обстоятельства, которые подлежат установлению, определены в ст.ст. 66, 67, разделом VIII УК Украины¹ и ст.284 УПК Украины. Мы не будем акцентировать внимание на указанных обстоятельствах, поскольку в большинстве случаев расследования преступлений, перечень соответствующих обстоятельств является стабильным и таким, что не зависит от фактически совершенного деяния;

5) обстоятельства, являющиеся основанием для освобождения от уголовной ответственности или наказания. Указанные обстоятельства также четко определены в разделах IX и XII УК Украины и не имеют своих особенностей по их установлению при расследовании преступлений в исследуемой сфере.

Согласно ст.2 УК Украины, основанием уголовной ответственности является совершение лицом общественно опасного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренного настоящим Кодексом. Итак, материальное уголовное законодательство пользуется конструкцией состава преступления, которая является базовой для определения основания уголовной ответственности².

Состав конкретного преступления определяется прежде всего диспозицией соответствующей статьи Особенной части УК Украины. Учитывая, что действующий

1 URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>.

2 Щур Б. В. Обставини, що підлягають з'ясуванню, як складова частина методики розслідування контрабанди / Митна справа. – 2010. – С. 45.

УК Украины не содержит состава преступления, прямо предусматривающего ответственность за нарушение законодательства в сфере государственных закупок, считаем необходимым обратиться к статистическим данным МВД Украины с целью выяснения соответствующих статей УК Украины по которым открываются уголовные производства в сфере государственных закупок.

Анализ статистических данных МВД Украины показал, что к преступлениям в сфере государственных закупок относят составы преступлений, предусмотренных ст.ст.190, 191, 205, 210, 358, 364, 365-2, 366, 367, 368, 368-2, 368-4, 369 УК Украины, совершение которых связано с осуществлением государственных закупок.

Среди обстоятельств, относящихся к событию преступления, весьма важное значение имеет установление предмета преступного посягательства. В зависимости от предмета хищения государственных средств при проведении государственных закупок - целевые средства бюджета всех уровней или собственные средства государственных предприятий или предприятий в уставном капитале которых государственная или коммунальная доля акций (долей, паев) превышает 50 процентов. В зависимости от предмета преступного посягательства процесс доказывания имеет свои характерные черты.

Исходя из выше определенных составов преступлений в сфере государственных закупок, обстоятельства, характеризующие объективную сторону всех возможных составов преступлений, выглядят следующим образом:

– заключается в завладении денежными средствами заказчика путем обмана или злоупотребления доверием (ст.190 УК Украины);

– присвоение, растрата или завладение денежными средствами заказчика путем злоупотребления служебным лицом своим служебным положением (ст.191 УК Украины);

– создание или приобретение субъектов предпринимательской деятельности (юридических лиц) с целью прикрытия незаконной деятельности в сфере государственных закупок (ст.205 УК Украины);

– нецелевое использование бюджетных средств должностным лицом, а равно осуществление расходов бюджета без установленных бюджетных назначений или с их превышением вопреки Бюджетному кодексу Украины или закону о Государственном бюджете Украины на соответствующий год при осуществлении государственных закупок или с нарушением требований Закона Украины «Об осуществлении государственных закупок» (ст.210 УК Украины);

– подделка документов с целью использования их как самим поддельвателем, так и другим лицом, изготовления поддельных печати, штампа или бланка или использование заведомо поддельного документа для участия в конкурсных торгах (ст.358 УК Украины);

– злоупотребление властью или служебным положением, то есть умышленное, с целью получения какого-либо неправомерного преимущества для себя или другого физического или юридического лица, использование служебным лицом власти или служебного положения вопреки интересам службы, связанное с осуществлением государственных закупок или выполнением условий договора о государственной закупке товаров, работ или услуг (ст.364 УК Украины);

–злоупотребление своими полномочиями лицом, осуществляющим профессиональную деятельность, связанную с предоставлением публичных услуг, с целью получения неправомерной выгоды для себя или других лиц, связанное с осуществлением государственных закупок или выполнения условий договора о государственной закупке товаров, работ или услуг (ст.365-2 УК Украины);

–составление, выдача должностным лицом заведомо ложных официальных документов, внесение в официальные документы заведомо ложных сведений, иная подделка официальных документов при проведении конкурсных торгов или выполнении условий договора о государственной закупке товаров, работ или услуг (ст.366 УК Украины);

–неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного отношения к ним при осуществлении государственных закупок или выполнении условий договора о государственной закупке товаров, работ или услуг (ст.367 УК Украины);

–принятие предложения, обещания или получение должностным лицом неправомерной выгоды, а так же просьба предоставить такую выгоду для себя или третьего лица за совершение или несовершение таким должностным лицом в интересах того, кто предлагает, обещает предоставляет неправомерную выгоду, или в интересах третьего лица какого-либо действия с использованием предоставленной ему власти или служебного положения, связанное с осуществлением государственных закупок или выполнением условий договора о государственной закупке товаров, работ или услуг (ст.368 УК Украины);

–получение должностным лицом неправомерной выгоды в значительном размере или передача им такой выгоды близким родственникам, связанное с осуществлением государственных закупок или выполнением условий договора о государственной закупке товаров, работ или услуг, при отсутствии признаков, указанных в статье 368 УК Украины (незаконное обогащение) (ст.368-2 УК Украины);

–предложение или обещание лицу, которое осуществляет профессиональную деятельность, связанную с предоставлением публичных услуг, предоставить ему/ей или третьему лицу неправомерную выгоду, а также предоставление такой выгоды или просьбе ее предоставить за совершение лицом, которое предоставляет публичные услуги, действий или ее бездействия с использованием предоставленных ему полномочий в интересах того, кто предлагает, обещает или предоставляет такую выгоду, или в интересах третьего лица, связанных с осуществлением государственных закупок или выполнением условий договора о государственной закупке товаров, работ или услуг (ст.368-4 УК Украины);

–предложение или обещание должностному лицу предоставить ему или третьему лицу неправомерную выгоду, а также предоставление такой выгоды за совершение или несовершение должностным лицом в интересах того, кто предлагает, обещает или предоставляет такую выгоду, или в интересах третьего лица любого действия с использованием предоставленной ему власти или служебного положения, связанной с осуществлением государственных закупок или выполнением условий договора о государственной закупке товаров, работ или услуг (ст.369 УК Украины).

Субъект: общий (ст.ст.190, 205, 358, 368-4, 369 УК Украины) – вменяемое част-

ное лицо, достигшее 16-летнего возраста; специальный (ст.ст.191, 205, 210, 364, 365-2, 366, 367, 368, 368-2, 368-4 УК Украины) – должностное лицо – лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителей власти или местного самоуправления, а также занимающее постоянно или временно в органах государственной власти, органах местного самоуправления, на государственных или коммунальных предприятиях, в учреждениях или организациях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, или выполняющие такие функции по специальному полномочию, которым лицо наделяется уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, центральным органом государственного управления со специальным статусом, уполномоченным органом или уполномоченным лицом предприятия, учреждения, организации, судом или законом.

Следует отметить, что в случае расследования преступления в сфере государственных закупок субъектом которого является должностное лицо, следовательно необходимо приобщить к материалам уголовного производства соответствующие должностные инструкции, функциональные обязанности, решение о создании комитета по конкурсным торгам и распределение обязанностей между его членами.

Субъективная сторона: прямой умысел (ст.ст.205, 365, 366, 369 УК Украины); прямой умысел и корыстный мотив (ст.ст.190, 191, 364, 365-2, 368, 368-2, 368-4 УК Украины); косвенный умысел (по неосторожности) (ст.367 УК Украины).

Как показали результаты исследования, с целью доведения умышленной формы вины целесообразно использовать негласные следственные (розыскные) действия (ст.246-275 УПК Украины), а также результаты оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, можно использовать административные протоколы, приказы о наказании, акты проверок контролирующих органов и т.д., составление которых было связано с выполнением должностным лицом обязанностей, связанных с проведением государственных закупок.

Что касается обстоятельств, выяснение которых определяется материалами конкретного уголовного производства, которые не входят в предмет доказывания, но имеют важное значение для успешного расследования дела, то анализ дел уголовного производства показал, что в подавляющем большинстве случаев расследования преступлений в сфере государственных закупок это: сведения о наличии у фигурантов имущества, на которое можно наложить арест; сведения о возможных связях участников процедуры конкурсных торгов с администрацией заказчика или членами комитета по конкурсным торгам; сведения о коррупционных связях преступников с должностными лицами контролирующих органов; сведения о намерениях преступников осуществлять противодействие осуществлению расследованию и т.п.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что к обстоятельствам, подлежащим установлению и доказыванию по делам уголовного производства о преступлениях в сфере государственных закупок, входят обстоятельства: предусмотренные ст.91 Уголовного процессуального кодекса Украины; установлены диспозицией соответствующей статьи Уголовного кодекса Украины; которые не входят в предмет доказывания, но имеют важное значение для успешного расследования дела.

*ДЕМИЧЕВ Алексей Андреевич,
профессор кафедры гражданского права
и процесса Нижегородской академии
Министерства внутренних дел Российской
Федерации, почетный работник высшего
профессионального образования Российской
Федерации, доктор юридических наук,
профессор*

МОДЕЛЬ СУДА С НАРОДНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВОМ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Всемирная история государства и права свидетельствует, что в одних судебных системах существовало либо существует в том или ином виде народное представительство, в других – действуют (действовали) исключительно профессиональные судьи. Вообще, участие населения в отправлении правосудия свидетельствует о степени демократичности конкретного общества, государства, судебной власти. Анализ исторического опыта и современности позволяет утверждать, что народное представительство в судопроизводстве возможно в трех основных формах:

1. Непосредственное участие в отправлении правосудия без каких-либо предварительных процедур отбора участников судопроизводства. Данный вид участия народа в суде отличается аморфностью и отсутствием правовой регламентации, и был характерен для догосударственного периода и периода становления государственности. Примерами таких форм участия населения в суде являются различные варианты общинных судов.

2. Суд шеффенов. Название данной модели имеет немецкое происхождение и носит применительно ко всем государствам, кроме германских, условный характер, т.к. в большинстве стран никогда не было судебных органов, носящих название «суд шеффенов», как не было и участников судопроизводства, называвшихся «шеффены». Таким образом, применение термина «суд шеффенов» носит методологический характер. Его использование позволяют описать определенную модель суда с народным представительством.

3. Суд присяжных. Название данной модели носит английское происхождение. Однако, в отличие от суда шеффенов, суд с участием присяжных заседателей имел и имеет место в ряде стран. Одним из наиболее ярких примеров являются Российская империя (там этот институт существовал в 1864-1917 гг.) и Российская Федерация, где суд присяжных функционирует с 1993 г. Хотя суд присяжных является формой суда, реально имевшей место и существующей сегодня в некоторых странах, одновременно понятие «суд присяжных» соответствует и особой модели суда с народным представительством.

Таким образом, в развитом государстве могут существовать две модели суда с народным представительством: суд шеффенов и суд присяжных. Выделим признаки

этих моделей в чистом виде.

1. В суде присяжных действуют две организационно независимые друг от друга коллегии – профессиональный судья (или несколько профессиональных судей) и присяжные заседатели. В суде шеффенов профессиональный судья (судьи) и заседатели-шеффены составляют единую коллегию.

2. В суде присяжных имеет место четкое разграничение компетенции судей. Присяжные заседатели решают исключительно «вопросы факта» – имело ли место событие преступление, совершил ли его подсудимый, виновен ли подсудимый в совершении преступления и т.п. Профессиональные судьи решают «вопросы права» – определяют вид и размер наказания, учитывают смягчающие и отягчающие обстоятельства.

В суде шеффенов компетенция профессиональных судей и шеффенов не разграничена, и те, и другие совместно решают все вопросы: и «вопросы факта», и «вопросы права».

3. Присяжные заседатели не мотивируют свой вердикт и не несут за него ответственности. Шеффены вместе с судьями мотивируют решение и несут ответственность за его содержание.

4. Вердикт присяжных является окончательным и не может быть обжалован в апелляционном порядке. На него возможна подача только кассационной жалобы, основанной на формальных основаниях, связанных с нарушением существенных правил судопроизводства. Приговор суда шеффенов аналогично приговору коронного суда соответствующего уровня не является окончательным и может быть обжалован в апелляционном порядке в вышестоящую судебную инстанцию.

5. Присяжные заседатели не вправе знакомиться с материалами дела до процесса и выносят вердикт только на основании сведений, полученных в ходе судебного следствия. Шеффены, наравне с профессиональными судьями, могут знакомиться с материалами дела до начала процесса.

6. Присяжные заседатели избираются на рассмотрение одного конкретного дела, а шеффены – на неопределенное количество дел, рассматриваемые в течение срока их полномочий.

7. Присяжные заседатели избираются либо из представителей всего общества путем случайной выборки, либо из широких слоев населения на основе ряда цензов. Шеффены юридически или фактически назначаются из определенных слоев населения (например, включаются в соответствующие списки в зависимости от занимаемой должности).

Первые четыре перечисленных признака являются определяющими, остальные носят вспомогательный, необязательный характер.

Модель суда присяжных характерна для стран англосаксонской правовой семьи, модель суда шеффенов – для государств континентальной правовой семьи. При этом для ряда европейских стран, входящих в романо-германскую семью, в определенные исторические периоды было характерно и наличие суда присяжных. Первой континентальной страной, где был введен суд присяжных, стала Франция. Произошло это в ходе Великой Французской революции. В начале-середине XIX в. этот институт появился и в других странах.

В первой половине XX в. в большинстве континентальных европейских странах отказались от суда присяжных: в 1917 г. – в России, в 1919 г. – в Венгрии, в 1923 – в Чехии, в 1924 – в Германии, в 1926 г. – в Португалии, в 1931 г. – в Италии, в 1934 г. – в Австрии, в 1939 г. – в Испании, в 1940 г. – во Франции, в 1968 г. – в Греции и т.д. В некоторых странах суд присяжных существовал очень непродолжительное время. Например, в Нидерландах – с 1810 по 1813 гг., в Люксембурге – с 1848 по 1868 гг. В настоящее время суд присяжных в Норвегии существует одновременно с судом шеффенов, а особенностью бельгийского суда присяжных является то, что присяжные после вынесения вердикта вместе с коронными судьями участвуют в определении наказания.

В законодательстве некоторых европейских стран (например, Германии, Греции, Дании, Италии, Франции) понятие «суд присяжных» сохраняется только на уровне терминологии, однако в реальности в них существуют только различные варианты суда шеффенов. С 2007 г. «суд присяжных» действует в Казахстане в составе двух судей и девяти присяжных заседателей, составляющих единую коллегию, решающую вопросы и «факта», и «права». Соответственно и здесь действует модель не суда присяжных, а суда шеффенов.

В Российской Федерации суд присяжных в его классическом варианте начал вводиться в 1993 г. и с 1 января 2010 г. действует на всей территории страны. Аналогичная модель суда присяжных была введена в Испании в 1995 г. В 2002 г. в Украине на законодательном уровне также был введен суд присяжных, однако на практике этот институт не функционирует. В Беларуси в течение уже длительного времени дискутируется вопрос о целесообразности введения суда присяжных.

Теперь попробуем проанализировать модель суда с народным представительством, закрепленную УПК Республики Таджикистан.

Часть 2 статьи 34 УПК РТ предполагает возможность коллегиального рассмотрения уголовных дел в составе судьи и двух народных заседателей. При этом часть 3 той же статьи четко оговаривает, что «Народные заседатели при осуществлении правосудия пользуются всеми правами судьи». К сожалению, данная норма никак не конкретизируется, однако ее толкование позволяет сделать вывод, что подразумевает законодатель. Очевидно, что народные заседатели составляют с судьей единую коллегию, рассматривают и «вопросы факта», и «вопросы права» – решают совместно с профессиональным судьей вопрос о виновности подсудимого и определяют в случае признания его виновным размер наказания с учетом обстоятельств дела. Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о наличии в Республике Таджикистан единственной модели суда с народным представительством – модели суда шеффенов.

Дополнительным подтверждением единства статуса судей и народных заседателей являются нормы части 2 статьи 56 УПК РТ (не подлежат допросу в качестве свидетеля «судья, народный заседатель – об обстоятельствах обсуждения в совещательной комнате вопросов, возникших при вынесении судебного решения») и статьи 63, устанавливающей единство требований к самоотводу и отводу судей и народных заседателей.

В задачи нашей статьи не входит анализ института народных заседателей

по таджикскому законодательству. То, что нас интересовало, мы выяснили – в Таджикистане функционирует модель суда шеффенов. Однако в этой ситуации возникает вполне закономерный вопрос: хорошо это или плохо с позиции национальных традиций и интересов правосудия?

Мы полагаем, что таджикский законодатель оказался мудрее, нежели российский, не поддавшись на «демократическую» конъюнктуру и уговоры «западников», считающих суд присяжных наивысшим проявлением демократии в судебной сфере. Все-таки, суд присяжных порождение англосаксонской правовой семьи, суд шеффенов же – детище континентальной правовой системы. А правовые традиции и менталитет играли и продолжают играть существенную роль в правовой жизни любого народа.

Конечно, сам по себе суд народных заседателей ассоциируется у части населения с советским прошлым. Действительно в советской судебной системе роль заседателей была во многом формальной, не зря их называли «кивалами», но ведь недостатки практической реализации института народных заседателей не является целесообразным основанием для отказа от этой модели суда с народным представительством в принципе. Различные варианты модели суда шеффенов были апробированы многовековой практикой различных государств.

Завершая статью, отметим, что действующая в Таджикистане модель суда с народным представительством в виде суда народных заседателей, соответствует историческим традициям континентальной правовой семьи и имеет хорошие перспективы для дальнейшего существования и развития. Естественно, при этом требования к народным заседателям и процедуры отбора судей от общества должны носить демократический характер и соответствовать общему уровню развития правовой культуры человеческой цивилизации в начале XXI века.

*ИВАНИЦКИЙ Сергей Александрович,
доцент кафедры уголовного процесса
Луганского государственного университета
внутренних дел им. Э.А. Дидоренко МВД
Украины, кандидат юридических наук,
доцент*

ЗАДАЧИ АДВОКАТУРЫ В УГОЛОВНОМ И ИНЫХ ВИДАХ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВ (ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО И АЗИАТСКОГО РЕГИОНОВ)

Четкое понимание задач адвокатуры является необходимой предпосылкой полного и всестороннего законодательного регулирования прав, обязанностей и гарантий деятельности адвоката, надлежащей реализации высокой социальной миссии адвокатуры.

Следует отметить, что в терминологическом аспекте, наряду с понятием “задачи” адвокатуры, в практике правового регулирования используются близкие, но не тождественные по значению термины “цели” и “предназначение” адвокатуры.

Безусловно, задачи адвокатуры – это понятие историческое, отражающее текущее понимание приоритетных направлений работы профессионального юридического сообщества. Для жителей постсоветских государств еще свежи воспоминания о широкой трактовке указанного понятия в 30-е годы прошлого столетия. Так, в соответствии с п. 1 Приказа межрайонным коллегиям защитников, изданного Народным комиссариатом юстиции УССР от 18 мая 1931 г., задачи коллегий защитников определяются общими для органов юстиции задачами, в частности, активно содействовать выполнению промфинпланов, коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса, осуществлению мер по культурной революции.

В современных условиях согласно ст. 3 Закона Азербайджанской Республики «Об адвокатах и адвокатской деятельности» от 28.12.1999 г. основные задачи адвокатской деятельности заключаются в защите прав, свобод и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц и оказании им высококачественной юридической помощи.

Определяя предназначение адвокатуры, казахский законодатель в ст. 1 Закона Республики Казахстан “Об адвокатской деятельности” от 05.12.1997 г. зафиксировал, что адвокатура в Республике Казахстан призвана содействовать реализации гарантированного государством и закрепленного Конституцией Республики Казахстан права человека на судебную защиту своих прав, свобод и получение квалифицированной юридической помощи.

Эстонский законодатель в ст. 2 Закона Эстонии “Об адвокатуре” от 21.03.2001 г. определил, что целью адвокатуры Эстонии является организация оказания юридических услуг в частных и публичных интересах, а также защита профессиональных прав адвокатов.

Согласно ст. 5 Закона Республики Беларусь “Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь” от 30.11.2011 г. основными задачами адвокатуры

являются оказание на профессиональной основе юридической помощи клиентам в целях осуществления и защиты их прав, свобод и интересов, участие в правовом воспитании граждан.

К сожалению, в действующем Законе Украины “Об адвокатуре и адвокатской деятельности” от 05.07.2012 г. цели и задачи адвокатуры не определены, при этом частично могут вытекать из норм Конституции Украины. Согласно ч. 2 ст. 59 Основного закона адвокатура действует для обеспечения права на защиту от обвинения и предоставления правовой помощи при разрешении дел в судах и других государственных органах. Из системного анализа других норм Закона Украины “Об адвокатуре и адвокатской деятельности” следует, что в качестве “внешних” задач украинской адвокатуры необходимо рассматривать осуществление защиты, представительства и предоставление иных видов правовой помощи.

Ключевой конституционной миссией адвокатуры, безусловно, является обеспечение права лица на защиту в уголовном производстве. При наличии у клиента необходимых средств на оплату правовой помощи адвоката-защитника реализация указанного права осуществляется достаточно эффективно. Более проблемным традиционно считается предоставление бесплатной правовой помощи по назначению уполномоченных органов государства. К недостаткам оказания бесплатной правовой помощи малоимущим обычно относят ее невысокое качество.

Особенностью правовой системы Украины является достаточно эффективное разрешение характерных для механизма бесплатной правовой помощи проблем. Так, после вступления в силу УПК Украины от 13.04.2012 г., Закона Украины “О бесплатной правовой помощи” от 02.06.2011 г., а также принятых в их развитие подзаконных нормативно-правовых актов начал функционировать следующий механизм.

При необходимости вызова адвоката для осуществления защиты по назначению или производства отдельного процессуального действия следователь, прокурор, следственный судья или суд на основании ч. 2 ст. 49 УПК Украины выносят постановление (определение), которым поручают соответствующему органу (учреждению), уполномоченному законом на предоставление бесплатной правовой помощи, назначить адвоката для осуществления защиты по назначению и обеспечить его прибытие в отмеченных в постановлении (решении) время и место для участия в уголовном производстве. Что касается задержания, то немедленно после фактического задержания уполномоченное должностное лицо субъекта подачи информации при помощи телефонной, факсимильной связи, электронной почты сообщает по территориальности дежурному одному из центров по предоставлению бесплатной вторичной правовой помощи (во всех областных центрах создано 27 таких структур, где круглосуточно, посменно, по графику “сутки через трое” работает 108 дежурных) о факте задержания лица. Сотрудник центра уведомляет об этом дежурного адвоката, который должен в течение часа прибыть к месту конфиденциального свидания с задержанным.

Согласно официальной статистике Координационного центра по предоставлению правовой помощи Министерства юстиции Украины, с 1 января по 30 сентября 2014 г. через центры по предоставлению бесплатной вторичной правовой помощи выдано 13483 поручений адвокатам для предоставления бесплатной вторичной

правовой помощи лицам, задержанным по подозрению в совершении преступления; 29239 – для осуществления защиты по назначению; 1938 – для участия в производстве отдельных процессуальных действий.

На повышение качества работы в данном направлении положительное влияние оказало издание Приказа Министерства юстиции Украины от 25.02.2014 г. “Об утверждении стандартов качества предоставления бесплатной вторичной правовой помощи в уголовном процессе”.

Интересным способом стимулирования адвокатов к продуктивной защите интересов малоимущих стали введенные Постановлением Кабинета Министров Украины от 17.09.2014 г. № 465 “Вопросы оплаты услуг и возмещения расходов адвокатов, которые предоставляют бесплатную вторичную правовую помощь” новации в части оценки эффективности и оплаты труда защитников. Так, размер вознаграждения адвокатов за оказанную правовую помощь рассчитывается по формуле, где появился суммарный поощрительный коэффициент, применяемый в случаях достижения адвокатом положительного для подзащитного результата, в частности, вынесения оправдательного приговора; отказа в удовлетворении ходатайства прокурора, следователя об избрании подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения в виде заключения под стражей; замены либо отмены меры пресечения в виде заключения под стражей; изменения правовой квалификации преступления; уменьшения количества эпизодов обвинения; назначения минимального размера наказания и др.

Основным свидетельством качества работы адвокатов-представителей системы бесплатной правовой помощи стала статистика оправдательных приговоров, в соответствии с которой в течении 2014 года 34 % оправдательных приговоров вынесены по делам, сопровождаемым указанной категорией защитников, при том, что их общий удельный вес по отношению к общей численности адвокатов составляет 7 %.

Таким образом, констатируя различные подходы в странах Европейского и Азиатского регионов относительно содержания задач адвокатуры, необходимо, во-первых, признать целесообразность их нормативного закрепления, во-вторых, отметить важность учета в процессе их выработки (конкретизации) общепризнанных мировых стандартов обеспечения гибкого баланса интересов государства и личности.

*КОВАЛЬЧУК Сергей Александрович,
заместитель директора Прикарпатского
юридического института Национального
университета «Одесская юридическая
академия», г. Ивано-Франковск, Украина,
кандидат юридических наук, доцент*

ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ В МОДЕЛЬНОМ УПК И НАЦИОНАЛЬНОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ- УЧАСТНИКОВ СНГ

Уголовно-процессуальное законодательство государств-участников СНГ на современном этапе его развития характеризуется тенденцией к сближению и гармонизации в части правового регулирования большинства уголовно-процессуальных отношений. Как указывают К.Ф. Гуценко, Л.В. Головки и Б.А. Филимонов, «при характеристике уголовного судопроизводства, сложившегося в различных странах современного мира, нельзя не видеть устойчивую тенденцию к сближению содержания и формы его институтов и их гармонизации. Происходит это под активным влиянием прежде всего факторов, оказывавших и оказывающих заметное влияние извне на внутреннюю жизнь государств, в том числе на развитие их права, всех его отраслей, включая отрасль, именуемую уголовно-процессуальным правом»¹.

В пределах СНГ эта тенденция проявляется в развитии институтов национального уголовно-процессуального законодательства государств-участников СНГ на основании Модельного УПК для государств-участников СНГ, принятого Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Санкт-Петербург, 17.02.1996 г.). Модельным законам, как считает Е.В. Шестакова, «свойствен рекомендательный характер, не исключая императивных норм, признаваемых в порядке добровольных самообязательств»². Рекомендательный характер Модельного УПК для государств-участников СНГ свидетельствует о желательном, с точки зрения Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, урегулировании уголовно-процессуальных отношений, но при этом позволяет парламентам государств, которые входят в состав СНГ, самостоятельно определять степень использования закрепленных в нем положений в национальном уголовно-процессуальном законодательстве. В этом аспекте необходимо согласиться с позицией М.М. Головинского, который указывает, что «наблюдающаяся тенденция к сближению уголовно-процессуальных систем и унификация международных правовых норм в области уголовно-процессуального права посредством выработки взаимоприемлемых ориентиров не

1 Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головки, Б.А. Филимонов. – Изд. 2-е, доп. и испр. – Издательство «Зерцало-М», 2002. – 528 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://www.pravo.vuzlib.su/book_z1340_page_10.html

2 Шестакова Е.В. Модельное законодательство СНГ / Е.В. Шестакова // Электронный журнал «Юрист». – 2005. – № 42 [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: <http://www.zonazakona.ru/law/comments/181/>

должна исключать в то же время и избирательный подход к встраиванию правовых норм в национальные законодательства каждой из стран с учетом местных условий и правовых традиций, что позволяет применять наиболее приемлемые варианты решения конкретных проблем, возникающих при производстве по уголовным делам»¹. Такой избирательный подход к использованию модельного законодательства с целью сближения и гармонизации уголовно-процессуального законодательства государств-участников СНГ с учетом национальных правовых традиций особенно четко усматривается на примере нормативного закрепления оснований признания вещественных доказательств недопустимыми.

Устанавливая для законодательных органов государств-участников СНГ стандарт правового регулирования оснований признания недопустимыми доказательств, в том числе и вещественных, ч. 1 ст. 143 Модельного УПК для государств-участников СНГ закрепляет, что при производстве по уголовному делу не могут быть положены в основу обвинения и, как правило, использоваться в качестве доказательств материалы, полученные: 1) с применением насилия, угроз, обмана, с издевательством над личностью, нарушением прав и свобод человека и гражданина, а равно с применением иных незаконных действий; 2) с существенным нарушением прав участников процесса, в частности: права подозреваемого и обвиняемого на защиту; предусмотренных настоящим Кодексом дополнительных гарантий прав лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство; 3) с использованием заблуждения лица, участвующего в уголовном судопроизводстве относительно своих прав и обязанностей, возникшего вследствие неразъяснения, неполного или неправильного разъяснения ему процессуальных прав и обязанностей; 4) лицом, не имеющим права осуществлять уголовное судопроизводство по данному уголовному делу, проводить соответствующее следственное или иное процессуальное действие; 5) со значительным участием лица, подлежащего отводу, если оно знало либо должно было знать о наличии обстоятельств, исключающих его участие в производстве по уголовному делу; 6) с существенным нарушением порядка производства следственного или другого процессуального действия; 7) от лица, не способного опознать документ или другой предмет, подтвердить его подлинность, сообщить об его происхождении и обстоятельствах получения; 8) из неизвестного или не могущего устанавливаться в судебном заседании источника; 9) в результате применения методов, противоречащих современным научным представлениям².

Принимая новые УПК уже после принятия Модельного УПК (за исключением Республики Узбекистан, УПК которого был утвержден Законом от 22.09.1994 г. № 2013-ХП, но в части определения допустимого доказательства изменен Законом от 31.12.2008 г. № ЗРУ-198), законодатели государств-участников СНГ по-разному подошли к разрешению вопроса о перечне оснований признания недопустимыми доказательств, в том числе и вещественных, с учетом в той или иной степени положений

1 Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2011. – С. 12–13.

2 Модельный УПК для государств-участников СНГ, принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Санкт-Петербург, 17.02.1996 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/ipa.pdf>

Модельного УПК.

Исходя из положений Модельного УПК для государств-участников СНГ, парламенты Азербайджанской Республики, Республики Армения, Туркменистана и Республики Казахстан практически полностью продублировали в национальном уголовно-процессуальном законодательстве перечень оснований признания недопустимыми доказательств, в том числе и вещественных. Так, ч. 125.2 ст. 125 УПК Азербайджанской Республики закрепляет десять оснований признания доказательств недопустимыми, разделяя основание, определенное в п. 2 ч. 1 ст. 143 Модельного УПК для государств-участников СНГ, на два самостоятельных основания: 1) получение сведений, документов и вещей с лишением или ограничением участников уголовного процесса их гарантируемых законом прав в нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина либо иных требований УПК, что должно или может повлиять на действительность этих доказательств; 2) их получение с нарушением принадлежащих подозреваемому или обвиняемому прав на защиту, прав лица, не владеющего языком, на котором ведется уголовное судопроизводство¹. Ч. 1 ст. 105 УПК Республики Армения предусматривает восемь оснований признания доказательств недопустимыми, которые отличаются от оснований, определенных в ч. 1 ст. 143 Модельного УПК для государств-участников СНГ, в части: 1) отсутствия такого основания признания доказательств недопустимыми как их получение с использованием заблуждения лица, участвующего в уголовном судопроизводстве относительно своих прав и обязанностей, возникшего вследствие неразъяснения, неполного или неправильного разъяснения ему процессуальных прав и обязанностей; 2) ограничения такого основания признания доказательств недопустимыми как их получение с существенным нарушением прав участников процесса исключительно существенными нарушениями права подозреваемого и обвиняемого на защиту и предусмотренных УПК дополнительных гарантий прав лиц, не владеющих языком судопроизводства².

Ч. 1 ст. 125 УПК Туркменистана, закрепляя семь оснований признания доказательств недопустимыми, не предусматривает в их перечне такого основания как получение доказательств с существенным нарушением прав участников процесса, в частности: права подозреваемого и обвиняемого на защиту; предусмотренных УПК дополнительных гарантий прав лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство³. Аналогичным образом перечень оснований признания доказательств недопустимыми закрепляется в ч. 1 ст. 116 УПК Республики Казахстан (который утрачивает силу с 01.01.2015 г.)⁴. Ч. 1 ст. 112 УПК Республики Казахстан (который

---

1 Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики, утвержденный Законом Азербайджанской Республики от 14.07.2000 г. № 907-ПГ: по состоянию на 01.10.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: https://www.unodc.org/tldb/pdf/Azerbaijan_Code_of_Criminal_Procedure_in_Russian_Full_text.pdf

2 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения, принятый 01.07.1998 г.: по состоянию на 01.10.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus#14>

3 Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18.04.2009 г.: по состоянию на 01.10.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: <http://www.turkmenbusiness.org/node/124>

4 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13.12.1997 г. № 206-І: по состоянию на

вводится в действие с 01.01.2015 г.) дублирует указанные основания признания доказательств недопустимыми, расширяя первое из них (получение фактических данных с применением пыток, насилия, угроз, обмана, а равно иных незаконных действий) за счет указания на недопустимость фактических данных, полученных с применением жестокого обращения¹.

Парламент Республики Молдова видоизменил предусмотренный ч. 1 ст. 143 Модельного УПК для государств-участников СНГ перечень оснований признания недопустимыми доказательств и расширил его за счет выделения дополнительных оснований. Так, ч. 1 ст. 94 УПК Республики Молдова, закрепляя двенадцать оснований признания доказательств недопустимыми, разделяя основание, определенное в п. 2 ч. 1 ст. 143 Модельного УПК, на два самостоятельных основания: 1) получение фактических данных с нарушением права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, пострадавшего, свидетеля на защиту; 2) их получение с нарушением права участников процесса на переводчика. Кроме того, ч. 1 ст. 94 УПК Республики Молдова, в отличие от ч. 1 ст. 143 Модельного УПК, выделяет в качестве самостоятельных оснований признания доказательств, в том числе и вещественных, недопустимыми: 1) получение фактических данных с существенным нарушением органом уголовного преследования требований настоящего кодекса; 2) получение фактических данных без их исследования в установленном порядке в судебном заседании; 3) их получение путем провокации, содействия совершению преступления или поощрения лица к совершению преступления; 4) получение фактических данных путем обещания или предоставления какого-либо преимущества, не разрешенного законом².

При этом обращает на себя внимание закрепление в ч. 125.2 ст. 125 УПК Азербайджанской Республики, ч. 1 ст. 105 УПК Республики Армения и ч. 1 ст. 94 УПК Республики Молдова, как и в ч. 1 ст. 143 Модельного УПК для государств-участников СНГ, исчерпывающего перечня оснований признания доказательств, в том числе и вещественных, недопустимыми. В отличие от них, ч. 1 ст. 125 УПК Туркменистана, ч. 1 ст. 116 УПК Республики Казахстан (который утрачивает силу с 01.01.2015 г.) и ч. 1 ст. 112 УПК Республики Казахстан (который вводится в действие с 01.01.2015 г.) оставляют перечень оснований признания доказательств недопустимыми открытым.

Более логично к определению оснований признания доказательств, в том числе и вещественных, недопустимыми подходят законодательные органы Республики Беларусь, Грузии и Республики Таджикистан, которые определяют понятие недопустимого доказательства и полностью отказываются от приведения перечня оснований признания доказательств недопустимыми. Так, ч. 4 ст. 105 УПК Республики Беларусь закрепляет, что доказательство признается недопустимым, если оно получено с нарушениями конституционных прав и свобод гражданина или требований

01.10.2014 г. (утрачивает силу с 01.01.2015 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008442#pos=1;-28&sel_link=1004100840

1 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V: по состоянию на 01.10.2014 г. (вводится в действие с 01.01.2015 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852

2 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова № 122-XV от 14.03.2003 г.: по состоянию на 01.10.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=326970&lang=2>

настоящего Кодекса, связанными с лишением или ограничением прав участников уголовного процесса или нарушением иных правил уголовного процесса¹. Ч. ч. 1 и 2 ст. 72 УПК Грузии предусматривают, что доказательства, полученные с существенным нарушением настоящего Кодекса, и иные доказательства, законно полученные на основании таких доказательств, если они ухудшают правовое положение обвиняемого, являются недопустимыми... Доказательства также являются недопустимыми, если они получены с соблюдением порядка, установленного настоящим Кодексом, но не исключается разумное подозрение их возможной подмены, существенного изменения свойств и признаков или уничтожения оставшихся на них следов². Ч. 3 ст. 88 Республики Таджикистан предусматривает, что доказательства, полученные в процессе дознания и предварительного следствия путем применения силы, давления, причинения страданий, бесчеловечного обращения или другими незаконными способами, признаются недействительными...³.

Менее логичной является позиция парламентов Российской Федерации, Кыргызской Республики и Украины, которые отходят от четкого перечня оснований признания доказательств недопустимыми, указанных в Модельном УПК для государств-участников СНГ, определяя понятие недопустимых доказательств, указывая на частные основания признания доказательств недопустимыми и оставляя их перечень открытым. Так, в ч. ч. 1 и 2 ст. 75 УПК Российской Федерации предусматривается, что доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми, закрепляются два частных основания признания недопустимыми доказательствами показаний и указывается, что к недопустимым доказательствам относятся иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса⁴. Аналогичные по своему содержанию нормы закрепляются в ч. ч. 3 и 4 ст. 81 УПК Кыргызской Республики, которые дополнительно предусматривают частное основание признания недопустимым доказательством документа⁵.

Довольно специфически к определению оснований признания доказательств недопустимыми подошел законодательный орган Украины, который определил в качестве недопустимых доказательства, полученные вследствие существенного нарушения прав и свобод человека, и доказательства и сведения, касающиеся личности

---

1 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, принятый Палатой представителей 24.06.1999 г. и одобренный Советом Республики 30.06.1999 г.: по состоянию на 01.10.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=hk9900295

2 Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09.10.2009 г. № 1772-Пс: по состоянию на 01.10.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://www.pravo.org.ua/files/Criminal%20justice/_09_10_2009.pdf

3 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 г. № 564: по состоянию на 01.10.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://www.geneva-academy.ch/RULAC/pdf_state/Criminal-Procedure-Code-TJ.pdf

4 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ: по состоянию на 01.10.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170139/

5 Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30.06.1999 г. № 62: по состоянию на 01.10.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=329919

подозреваемого, обвиняемого, а также определил частные основания признания доказательств недопустимыми. В частности, ч. 1 ст. 87 УПК Украины предусматривает, что недопустимыми являются доказательства, полученные вследствие существенного нарушения прав и свобод человека, гарантированных Конституцией и законами Украины, международными договорами, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, а также любые иные доказательства, добытые благодаря информации, полученной вследствие существенного нарушения прав и свобод человека, в ч. 2 ст. 87 УПК Украины приводится примерный перечень оснований признания доказательств недопустимыми, который остается открытым, а в ч. 1 ст. 88 УПК Украины указывается, что доказательства, касающиеся судимостей подозреваемого, обвиняемого или совершения им иных правонарушений, не являющихся предметом этого уголовного производства, а также сведения относительно характера или отдельных черт характера подозреваемого, обвиняемого являются недопустимыми для подтверждения виновности подозреваемого, обвиняемого в совершении уголовного правонарушения¹.

Законодатель Республики Узбекистан вообще не оперирует понятием недопустимого доказательства и не приводит перечня оснований признания доказательств, в том числе и вещественных, недопустимыми. Определение таких оснований возможно на основе анализа ч. 3 ст. 95 УПК Республики Узбекистан, которая предусматривает, что доказательство признается допустимым, если оно собрано в установленном порядке и соответствует условиям, изложенным в статьях 88, 90, 92 – 94 настоящего Кодекса².

Подытоживая изложенное, необходимо указать, что Модельный УПК устанавливает для законодательных органов государств-участников СНГ стандарт правового регулирования оснований признания недопустимыми доказательств, в том числе и вещественных, закрепляя открытый их перечень. В национальном уголовно-процессуальном законодательстве государств-участников СНГ закрепляются такие подходы к определению оснований признания их недопустимыми: 1) практически полное дублирование норм Модельного УПК в части определения оснований признания недопустимыми доказательств и закрепление исчерпывающего перечня таких оснований (УПК Азербайджанской Республики и УПК Республики Армения); 2) практически полное дублирование норм Модельного УПК в указанной части и закрепление открытого перечня таких оснований (УПК Туркменистана и УПК Республики Казахстан); 3) расширение оснований признания недопустимыми доказательств и закрепление исчерпывающего перечня таких оснований (УПК Республики Молдова); 4) определение понятие недопустимого доказательства и полный отказ от приведения перечня оснований признания доказательств недопустимыми (УПК Республики Беларусь, Грузии и Республики Таджикистан); 5) отход от четкого пе-

---

1 Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 г. № 4651-VI: по состоянию на 01.10.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52250

2 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, утвержденный Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2013-XII: по состоянию на 01.10.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://www.lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=111463

речня оснований признания доказательств недопустимыми, определение понятия недопустимых доказательств, указывание на частные основания признания доказательств недопустимыми и закрепление открытого перечня таких оснований (УПК Российской Федерации, Кыргызской Республики и Украины); б) отсутствие понятия недопустимого доказательства и перечня оснований признания доказательств недопустимыми и возможность определения таких оснований на основе анализа понятия допустимого доказательства (УПК Республики Узбекистан).

Наиболее логичным является подход к определению оснований признания доказательств, в том числе и вещественных, недопустимыми, при котором законодатель определяет понятие недопустимого доказательства и полностью отказывается от приведения перечня оснований признания их недопустимыми (УПК Республики Беларусь, Грузии и Республики Таджикистан).

*КОСИМОВ Орифжон Ахуневич,
начальник кафедры уголовного права и
процесса факультета №4 Академии МВД
Республики Таджикистан, полковник
милиции*

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЗАЩИТНИКА ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДОМ ХОДАТАЙСТВА ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Конституция Республики Таджикистан, отдавая приоритет правам и свободам человека и гражданина, провозгласила право граждан на судебную защиту (ст.19) и существенно укрепила право обвиняемого и подозреваемого на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 92) на всех стадиях уголовного процесса.

Формирование правового государства предполагает существование сильной профессиональной защиты на всех стадиях уголовного судопроизводства. Особенно важным это представляется на этапе задержания подозреваемого, возбуждения уголовного дела и применения меры принуждения, где формируется обвинение и происходит соби́рание основного доказательственного материала.

«В настоящих условиях цели и задачи деятельности государственных органов должны определяться правами и свободами человека. Законы не должны определять правила поведения, которые не соответствуют правам и свободам человека, соблюдение и уважение прав и свобод человека должно учитываться всеми ветвями государственной власти и чиновниками в своей деятельности»¹.

Однако на практике нередко встречаются нарушения этих прав, вызванные следственными и судебными ошибками. Поэтому большая роль в обеспечении прав лиц при производстве по уголовному делу принадлежит защитникам-адвокатам, призванным оказывать необходимую правовую помощь участникам процесса.

В соответствии ст. 19 Конституции Республики Таджикистан и требования ч. 2 ст. 49 УПК Республики Таджикистан защитник-адвокат может оказать профессиональную юридическую помощь «... в уголовном деле с момента вынесения в отношении лица постановления о возбуждении уголовного дела, а также с момента фактического задержания подозреваемого». То есть, в целях обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого, в уголовно-процессуальный закон введены дополнительные гарантии права на защиту в общем и права иметь защитника в частности.

Это свидетельствует о стремлении повысить эффективность гарантии получения профессиональной юридической помощи, а также усилить состязательные начала в досудебном производстве.

Вместе с тем, необходимо констатировать, что, несмотря на предпринимаемые меры по реализации положений конституции, закрепляющие право граждан на профессиональную юридическую помощь на любой стадии судопроизводства, анализ

¹ Рахмон Э. Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан // Закон и общество. – Душанбе, 2011. – № 16. – С. 7.

норм уголовно-процессуального законодательства и практики свидетельствуют о наличии теоретических и практических проблем реализации права на профессиональную юридическую помощь на досудебных стадиях уголовного процесса. В частности, при рассмотрении судом ходатайства органов следствия и дознания о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу.

В соответствии с предписаниями ч. 1 ст. 50, ч. 1 ст. 52 и ч. 3 ст. 111 УПК Республики Таджикистан в судебном заседании при решении вопроса о заключении под стражу подозреваемого, обвиняемого участие защитника является необязательным. Защитник вправе принимать участие в этой процедуре, а может в ней и не участвовать. Участие защитника в процедуре решения вопроса о заключении под стражу не является обязательным и в тех случаях, когда подозреваемый или обвиняемый находится на свободе.

В соответствии с требованиями ст. 51 УПК Республики Таджикистан обязательное участие защитника в решении данного вопроса происходит в случаях, если:

- об этом ходатайствует подозреваемый, обвиняемый или подсудимый;
- подозреваемый, обвиняемый или подсудимый являются несовершеннолетними;
- подозреваемый, обвиняемый или подсудимый в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту;
- подозреваемый, обвиняемый или подсудимый не владеет языком, на котором ведется судопроизводство;
- лицо обвиняется в совершении преступления, за которое в качестве меры наказания могут быть назначены смертная казнь или пожизненное лишение свободы.

Таким образом, когда на момент рассмотрения судом ходатайства следственных органов о заключении под стражу подозреваемого, обвиняемого защитника в деле нет, суд вправе принять решение о заключении под стражу и без него (адвоката).

Между тем в части второй статьи 19 Конституции Республики Таджикистан говорится, что каждому гарантируется судебная защита и каждый задержанный, заключенный под стражу, имеет право пользоваться услугами адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу. При этом права и свободы, включая право на получение квалифицированной юридической помощи, не подлежат ограничению и согласно ч.1 ст. 92 Конституции Республики Таджикистан гарантируется на всех стадиях следствия и суда.

Положения же действующего уголовно-процессуального законодательства предполагают, по существу, ограничение прав задержанного лица на получение квалифицированной юридической помощи. В итоге такое лицо при рассмотрении вопроса о заключении под стражу может остаться без оказания ему квалифицированной юридической помощи, и вынуждено защищать свои права и свободы самостоятельно, хотя в результате избрания указанной меры пресечения такое лицо может быть лишено свободы.

По Конституции Республики Таджикистан каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Это означает возможность для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, пользоваться различными средствами и методами для своей защиты.

Однако задержанное лицо не в состоянии использовать все средства и методы, к которым может прибегнуть лицо, находящееся на свободе. Лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления в силу объективных причин, таких как ограничение свободы передвижения, и других, не в состоянии полноценно осуществлять свою защиту. Такое лицо, например, не может собрать необходимые сведения, касающиеся его, в частности, получение различного рода справок, характеристик и других документов.

Между тем следователь или дознаватель, выполняющие функцию обвинения (уголовного преследования), вряд ли будут проявлять особое усердие в сборе документов, каким-либо образом положительно характеризующих лицо, привлекающееся к уголовной ответственности, что подтверждается практикой. Органы предварительного расследования, возбуждая ходатайство об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого виде заключения под стражу, прилагают материалы, подтверждающие обоснованность такого ходатайства. Это не может не сказаться на объективности принятия судом решения о заключении под стражу.

Более того, в юридической литературе отмечается, что «не является секретом то обстоятельство, что предварительное следствие зачастую завышает предъявленное обвинение и ходатайствует о заключении под стражу обвиняемого, ссылаясь на предъявленное обвинение»¹.

При этом необходимо учитывать, что при рассмотрении в суде ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обязательным является участие прокурора. В судебном заседании вправе также участвовать следователь, дознаватель. Тем самым одному лицу, в отношении которого решается вопрос о заключении под стражу, могут быть противопоставлены представители нескольких государственных органов. Задержанное лицо в силу, как правило, отсутствия юридического образования, каких-либо навыков участия в судебных процессах не в состоянии аргументировано и со знанием дела, выступить в судебном заседании, возразить на выступления стороны обвинения.

В свое время, комментируя ст. 49 УПК, в которой говорилось об обязательном участии защитника, профессор В.П. Божьев отмечал, что «перечисление в законе случаи обязательного участия защитника вызвано наличием при производстве по делу ситуаций, когда обвиняемый (подозреваемый) в силу различных обстоятельств, указанных в законе, или субъективных причин не в состоянии самостоятельно осуществлять полноценную защиту своих интересов»².

Таким образом, касаясь данной процедуры, вряд ли можно говорить о какой-либо состязательности сторон, когда в судебном заседании со стороны защиты участвует только задержанное лицо, иногда и без защитника, а со стороны обвинения число участников может достигать десяти.

Непременным условием судебного разбирательства является состязательность

---

1 Конин В.В. Проблемные вопросы предмета доказывания при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу //Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы международной научно-практической конференции. – М., 2007. – С. 272.

2 Научно-практический комментарий к УПК РФ // коллектив авторов. – М., 1995. – С. 75.

сторон. Стороны состязаются перед судом, и суд в условиях состязательности должен принять законное и обоснованное решение. То есть, возникает необходимость в том, чтобы в ходе рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу участие защитника стало **обязательным**.

Полагаем, что таким образом могут быть обеспечены конституционные принципы – равенство всех перед законом и судам, состязательность и равноправие сторон в реальности.

В связи с изложенными обстоятельствами, в целях устранения имеющихся противоречий норм УПК Республики Таджикистан к предписаниям Конституции Республики Таджикистан считаем целесообразным, дополнит ч. 1 ст. 51 УПК Республики Таджикистан (Обязательное участие защитника) абзацем 6 в следующей редакции: «Участие защитника обязательно по делам, если ...;

- в отношении лица (подозреваемого, обвиняемого) органами дознания, предварительного следствия внесено в суд ходатайство о заключение его под стражу.

*ЛУЦИК Василий Васильевич,
доцент кафедры уголовного процесса и
криминалистики Львовского национального
университета имени Ивана Франка,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

Новый УПК Украины, в 2012 году, с целью внедрения в доказывание результатов оперативно-розыскных мероприятий ввел институт негласных следственных (розыскных) действий (в дальнейшем – негласных следственных действий).

В связи с внедрением этого института, как в теории, так и на практике применения украинского УПК возник ряд проблем: о системе и порядке проведения негласных следственных действий, особенностях использования их результатов, роли прокурора в ходе их проведения.

В соответствии ч. 1 ст. 246 УПК Украины – негласные следственные действия – это разновидность следственных действий, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению¹.

В соответствии с УПК Украины все негласные следственные действия, которые ограничивают конституционные права граждан, проводятся исключительно на основании решения следственного судьи, которым является председатель или, на основании его определения, иной судья апелляционного суда области. Поскольку следственный судья обязан рассмотреть ходатайство о даче разрешения на проведение негласного следственного действия в течение шести часов с момента его получения, в связи с этим на практике возникает потребность установить круглосуточное дежурство следственных судей.

УПК Украины устанавливает исчерпывающую систему негласных следственных действий, которые могут проводиться следователем или оперативным подразделением. В частности к ним относятся:

1. Аудио-, видеоконтроль лица, который заключается в негласной (без согласия лица) фиксации и обработке с использованием технических средств разговоров этого лица или других звуков, движений, действий, связанных с его деятельностью или местом пребывания и т.д.

2. Наложение ареста на корреспонденцию заключается в запрещении учреждениям связи и финансовым учреждениям вручения корреспонденции адресату без соответствующего указания следователя, прокурора.

3. Осмотр и выемка корреспонденции заключается в негласном открытии и осмотре задержанной корреспонденции, на которую наложен арест, ее выемке или снятии копий или получении образцов, нанесении на обнаруженные вещи и документы специальных пометок, оборудовании их техническими средствами контроля, замене вещей и веществ, представляющих угрозу для окружающих или запрещенных к сво-

¹ Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 № 4651-VI // Официальный вестник Украины. – 2012. – № 37. – Ст. 1370.

бодному обращению, на их безопасные аналоги.

4. Снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей - в негласном проведении с применением соответствующих технических средств наблюдения, отбора и фиксации содержания информации, которая передается лицом, а также получении, преобразовании и фиксации различных видов сигналов, передаваемых по каналам связи (знаки, сигналы, письменный текст, изображения, звуки, сообщение любого вида).

В свою очередь снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей подразделяется на два вида:

- контроль за телефонными разговорами, заключающийся в негласном проведении с применением соответствующих технических средств, в том числе установленных на транспортных телекоммуникационных сетях, наблюдения, отбора и фиксации содержания телефонных разговоров, другой информации и сигналов (SMS, MMS, факсимильная связь, модемная связь и т.п.), передаваемых телефонным каналом связи, который контролируется;

- снятие информации с каналов связи заключается в негласном получении, преобразовании и фиксации с применением технических средств, в том числе установленных на транспортных телекоммуникационных сетях, в соответствующей форме различных видов сигналов, передаваемых по каналам связи сети Интернет, других сетей передачи контролируемых данных.

5. Снятие информации с электронных информационных систем без ведома ее собственника, владельца или держателя – это получение информации, в том числе с применением технического оборудования, содержащейся в электронно-вычислительных машинах (компьютерах), автоматических системах, компьютерной сети.

6. Обследование публично недоступных мест, жилья или иного владения лица – тайное проникновение следователя или уполномоченного лица без ведома собственника или владельца, скрыто, под псевдонимом или с применением технических средств в помещение и иное владение для установки технических средств аудио-, видеоконтроля лица или непосредственно с целью выявления и фиксации следов преступления, проведения осмотра, выявления документов, вещей, имеющих значение для досудебного расследования, изготовление копий или их образцов, выявления разыскиваемых лиц или с другой целью для достижения целей уголовного производства.

7. Слежение за лицом в публично доступных местах, которое состоит в визуальном наблюдении за лицом следователем или уполномоченным лицом для фиксации его передвижения, контактов, поведения, нахождения в определенном, публично доступном месте и т.д. или применении с этой целью специальных технических средств для наблюдения.

8. Аудио-, видеоконтроль места состоит в применении технического оборудования в публично доступном месте с целью фиксации сведений (разговоров, поведения лиц, других событий), имеющих значение для уголовного дела, без ведома присутствующих в нем лиц.

9. Негласное получение образцов, необходимых для сравнительного исследования, заключается в действиях следователя или уполномоченного лица, позволяющих

без ведома собственника или владельца получить образцы материалов, сырья, изделий и т.п., в том числе в публично недоступных местах.

10. Наблюдение за вещью или местом в публично доступных местах – это визуальное наблюдение за определенной вещью или определенным местом следователем или уполномоченным лицом для фиксации перемещения вещи, контактов с ней определенных лиц, событий в определенном месте для проверки сведений во время досудебного расследования тяжкого или особо тяжкого преступления или применение с этой целью специальных технических средств для наблюдения.

11. Выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации – организация следователем и оперативным подразделением внедрения уполномоченного ими лица, выполняющего в соответствии с законом специальное задание, в организованную группу или преступную организацию под легендой прикрытия, для получения вещей и документов, сведений о ее структуре, способах и методах преступной деятельности, имеющих значение для расследования преступления или преступлений, совершаемых этими группами.

12. Установления местонахождения радиоэлектронного устройства заключается в применении технического оборудования для локализации местонахождения радиоэлектронного средства, в том числе мобильного терминала, систем связи и других радиоизлучающих устройств, активированных в сетях операторов подвижной (мобильной) связи, без раскрытия содержания передаваемых сообщений, если в результате его проведения можно установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного производства.

13. Контроль за совершением преступления реализуется в следующих формах: контролируемая поставка, контролируемая закупка, оперативная закупка, специальный следственный эксперимент, имитация обстановки преступления¹.

Рассмотрим некоторые проблемы, которые возникают в процессе проведения негласных следственных действий. Широкое распространение в практической деятельности получило такое негласное следственное действие, как установления местонахождения радиоэлектронного устройства, что обусловлено возможностью проведения этого негласного следственного действия по всем категориям уголовных производств (независимо от их тяжести).

Установление местонахождения радиоэлектронного устройства возможно, как в режиме реального времени, так и в конкретный период прошлого. В связи с этим, возникает вопрос во всех ли случаях нужно проводить негласное следственное действие можно использовать для получения нужной информации другие процессуальные институты.

В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 162 УПК Украины к охраняемой законом тайне,

---

¹ Инструкция об организации проведения негласных следственных (розыскных) действий и использование их результатов в уголовном производстве, утвержденная Приказом Генеральной прокуратуры Украины, Министерства внутренних дел Украины, Службы безопасности Украины, Администрации Государственной пограничной службы Украины, Министерства финансов Украины, Министерства юстиции Украины № 114/ 1042/516/1199/936/1687/5 от 16 ноября 2012 года // Интернет. – Режим доступа: <http://www.minjust.gov.ua/42544>.

содержащейся в вещах и документах, относятся: информация, которая находится у операторов и провайдеров телекоммуникаций, о связи, абонента, предоставление телекоммуникационных услуг, в том числе получения услуг, их длительности, содержания, маршрутов передачи и тому подобное. Итак, как видно из содержания данной нормы информация, которая является предметом установления местонахождения радиоэлектронного средства, одновременно являются предметом такой меры обеспечения уголовного производства, как временный доступ к вещам и документам.

В связи с этим, разграничение между этими способами получения информации нужно проводить по следующим критериям. Если следователю (прокурору) необходимо получить информацию о связи, который состоялась в прошлом (постфактум), в том числе о местонахождении радиоэлектронного средства в определенный день и время, такая информация получается в порядке, предусмотренном статьями 159,162 УПК Украины, то есть следователь по согласованию с прокурором обращается к следственному судье с ходатайством о временном доступе к вещам и документам, которые содержат охраняемую законом тайну.

Следует обратить внимание, что лицо, указанное в постановлении следственного судьи, суда о временном доступе к вещам и документам как владелец вещей или документов, обязано в соответствии с ч. 1 ст. 165 УПК предоставить временный доступ к определенным в постановлении вещам или документам, лицу, указанному в соответствующем постановлении следственного судьи или лицу, уполномоченному на осуществление временного доступа на основании поручения следователя. Учитывая специфику формата хранения информации, которая находится у операторов (провайдеров) телекоммуникаций, предоставление доступа к соответствующим документам (то есть предоставление возможности ознакомиться с ними и сделать с них копии) может осуществляться как непосредственно у оператора (провайдера), так и путем предоставления доступа к соответствующим документам уполномоченному на снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей подразделения правоохранительного органа через соответствующие информационные системы в соответствии с установленным порядком с обязательным предоставлением копии постановления следственного судьи соответствующему оператору (провайдеру).

Если следователю (прокурору) нужно локализовать местонахождение радиоэлектронного средства в режиме реального времени (получить информацию о том, где находится подходящее средство на момент наблюдения за ним, определить маршрут его пребывания) то должен применяться механизм предусмотрен ст. 268 УПК – установления местонахождения радиоэлектронного средства, как негласное следственное действие.

Следующим популярным в правоприменении действием выступает снятие информации с электронных информационных систем или их частей, которое может осуществляться как путем непосредственного физического доступа к ним специалистами уполномоченных подразделений правоохранительных органов, так и путем программного проникновения. Негласное снятие информации из устройств электронно-вычислительной техники заключается в применении средств специальной техники с большими ресурсами оперативной и долговременной памяти, которая обеспечивает полное копирование информации с жесткого диска (дисков) и других

электронных носителей информации подозреваемого, обвиняемого, которые могут содержать нужную для уголовного производства информацию. Программное проникновение в электронные информационные системы осуществляется путем применения специальных программных продуктов, которые обеспечивают копирование информации, обрабатываемой на компьютере подозреваемого, обвиняемого, через удаленный компьютер, который находится в пользовании уполномоченного органа, который проводит негласное следственное действие.

В протоколе этого негласного следственного действия подлежат отражению следующие сведения: в памяти какого устройства обнаружены виртуальные следы; кому принадлежит устройство; имеет ли устройство выход в сеть Интернет, другие телекоммуникационные или локальные сети; какая операционная система функционирует на устройстве (Windows, Linux – на компьютере, Windows mobile, Android, Symbian на мобильном телефоне, коммуникаторе, планшете и т.п.); в каких файлах обнаружены следы вмешательства, какие именно; когда файл был создан, изменен, сколько раз открывался. Чтобы избежать изучения каждого файла компьютера (количество файлов может измеряться сотнями тысяч) к проведению негласного следственного действия необходимо привлекать специалиста (программиста, системного администратора и т.д.).

Не требует разрешения следственного судьи получения сведений из электронных информационных систем или их частей, доступ к которым не ограничивается ее собственником, владельцем или держателем или не связан с преодолением системы логической защиты. Проведение этого действия без разрешения следственного судьи допускается в том случае, когда нужно:

- получить информацию размещенную лицом в социальных сетях, тематических форумах;

- установить идентификационные признаки электронной информационной системы с помощью специальных программных утилит. Первый из них вид - это утилиты, предоставляющие информацию о компьютерах-хостах и сети. Такая информация необходима для адресации в сети и поэтому доступна. Второй вид – это утилиты для сбора информации об отдельных пользователях, например, реальное имя пользователя, последнее время и дата входа в систему; специфический вид активности пользователя, который вошел в систему, а иногда даже почтовый адрес и телефон пользователя. Однако нужно помнить, что такая информация может быть не настоящей. Кроме того, запрещается использовать специфические утилиты, которые обходят ограничения, установленные для пользователей системы. Это, например, различные программы «сниферы», которые можно использовать для перехвата имен и паролей пользователей¹.

- пообщаться с лицом с помощью технологии IRC (Internet Relay Chat) или ICQ;
- ознакомиться с информацией на рабочем компьютере работника, при условии, что пользователь не использует системы логического защиты информации (пароли, криптографические и другие программы защиты информации)[□].

Значительно усложняется проведение такого негласного следственного дей-

---

1 Оперативно-розыскная компаративистика: монография / А.Н. Бандурка, М.М. Перепелица, А.В. Манжай и др. – Харьков: Золотая миля, 2013 – С. 283.

ствия, как наложение ареста на корреспонденцию, дополнение Свода сведений, составляющих государственную тайну нормами, о том, к сведениям, имеющим степень секретности «секретно», отнесены информация о факте или методах проведения негласного следственного действия, а также сведения, позволяющие идентифицировать личность, место или вещь, относительно которой проводится или планируется проведение негласного следственного действия. Подобное нормативно-правовое регулирование требует наличия у всех привлекаемых лиц (сотрудников учреждений связи, а также операторов (провайдеров) телекоммуникационной связи) соответствующей формы допуска к государственной тайне.

Наложение ареста на корреспонденцию, предусматривает обязательное участие при осмотре корреспонденции представителя учреждения связи и возможном участии специалиста. Несмотря на то, что предоставлением услуг связи занимаются, в том числе и коммерческие структуры, где работники не имеют допуска к сведениям, содержащим государственную тайну, требование в обязательном порядке присваивать гриф секретности может осложнить процесс реализации мероприятия[□]. В связи с этим считаем, что в случае наложения ареста на корреспонденцию, которая доставляется частными почтовыми службами, следователю, прокурору целесообразно не принять решение о засекречивании протоколов действия, а предупредить участников данного негласного следственного действия об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования.

Подводя итоги этого краткого исследования, можно прийти к следующим выводам. Система негласных следственных действий в уголовном процессе Украины предоставляет широкий спектр возможностей для собирания доказательств, в тоже время недостатки правового регулирования проведения этих действий приводят к неоднозначности результатов их проведения, и требуют особого внимания прокурора и следователя к использованию их результатов.

*МАДЖИТОВ Алишер Мирзоевич,
сотрудник Американской Ассоциации юристов
в Таджикистане*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Выполняя взятые на себя международные обязательства закрепленные в международных документах, Таджикистан основываясь на положениях собственной Конституции, 1 апреля 2010 года ввел в действие новый Уголовно-процессуальный кодекс.

Согласно ст.5 Конституции права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством. Статья 14 Конституции определяет, что права и свободы человека и гражданина осуществляются непосредственно. Они определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной властей и обеспечиваются судебной властью. При этом, Конституция гарантирует каждому судебную защиту и оказание квалифицированной юридической помощи на всех стадиях следствия и суда основанную на принципе равноправия состязующихся сторон. Таким образом, в обеспечении защиты прав и свобод человека, законности и социальной справедливости в государстве, весомую роль играет не только сторона обвинения, но и сторона защиты.

Исходя из международных и конституционных стандартов, некоторые положения нового УПК вызывают у практиков ряд противоречий. В связи с чем, предлагаю рассмотреть несколько положений УПК РТ направленных на обеспечение права на защиту.

Момент возникновения права на защиту. По смыслу ч.2 ст.22 УПК лицо может пользоваться правами предоставленными ему в порядке, установленном УПК. Часть 1 ст.12 УПК гласит, что каждый с момента задержания может пользоваться услугами защитника. В свою очередь, ч.2 ст.49 УПК определяет, что защитник допускается к участию в уголовном деле с момента вынесения в отношении лица постановления о возбуждении уголовного дела, а также с момента фактического задержания подозреваемого. Если уголовное дело было возбуждено по факту обнаружения признаков состава преступления, а не в отношении конкретного лица, а потом лицо – «потенциальный подозреваемый в совершении преступления» вызывается на допрос в качестве «свидетеля», то этому лицу не гарантируется право воспользоваться помощью адвоката, который мог бы присутствовать при допросе. Таким образом, в отличие от формального подозреваемого (в отношении которого возбуждено дело или который задержан), «потенциальный подозреваемый» по смыслу ст. 49 УПК поставлен в более худшее положение применительно к реализации права на защиту, поскольку нет законных оснований допустить адвоката к участию в допросе «потенциального подозреваемого».

Кроме того, ч.2 ст.49 УПК не предусматривает возможности допуска защитника на стадии доследственной проверки. Хотя именно в этот период правоохранительные органы работают с «потенциальным подозреваемым», получая от него письменные

объяснения. Но при этом правоохранительные органы руководствуясь положениями действующего УПК, не разъясняют «потенциальным подозреваемым» право не свидетельствовать против себя и близких родственников; право консультироваться с защитником; право обжаловать действия (бездействия) и решения должностных лиц, которые затрагивают или ограничивают конституционные права гражданина (например, тайну частной жизни). Такая процессуальная слепота не обеспечивает реализацию права на защиту лица «потенциального подозреваемого» от подозрения его в совершении преступления. Тем самым, на этой ранней стадии деятельности правоохранительных органов нарушается Конституционный принцип презумпции невиновности, которая возложила обязанность доказывания вины на сторону обвинения и одновременно гарантирует обеспечение права на защиту во всех случаях и на всех стадиях.

Рекомендация: Часть 1 ст.22 УПК изложить в следующей редакции:

«Каждое лицо с момента возникновения подозрения его в совершении преступления вправе пользоваться помощью защитника».

Рекомендация: Часть 2 ст.49 УПК изложить в следующей редакции:

«Защитник вступает в дело с момента возникновения подозрения лица в совершении преступления, даже если в отношении лица не возбуждено уголовное дело».

Рекомендация: Часть 1 ст.46 УПК изложить в следующей редакции:

«Подозреваемым лицом признаётся с момента возникновения подозрения его в совершении преступления, даже если уголовное дело не возбуждено, а также в случаях его задержания, либо если в отношении него применена мера пресечения до предъявления обвинения».

Кто уполномочен осуществлять защиту. По смыслу ч.1 ст.49 УПК защиту вправе осуществлять адвокаты и лица, имеющие лицензию на адвокатскую деятельность. Возникает вопрос – почему закон упоминает как адвокатов так и лицензированных лиц? В действительности лица имеющие лицензию на адвокатскую деятельность также являются адвокатами. Кроме того, закон разрешает допускать в качестве защитников близких родственников. Однако закон не требует допускать близких родственников обладающих хорошими юридическими знаниями и имеющих юридический опыт. Таким образом, закон не обеспечивает реализацию ст.92 Конституции РФ, которая гарантирует каждому человеку юридическую помощь на всех стадиях следствия и суда. Указанное право с учетом конституционных гарантий предусматривает оказание квалифицированной юридической помощи профессиональными юристами. Соответственно конституционным институтом, обеспечивающим оказание квалифицированной юридической помощи, является только адвокатура. Помимо сказанного, только в ст.225 УПК упоминается ордер адвоката как основание участия в деле, хотя именно ч.1 ст.49 УПК является фундаментальной, поскольку определяет основания, порядок вступления защитника в дело и субъектов имеющих право осуществлять защиту.

Рекомендация: Часть 1 ст.49 УПК изложить в следующей редакции:

В качестве защитников в деле вправе участвовать только адвокаты представившие ордер на защиту.

Обязательное участие защитника. Пункт 1 ч.1 ст.51 УПК предполагает обя-

зательное участие защитника, если об этом ходатайствует подозреваемый, обвиняемый или подсудимый. Такая редакция предполагает, что сам подозреваемый должен проявить активность и заявить ходатайство об обеспечении ему защитника. Однако, все правоприменители единогласно отмечают низкий уровень правосознания населения Таджикистана. Соответственно, большое количество населения даже не догадывается о своем праве пригласить адвоката для защиты его интересов. Согласно ст.17 Конституции, Таджикистан гарантирует права и свободы каждого, независимо от его национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, политических убеждений, образования, социального и имущественного положения. При этом, исходя из конституционных гарантий и международных обязательств, Таджикистан обязан обеспечить каждому человеку, находящемуся на территории РТ, право на эффективную защиту от обвинения в совершении правонарушений. А эффективность защиты оценивается адекватностью профессионального защитника, который в состоянии полноценно спорить с профессиональным юристом обвинения – следователем.

Рекомендация: п.1 ч.1 ст.51 УПК изложить в следующей редакции:

Участие защитника в деле обязательно, если только подозреваемый, обвиняемый или подсудимый не отказался от помощи защитника в его присутствии».

Право на обязательное участие защитника. Пункт 4 ч.1 ст.51 УПК предусматривает обязательное участие защитника подозреваемому, обвиняемому или подсудимому, не владеющему языком, на котором ведется судопроизводство. Однако, эта норма не гарантирует обязательное участие защитника в случае, если подсудимый или подсудимый владеет разговорным языком, но не знаком с письменностью и грамматикой языка судопроизводства. Например, граждане Афганистана или Ирана понимают таджикский язык, но не владеют таджикской письменностью (кириллицей). Более того, любые процессуальные документы составляются на литературном языке и с использованием письменной кириллицы (юридической терминологии, которой даже большинство граждан Таджикистана, к сожалению, не владеют).

Рекомендация: Пункт 4 ч.1 ст.51 УПК изложить в следующей редакции: «Подозреваемый, обвиняемый или подсудимый не владеет литературным языком или письменностью, на котором ведется судопроизводство».

Право на общение с защитником перед допросом и дачей объяснений. Часть 2 ст.46 УПК предписывает произвести допрос подозреваемого немедленно, но не позднее 24 часов с момента фактического задержания. Однако, данная норма не обязывает орган уголовного преследования обеспечить реализацию права на защиту посредством предоставления возможности подозреваемому пообщаться с защитником перед первым допросом. Такая недальновидность закона не обеспечивает подозреваемому предварительную консультацию с защитником, что приводит к ненадлежащему пониманию подозреваемым своих процессуальных прав (поскольку именно на защитника возлагается обязанность полноценно и всесторонне разъяснить подозреваемому его процессуальные права и их пределы, а также осведомить подозреваемого о процессуальных обязанностях следователя/дознателя). Таким образом, столь незначительное на первый взгляд упущение закона практически не обеспечивает равенство состояющих сторон (по осуществлению процессуальных полномочий подозреваемым и следователем) в лице подозреваемого (не обладающего достаточ-

ными знаниями процессуальных норм) и следователя (профессионала, обладающего глубокими знаниями действующего законодательства и призванного на систематической основе осуществлять уголовное преследование).

Рекомендация: Часть 2 ст.46 УПК изложить в следующей редакции:

«Подозреваемый должен быть допрошен немедленно после консультации с защитником, но не позднее 24 часов с момента фактического задержания».

Право подозреваемого на свидания с защитником. Пункт 9 ч.4 ст.47 УПК предусматривает право обвиняемого беспрепятственно иметь свидания с защитником наедине. Однако, ст.46 УПК такого права не предусматривает. Несмотря на то, что ст.53 УПК предусматривает право защитника беспрепятственно общаться с подзащитным (как с подозреваемым, так и обвиняемым) наедине без ограничения количества встреч и их продолжительности. В связи с указанным разграничением в правах по статусу подсудимого, на практике защитнику сложно добиться возможности пообщаться с подозреваемым до проведения первого допроса и реализовать свое право на беспрепятственное общение с подзащитным наедине без ограничения количества встреч и их продолжительности. Тем самым, ограничивается право подсудимого на эффективную защиту и своевременность выработки линии защиты совместно с защитником. Кроме того, ст.53 УПК предусматривает право защитника беспрепятственно общаться с подзащитным наедине без ограничения количества встреч и их продолжительности. А ст.47 УПК предусматривает только право обвиняемого беспрепятственно иметь свидания с защитником наедине. Однако ст.47 УПК не устанавливает обеспечение свиданий с защитником без ограничения количества встреч и их продолжительности.

Кроме того, в п.9 ч.4 ст.47 УПК говорится о свидании с защитником, а в п.2 ч.2 ст.53 УПК речь идет о беседах защитника с подзащитным наедине. Однако, когда мы говорим об обеспечении права на защиту, предполагаются не светские встречи или праздные беседы подсудимого с защитником, а именно консультации юридического характера, направленные на обеспечение эффективной защиты по делу. Встречи и беседы больше применимы к свиданиям с родственниками, а защитник является отдельной процессуальной фигурой в уголовном процессе. Соответственно, в законе правильнее будет использовать термин консультации вместо слов «встреча» или «беседа».

Рекомендация: В часть 4 ст.46 включить пункт следующего содержания:

«В любое время беспрепятственно консультироваться с защитником наедине, без ограничения количества консультаций и их продолжительности, в частности с момента задержания».

Рекомендация: Пункт 9 ч.4 ст.47 УПК изложить в следующей редакции:

«В любое время беспрепятственно консультироваться с защитником наедине, без ограничения количества консультаций и их продолжительности, в том числе с момента задержания».

Рекомендация: Пункт 2 ч.2 ст.53 УПК изложить в следующей редакции:

«В любое время беспрепятственно консультировать подзащитного наедине, без ограничений количества консультаций и их продолжительности».

Право на участие защитника при судебном санкционировании. Пункт 9 ч.2 ст.53

УПК предусматривает, что защитник вправе участвовать в судебном разбирательстве в суде первой инстанции. Кроме того, п.11 ч.2 ст.53 УПК гласит, что защитник вправе участвовать в заседании суда, рассматривающего дело в кассационном или надзорном порядке, или при возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам и давать пояснения по жалобам. Однако ст.53 УПК не предусматривает права защитника участвовать в судебных заседаниях по вопросам судебного санкционирования процессуальных действий на стадии предварительного расследования. Такое законодательное закрепление позволяет рассматривать вопросы, требующие судебного санкционирования без участия защитника, даже в тех случаях, когда для решения того или иного вопроса судом целесообразно заслушать мнение как стороны обвинения, так и защиты.

Рекомендация: Пункт 9 ч.2 ст.53 УПК изложить в следующей редакции:

«Участвовать в заседании суда, рассматривающие вопросы, требующие судебного санкционирования процессуальных действий на стадии предварительного расследования».

Рекомендация: Пункт 11 ч.2 ст.53 УПК изложить в следующей редакции:

«Участвовать в заседании суда первой инстанции, а также рассматривающим дело в кассационном или надзорном порядке, либо при возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам и давать пояснения по жалобам».

Право на ознакомление с протоколом судебного заседания. Согласно п.3 ч.6 ст.47 УПК подсудимый вправе знакомиться с протоколом судебного заседания и высказывать по нему замечания. При этом, как подозреваемый, так и обвиняемый могут присутствовать в судебном заседании при избрании меры пресечения, при решении вопроса о помещении его в медицинское учреждение, но в каталоге прав подозреваемого и обвиняемого не предусмотрено право на ознакомление с протоколом судебного заседания.

Рекомендация: Часть 4 ст.46 УПК дополнить пунктом следующего содержания: «Знакомиться с протоколом судебного заседания и приносить на него замечания».

Рекомендация: Часть 4 ст.47 УПК дополнить пунктом следующего содержания: «Знакомиться с протоколом судебного заседания и приносить на него замечания».

Надлежащее уведомление о характере подозрения. Пункт 2 ч.4 ст.47 УПК предусматривает право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, и получить копию постановления о привлечении его к уголовной ответственности. При этом, п.2 ч.4 ст.46 УПК предусматривает только право подозреваемого знать, в чем он подозревается. Статья 146 УПК предусматривает обязанность органа уголовного преследования немедленно направить прокурору копию постановления о возбуждении уголовного дела, но не предписывает органу уголовного преследования вручить копию постановления о возбуждении уголовного дела лицу, которое подозревается в совершении преступления, по которому было возбуждено дело и его защитнику. Отсутствие такого права не позволяет подозреваемому полно уяснить, в чем его подозревают, и не обеспечивает полноценную реализацию права подозреваемого и защитника обжаловать постановление о возбуждении дела против подследственного, поскольку мо-

тивированно обжаловать можно документ, который имеется у лица на руках, а не по памяти. Более того, в некоторых случаях постановление о возбуждении уголовного дела подлежит вручению (имеется ввиду требования ст.262 УПК – вручение копии обвинительного заключения). Возникает вопрос, как можно обжаловать постановление, которое не вручается лицу, имеющему право его обжалования?

Рекомендация: Пункт 2 ч.4 ст.46 УПК изложить в следующей редакции:

«Знать, в чём он подозревается и получить копию постановления о возбуждении дела».

Рекомендация: Пункт 1 ч.2 ст.53 УПК изложить в следующей редакции:

«Знать, в чём подозревается или обвиняется лицо, интересы которого он защищает и получить копию постановления о возбуждении дела, а также постановления о предъявлении обвинения».

Рекомендация: Статью 22 УПК дополнить частью шестой следующего содержания:

«Процессуальные документы или их копии, подлежащие в соответствии с настоящим Кодексом вручению подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному и их защитнику, вручаются им в заверенном виде органами, составившими эти документы».

Достаточность времени на подготовку защиты. Статья 46 УПК определяет права подозреваемого, а ст.47 УПК права обвиняемого. Согласно ч.3 ст.47 УПК, обвиняемый вправе иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите. Однако ст.46 УПК не предусматривает такого права для подозреваемого, хотя выработка позиции стороны защиты требуется уже с самого начала предварительного расследования и формулирования обвинения.

Рекомендация: Часть 3 ст.46 УПК изложить в следующей редакции:

«Подозреваемый с момента указанного в части первой настоящей статьи вправе защищать свои права и законные интересы всеми средствами и способами, не противоречащими закону, и иметь достаточное время и возможности для подготовки к защите».

Право подозреваемого на ознакомление с заключением экспертизы. Согласно положений ст.46 УПК у подозреваемого нет права знакомиться с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта в отличие от обвиняемого, у которого существует такое право. Хотя как показывает практика, экспертиза может быть назначена и проведена до предъявления обвинения лицу.

Рекомендация: Пункт 8 ч.4 ст.46 УПК изложить в следующей редакции:

«Знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, а также с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта».

Рекомендация: Часть 4 ст.46 УПК дополнить пунктом следующего содержания:

«Получить копии материалов, направляемых в суд в подтверждение применения к нему меры пресечения заключение под стражу».

Право защиты получать копии всех материалов дела в суде. Статьей 47 УПК закреплено, что обвиняемый вправе знакомиться по окончании расследования со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения. При этом, ч.2 ст.241

УПК, развивая такое право обвиняемого и защитника, допускает возможность снимать копии с материалов дела, в том числе с помощью технических средств, которые должны быть заверены следователем. Однако, на стадии судебного разбирательства такое право не предусмотрено. Так, ст.270 УПК определяет, что после назначения судебного заседания на основании запроса защиты судья обязан обеспечить сторонам возможность ознакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него необходимые сведения. Соответственно, закон не предусматривает право сторон снимать копии с материалов дела в суде. При этом, у гособвинителя в суде всегда имеется надзорное производство, содержащее все необходимые документы, на которых базируется обвинение. В отличие от гособвинителя защитник не имеет такого материала. Соответственно, если на стадии предварительного следствия защитник не участвовал, тогда, вступив в дело на стадии судебного разбирательства, он не имеет возможности копировать материалы дела, необходимые для осуществления квалифицированной и полноценной защиты. Таким образом, возможности защитника вступившего в дело только на стадии судебного разбирательства, в ознакомлении с материалами дела и последующего обращения к ним, значительно ограничены, в отличие от защитника, который участвовал на стадии предварительного расследования. Поскольку ч.3 ст.281 УПК говорит лишь о праве вновь вступившего защитника получить время, необходимое для подготовки к участию в судебном заседании, но не предписывает суду предоставить возможность защитнику получить копии всех документов с материалов дела, в необходимом по его мнению объеме (за его счет). Таким образом, действующая редакция закона не обеспечивает реализацию принципа равенства состязующихся сторон.

Рекомендация: Статью 270 УПК изложить в следующей редакции: «После назначения судебного заседания судья на основании их ходатайства обязан обеспечить сторонам возможность ознакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него необходимые сведения и в любом объеме, снимать копии с документов, в том числе с помощью технических средств, которые должны быть заверены судьей. Выписки и копии документов из дела, в которых содержатся сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную, охраняемую законом тайну, хранятся при деле и вручаются обвиняемому и его защитнику во время судебного разбирательства».

*НЕЧАЕВА Виктория Александровна,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики учреждения
образования «Могилевский институт МВД
Республики Беларусь», подполковник милиции*

ЦИФРОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В последнее время в сферу процессуальной деятельности следователя и органа дознания все чаще попадают различные материалы, содержащие в себе доказательственную информацию, полученные за рамками уголовного процесса с помощью технических средств, таких, например, как видео- и звукозапись, электронная почта, цифровая фотография. Как правило, подобная электронная (цифровая) информация носит бытовой характер и получена на непрофессиональной технике, находящейся в личном пользовании граждан, но имеет важное значение для установления фактических обстоятельств совершенного общественно опасного деяния. Нередки случаи, когда граждане, а также должностные лица различных учреждений и организаций, не являющиеся участниками уголовного процесса, с помощью различных технических средств (видео- и звукозаписи, и т.п.) фиксируют преступные действия. Примером может быть переданная органу уголовного преследования администрацией предприятия запись камеры системы видеонаблюдения, на которой зафиксированы обстоятельства совершения преступления.

О доказательственной природе материалов, полученных гражданами и должностными лицами, с помощью различных технических средств, за рамками уголовного процесса в литературе высказываются различные точки зрения. Одни авторы считают, что результаты применения технических средств не имеют значения доказательств. Другие предлагают рассматривать их только как документы. Третьи – только как вещественные доказательства. Четвертые же относят данные материалы, как вещественные доказательства, либо как документы.

По нашему мнению, ни одна из указанных точек зрения в полном объеме не соответствует действующему уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь. Вместе с тем вопрос о введении в сферу доказательственной деятельности вышеназванных материалов является немаловажным.

Как показывает практика, чаще всего следователи относят материалы, полученные с помощью технических средств за рамками уголовного процесса, к вещественным доказательствам, мотивируя это тем, что цифровая информация содержится на материальном объекте (флэш-карте, CD-диске и т.п.). На наш взгляд это не совсем верно. Правоприменитель забывает о таком источнике доказательств, предусмотренном ч. 2 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь), как «другие носители информации».

Для того, чтобы правильно относить цифровую информацию, содержащую какие-либо сведения об обстоятельствах преступления к тому или иному источнику доказательств, необходимо разобраться в таких понятиях как «вещественное доказательство» и «другие носители информации».

Согласно ст. 96 УПК Республики Беларусь вещественными доказательствами признаются предметы, которые служили орудиями преступления, или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий, а также деньги и иные ценности, добытые преступным путем, и все другие предметы и документы, которые могут служить средствами по обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств уголовного дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности обвиняемого.

Таким образом, к числу вещественных доказательств может быть отнесена лишь часть материалов, содержащих цифровую информацию, отвечающих указаным в ст. 96 УПК Республики Беларусь признакам. Материалы, полученные по электронной почте, иным техническим каналам связи, а также при помощи видео- и звукозаписи, цифровой фотосъемки могут рассматриваться в качестве вещественных доказательств только в том случае, если они применялись в качестве орудия преступления, сохранили на себе следы преступления, были объектами преступных действий.

Согласно же ч. 2 ст. 100 УПК Республики Беларусь к другим носителям информации относятся материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, предусмотренном УПК Республики Беларусь.

Считаем, что в случае представления такого рода сведений, если они не обладают признаками вещественного доказательства, должны признаваться другими носителями информации (ст. 100 УПК Республики Беларусь). Например, органу уголовного преследования представленные цифровые фотоснимки, полученные при помощи цифрового фотоаппарата случайными очевидцами преступления, зафиксировавшими таким образом факт его совершения. В этом случае сам фотоаппарат для органа уголовного преследования не имеет доказательственного значения. Интерес представляют лишь цифровые фотоснимки, на которых запечатлены обстоятельства совершенного преступления. Орган уголовного преследования может вернуть лицу фотоаппарат, предварительно скопировав данные снимки на другой носитель (например, CD-диск). При этом в процессе расследования следователь, в случае необходимости, может неоднократно перемещать (копировать) данную цифровую информацию с одного материального носителя на другой.

Другие носители информации должны приобщаться к уголовному делу и оставаться при нем в течение всего срока его хранения. В случае, когда изъятые и приобретенные к делу другие носители информации требуются для текущего учета, отчетности и иных правомерных целей, они могут быть возвращены законному владельцу или предоставлены во временное пользование, если это возможно без ущерба для уголовного дела, либо могут быть переданы их копии.

Таким образом, вопросы уяснения роли и места цифровой информации в уголовном процессе приобретают в современных условиях все большую актуальность и требуют своего незамедлительного разрешения. Правоприменителю следует иметь в виду, что в случае поступления в орган уголовного преследования цифровой информации, имеющей значение для расследования преступления и не обладающей признаками вещественного доказательства, ее следует относить к такому виду источников доказательств как «другие носители информации».

*ОСМАНОВА Надежда Валерьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса Академии Следственного Комитета
России, кандидат юридических наук, капитан
юстиции*

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и Республики Таджикистан имеют общие корни¹, которые берут свое начало еще с момента принятия и введения в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Данный фактор обусловил, несмотря на постепенное изменение уголовно-процессуального законодательства дружественных государств, сохранение схожих черт уголовного судопроизводства, в том числе и в части отдельных положений, регламентирующих реализацию института подследственности в стадии возбуждения уголовного дела.

Следует отметить, что существующая российская уголовно-правовая статистика не отражает в полной мере складывающегося реального положения и масштабов принимаемых сотрудниками органов расследования преступлений решений о направлении по подследственности заявлений, сообщений граждан и организаций о преступлениях. Значительная часть из них передается по подследственности два и более раза, что впоследствии влечет значительное затягивание сроков проверки сообщения о преступлении, принятие по ним незаконных процессуальных решений, их дальнейшую отмену и возвращение в орган, в который изначально они поступили.

Тем самым существующая статистика изначально не позволяет как сотрудникам правоохранительных органов, так и научным работникам обоснованно судить о количестве ежегодно передаваемых по подследственности заявлений, сообщений о преступлениях, а также о фактических сроках доследственной проверки. Так, в 2008 г. данный показатель составил 3,2 млн. заявлений, сообщений, в 2009 г. – 3,3 млн., в 2010 г. – 3,4 млн., в 2011 г. – 3,3 млн., в 2012 г. – 3,5 млн., в 2013 г. – 3,2 млн., в то время как порядка 20 % от их общего количества (в период с 2008 по 2013 гг.), по нашей оценке², передавалось между органами расследования преступлений дважды и более раз.

При этом срок рассмотрения указанных заявлений, сообщений о преступлениях превышает в 90% случаев 2 месяца.

Необходимо отметить, что по рассмотренным заявлениям и сообщениям о преступлениях в указанные годы было принято решений о возбуждении уголовного

1 См. подробнее: Юлдошев Р.Р. Роль Устава уголовного судопроизводства 1864 года в становлении и развитии таджикского уголовно-процессуального законодательства // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 4. – С. 645-651.

2 Османова Н.В. Институт подследственности в досудебном уголовном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – С. 87-118.

дела в 2008 г. – 2,6 млн. или 12 % от общего числа зарегистрированных заявлений, сообщений о преступлениях, в 2009 г. – 2,4 млн. или 10,5 %, в 2010 г. – 2,2 млн. или 9,2 %, в 2011 г. – 1,9 млн. или 7,7 %, в 2012 г. – 1,8 млн. или 6,8 % и в 2013 г. – 1,7 млн. или 5,9 %.

Одновременно наибольшее число нарушений законности допущено непосредственно при принятии процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела¹, количество последних в 2008 г. составило 5,3 млн. или 24,6 % от общего количества зарегистрированных заявлений и сообщений о преступлениях, в 2009 г. – 5,6 млн. или 24,5 %, в 2010 г. – 6,0 млн. или 25,1%, в 2011 г. – 6,1 млн. или 24,7 %, в 2012 г. – 6,4 млн. или 24,3% и в 2013 г. – 6,7 млн. или 23,6%.

Учитывая, что общественные явления, в том числе юридически значимые, взаимосвязаны между собой, зависят друг от друга и обуславливают друг друга, то имеющиеся взаимосвязи могут проявляться в виде корреляционной связи. Проведенный авторский анализ вышеуказанных показателей с применением статистической функции корреляции позволяет утверждать о существовании закономерного влияния реализации института подследственности в стадии возбуждения уголовного дела на дальнейшее принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела².

Сложившаяся ситуация также оказывает непосредственное влияние на увеличение сроков расследования, их нарушение, несоблюдение прав участников уголовного судопроизводства на доступ к правосудию.

Существование подобной проблемы и необходимость ее разрешения обусловлены и тем, что, по сути, нормы российского уголовно-процессуального закона формально в случаях, ставших предметом рассмотрения в настоящей статье, не нарушаются, но есть все основания утверждать о несоблюдении одного из его принципов – «разумности».

Подобный принцип в нормах УПК РТ отсутствует, вместе с тем ч. 1 ст. 9, устанавливая обязательность соблюдения законности при производстве по уголовным делам и предполагает, что «следователь, дознаватель обязаны точно, единообразно соблюдать требования Конституции Республики Таджикистан, настоящего Кодекса и других законов», что означает и обязательность соблюдения сроков проверки сообщений о преступлении и расследования, установленных национальным законодательством.

Проведенный автором анализ практики реализации института подследственности в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ и регламентирования аналогичных норм в УПК РТ позволил автору выделить несколько типичных ситуаций, связанных с нарушением разумных сроков доследственной проверки.

Первая ситуация. Проверку по сообщению о преступлении проводит должност-

---

1 Так, в 2013 г. из 657,2 тыс. процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенных следователем СК России, прокурором отменено 94,6 тыс. или 14,4 % от их общего количества.

2 Османова Н.В. К вопросу об оценке статистических сведений о передаче по подследственности сообщений о преступлениях // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – №. 8. – С. 112-117.

ное лицо органа расследования преступлений в пределах своей компетенции (в данном случае имеется ввиду компетенция органов расследования преступлений, определенная ст. 151 УПК РФ). Для принятия законного решения в виде возбуждения уголовного дела или отказа в возбуждении уголовного дела необходимо выполнить процессуальные и следственные действия, допускаемые на этапе доследственной проверки, однако их производство предполагает более длительный срок чем 30 суток.

Так, проведенный анализ продолжительности производства судебных экспертиз показал, что в подавляющем большинстве в срок от 1 до 2 месяцев проводятся судебно-медицинские экспертизы по определению тяжести полученных повреждений, определению причины смерти, биологические и медико-криминалистические экспертизы; в срок от 2 до 6 месяцев – генотипоскопические, пожаротехнические, комиссионные судебно-медицинские, психиатрические, автотехнические судебные экспертизы; в срок свыше 12 месяцев – судебные экспертизы, назначенные к проведению в федеральных экспертных учреждениях. Проведение судебных экспертиз за пределами территориальной юрисдикции большинства следственных органов, загруженность экспертных учреждений также оказывают влияние на длительность доследственной проверки.

На практике данная ситуация разрешается двумя способами:

1. Вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (реже – о возбуждении уголовного дела) с последующей отменой данного процессуального решения прокурором, руководителем следственного органа.

2. Передача материала проверки по подследственности с последующим возвращением в орган первоначально его направивший.

Указанные процессуальные решения в различных ситуациях и в зависимости от, например, готовности заключения эксперта могут приниматься неоднократно.

О незаконности и необоснованности значительного количества решений об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе и по причине нарушения норм УПК РФ, регламентирующих подследственность, свидетельствуют данные о количестве признанных прокурором решений об отказе в возбуждении уголовного дела незаконными, необоснованными (до 40 % в год). Только за последние пять лет количество заявлений и сообщений о преступлениях выросло на 5,6 млн. фактов, принятие решений по которым в 2013 г. в виде возбуждения уголовного дела сократилось в 3,4 раза, при этом показатели вынесенных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела за исследуемый период вырос более чем на 1,1 млн.).

Предполагаем, что аналогичная проблема возникает и в Республике Таджикистан, поскольку согласно ч. 5 ст. 145 УПК РТ решение по поступившим заявлениям и сообщениям о преступлениях должно быть принято в срок не более трех суток со дня получения заявления и сообщения, а в необходимых случаях для получения дополнительных объяснений лица, подавшего заявление, истребование документов, проведения осмотра места происшествия этот срок может быть продлен прокурором до десяти суток. Вместе с тем, как по УПК РФ (ч. 1 ст. 145), так и по УПК РТ (ч. 6 ст. 145) по поступившему сообщению о преступлении может быть принято одно из следующих решений:

- о возбуждении уголовного дела;
- об отказе в возбуждении уголовного дела;
- о передаче заявления, сообщения по подследственности или подсудности.

Рассмотрим вторую ситуацию. Проверку по сообщению о преступлении проводит должностное лицо органа расследования преступлений также в пределах своей компетенции. Для принятия законного решения в виде возбуждения уголовного дела или отказа в возбуждении уголовного дела необходимо провести следственные действия, однако в статье 144 УПК РФ возможность их производства на этапе проверки сообщения о преступлении не регламентирована.

Так, практически по всем сообщениям о преступлениях в сфере экономической деятельности (незаконное предпринимательство, незаконные организация и проведение азартных игр, легализация (отмывание) денежных средств, приобретённых преступным путем, уклонение от уплаты налогов и др.) в качестве одного из обязательных установочных данных будут являться изучение и анализ изъятых документов, указывающих на признаки преступления, и проведение на их основе судебно-бухгалтерских, экономических экспертиз¹. Часть первая статьи 144 УПК РФ предусматривает возможность изъятия документов, предметов, при этом в данной норме не указано производством каких следственных действий возможно осуществить подобное изъятие.

УПК РФ предусматривает только два вида следственных действий, *направленных непосредственно на изъятие предметов и документов* (выделено Н.О.) – выемка и обыск, при этом иных форм производства изъятия предметов и документов закон не допускает. Исходя из этого, руководствуясь положениями части первой статьи 144 УПК РФ и статьями 182 и 183 УПК РФ, в рамках доследственной проверки представляется возможным производить данные следственные действия с целью изъятия предметов и документов. Однако в настоящее время преобладает практика изъятия предметов и документов в ходе осмотра места происшествия. Здесь следует отметить, что норма ч. 1 ст. 144 УПК РФ указывает на осуществление истребования документов и предметов отдельно от данного процессуального действия. Данный факт безусловно свидетельствует о необходимости изъятия документов, предметов другими процессуальными действиями и, как нам видится, именно посредством выемки и обыска.

Введение законодателем Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ изменений, касающихся производства до возбуждения уголовного дела изъятия документов, предметов было обусловлено, по нашему мнению, и возможностью в ходе проверки сообщения о преступлении назначать судебную экспертизу, документальных проверок, ревизий. Указанное процессуальное действие невозможно произвести, не представив эксперту соответствующие документы, предметы, которые должны быть подвергнуты исследованию.

Возникшие в ходе применения указанного Федерального закона № 23-ФЗ несоответствия содержания части первой статьи 144 УПК РФ и статей 182 и 183 УПК РФ

---

¹ Более подробно см.: Османова Н.В. Место неотложных следственных действий в расследовании преступлений экономической направленности // Российский следователь. – 2012. – № 1. – С. 35–37.

обусловлены в некоторой степени законодательной недоработкой, что ранее также имело место¹.

Подобный пробел в законодательстве обусловили в определенной степени невозможность принятия должностным лицом органа расследования преступлений законного решения, предусмотренного ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Данную ситуацию правоприменитель разрешает аналогично, как и в первом рассмотренном нами случае.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан также, как и УПК РФ ограничивает правоприменителя в возможности проведения всех следственных и процессуальных действий на стадии доследственной проверки. Так, ч. 5 ст. 145 УПК РТ регламентирует на данном этапе лишь получение объяснений лица, подавшего заявление, истребование документов, проведения осмотра места происшествия.

По сути, и в первой, и во второй описанных ситуациях имеется факт нарушения закона, однако других средств разрешения складывающейся негативной практики нет.

Третья ситуация обусловлена в большей степени субъективными факторами и непосредственно связана с незаконным направлением по подследственности материалов проверки, когда проверка по поступившему сообщению о преступлении может быть осуществлена предусмотренными законодателем средствами и методами, а должностное лицо органа расследования преступлений имеет право в рамках своей компетенции принять решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

К таким факторам автор относит:

1. Статистические показатели, определяющие качество деятельности непосредственно органа расследования, правоохранительного подразделения в целом, а также органов прокуратуры.

Улучшение статистических показателей при передаче материалов проверок по подследственности обусловлено снижением количества зарегистрированных преступлений при наличии оснований для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, негативно влияющего в отчетный период на официальную статистику, что основывается не только на необходимости улучшения показателей работы, например, предварительного следствия, но и целого подразделения, в котором находится орган расследования, а также субъекта Российской Федерации.

2. Волокита со стороны должностных лиц органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, которая на практике, не находит сво-

---

¹ Например, в части 4 статьи 146 УПК РФ в редакции 2001 года предусматривалась возможность проведения освидетельствования до возбуждения уголовного дела, а в специальной норме – статье 179 УПК РФ исключение о возможности производства освидетельствования на стадии до возбуждения уголовного дела не предусматривалось. Как например, в части второй статьи 176 УПК РФ, регламентирующей производство осмотра. В дальнейшем законодателем Федеральным законом от 02.12.2008 № 226-ФЗ это несоответствие было устранено. Рассмотренные нормы статей 144, 182 и 183 УПК РФ в связи с указанными обстоятельствами требуют, по нашему мнению, разработки и внесения соответствующих изменений аналогично внесенным ранее в УПК РФ изменениям при несоответствии положений статей 146 и 179 УПК РФ.

его отражения ни в официальной статистике, ни, как правило, во внутренних ведомственных приказах о применении мер дисциплинарного характера к должностным лицам ее допустившим.

При этом согласно совместному приказу Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений»¹ срок проверки сообщения о преступлении, предусмотренный ст. 144 УПК РФ, при дальнейшей его передаче по подследственности исчисляется непосредственно со дня поступления сообщения о преступлении, что на практике породило повсеместную передачу по подследственности и не принятие процессуального решения на протяжении длительного периода времени, порой превышающего один, два и более лет.

На основании изложенного полагаем целесообразным предложить следующее:

1. Добавить наряду с учетом сообщений о преступлениях, передаваемых по подследственности и в отдельную категорию учет сообщений о преступлениях, передаваемых по подследственности два и более раз.

2. При передаче сообщений о преступлениях по подследственности из одного правоохранительного органа в другой, если выявленные ими преступления учитываются разными ИЦ, сообщения о преступлениях снимать с учета после получения уведомления о регистрации по месту проведения дальнейшей проверки, что позволит объективно оценивать количество поступаемых сообщений о преступлениях.

3. Возложить ответственность за неоднократную и необоснованную передачу сообщения по подследственности на начальника правоохранительного органа, руководителя следственного органа и прокурора, в случае принятия последним данного решения.

4. Расширить возможность проведения ряда следственных действий на этапе возбуждения уголовного дела, в том числе выемки и обыска.

Авторские предложения актуальны и ввиду возможности отмены законодателем стадии возбуждения уголовного дела, активно обсуждающейся в настоящее время².

Данные незначительные на первый взгляд изменения благоприятно, по нашему мнению, повлияют на разрешение сложившейся правовой неопределенности по рассмотренным в статье вопросам, будут способствовать сокращению случаев рассмотрения на протяжении нескольких лет сообщений о преступлениях при их неоднократной незаконной и необоснованной передаче по подследственности, обеспечат доступ граждан к правосудию, одним из элементов которого является проведение органами дознания и предварительного следствия объективных доследственных проверок в разумный срок в соответствии с компетенцией, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и Республики Таджикистан.

---

1 Приказ Генпрокуратуры РФ № 39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ № 1021, Минюста РФ № 253, ФСБ РФ № 780, Минэкономразвития РФ № 353, ФСКН РФ № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» // Российская газета. – № 13. – 25.01.2006.

2 См.: 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1, 2. – М., 2014; Уголовный процесс: от прошлого к будущему: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1 «Стадия возбуждения уголовного дела – за и против». – М., 2014 и др.

*ОСТАФИЙЧУК Григорий Владимирович,
доцент кафедры гражданского, хозяйственного
и уголовного права международного
университета развития человека «Украина»,
кандидат юридических наук*

ПРОВЕДЕНИЕ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ (РОЗЫСКНЫХ) ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ: ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ

Актуальность статьи включает в себя изучение отдельных положений процесса доказывания при получении, реализации, фиксации материалов, содержащих оперативную информацию. В процессе расследования уголовных правонарушений, по УПК Украины, вся информация, имеющая значение для проведения расследования, может быть получена в результате производства процессуальных, следственных розыскных, негласных следственных розыскных действий. Первый элемент правовой основы проведения негласных следственных (розыскных) действий был определен новым УПК Украины, который был введен в действие в 2012 году. Согласно УПК производство негласных следственных (розыскных) действий осуществляется только следователем или по его поручению оперативными подразделениями, которые имеют полномочия на производство негласных оперативно-розыскных действий.

Ст. 214 УПК Украины гласит, что во всех случаях, когда в подразделения милиции поступает информация, содержащая состав уголовного правонарушения, она подлежит регистрации в едином реестре досудебного расследования. После регистрации заявления, сообщения о правонарушении только следователь имеет право на производство следственных розыскных действий, фиксации доказательств, которыми изобличается подозреваемое лицо в совершении преступления.

Однако, практика знает немало примеров, когда самостоятельно раскрыть уголовное правонарушение следователь не в состоянии. Во-первых, следователь не имеет оперативных возможностей раскрытия уголовных правонарушений. Во-вторых, отдельные компоненты оперативной работы ему не известны и он не может их использовать при производстве следственных розыскных действий. В-третьих, проверить оперативную информацию следователь иногда не может в силу ее специфики. Кроме того специалисты в области оперативно-розыскной деятельности имеют не только технические возможности раскрытия преступления, но и используют человеческий фактор, а именно конфиденциального сотрудника, возможность внедрения в преступную группировку оперативного сотрудника, контроль за совершением преступления и т.д.

Изучение криминалистических методик раскрытия и расследования преступлений при получении доказательственной информации по уголовному делу порождают не только отличающий ее правовой режим, но и имеют неодинаковое методическое и тактическое значение. Это можно объяснить несколькими терминологическими определениями, которые различаются способом собирания, закрепления, фиксации, оценки доказательств. Примером можно определить

как концепцию осуществления оперативных мероприятий, которые проводят оперативные сотрудники не только в складывающихся криминалистических ситуациях, характерных для досудебного расследования уголовного правонарушения при производстве следственных розыскных действий – допросах, предъявления для опознания, обыска и т.д., но и в так называемых оперативно-розыскных ситуациях, для которых характерны методы негласной работы.

Таким образом можно сказать, что сегодня по УПК Украины гласные и негласные формы и методы раскрытия уголовного правонарушения соединены воедино, исходя из задач, которые поставлены в ст. 2 УПК Украины, а именно обеспечение полного, всестороннего, быстрого и объективного проведения досудебного расследования таким образом, чтобы виновное лицо было установлено, привлечено к уголовной ответственности, а невиновное не было незаконно осуждено.

Для раскрытия негласных форм в уголовном судопроизводстве нам необходимо обратить свое внимание на отдельные научные, хотя и спорные в отдельных положениях, формулировки.

- Второй правовой элемент проведения негласных следственных (розыскных) действий предполагает определение методов проведения негласной работы на стадии досудебного производства. В данном случае необходимо определить понятие «оперативно-розыскная ситуация» является первоначальным элементом структуры оперативно-розыскной тактики;
- назначение оперативно-розыскной тактики является создание условий для принятия правильного тактического решения;
- оперативно-розыскная ситуация включает в себя совокупность данных о событиях, условиях, обстоятельствах в которых необходимо принять решение о проведении оперативно-розыскного действия и обеспечить его реализацию;
- элементами оперативно-розыскной ситуации являются: оперативно-тактическая характеристика, условия определенного противоправного деяния, а также компетенция оперативного работника, который принимает необходимые решения для выполнения стоящей перед ним задачи¹.

С.С. Овчинский дал определение оперативно-розыскной ситуации и назвал ее оперативно-тактической. По его мнению, это «реально существующее на данный момент состояние определенного уголовного события (или связанного с ним факта) либо угрозы наступления такого события, по поводу которого осуществляются оперативно-розыскные мероприятия, условия, в которых предстоит действовать оперативнику, его возможности принять необходимые меры, формулируемые в виде конкретной задачи»².

Если сравнить УПК 1961 и новый УПК можно отметить, что перечень оперативных подразделений, осуществляющих негласную, оперативно-розыскной, поисковую деятельность сократился. Это определено тем, что новый УПК предоставил следователю полномочия по выполнению негласной следственной (розыскной) деятельности и право поручить оперативным подразделениям проведение негласной

1 Рушайло В.Б. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник. Серия специальная литература. – СПб: Изд-во Лань, 2000. – 720 с.

2 Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. – М.: ИНФРА, 2000. – 367 с.

оперативно-розыскной деятельности.

Третьим элементом правовой основы проведения негласных следственных (розыскных) действий можно определить статус оперативных подразделений, которые имеют полномочия по оперативной разработке, механизм проведения оперативно-розыскных, поисковых действий, предусмотренных законодательством Украины об оперативно-розыскной деятельности и регламентированы ведомственными нормативными актами – приказами министерства внутренних дел, Службы Безопасности Украины, Генерального Прокурора Украины.

Для определения элементов оперативной деятельности в уголовном судопроизводстве считаем необходимым проанализировать правовую деятельность оперативных спецподразделений.

УПК Украины предусматривает применение двух форм использования результатов ОРД. Во-первых, представление оперативными подразделениями фактической информации, полученной в ходе ОРД, об обстоятельствах, подлежащих установлению и использованию в соответствии с уголовно процессуальным законом по формированию доказательств следователем, для подготовки и осуществления следственных и судебных действий. Во-вторых, результаты ОРД отражаются в служебных документах оперативных работников: рапортах, справках, сводках, актах, отчетах и др. К оперативно-служебным документам могут прилагаться предметы и документы, полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Следователь получив материалы оперативного характера, в которых содержится информация может ею воспользоваться при подготовке и проведении негласных следственных (розыскных) действий.

Таким образом, использование материалов ОРД в уголовном производстве является актуальным. Это связано с усилением организованности уголовных структур, их профессионализмом и т.д. В то же время нельзя не учитывать реально существующий риск негативных побочных последствий этой деятельности. ОРД по своему характеру и особенностям связана с нарушениями прав и свобод человека. Именно поэтому использование оперативно-розыскных средств должно быть регламентировано законом.

А.А. Чувилев, С.С. Овчинский и другие ученые считают, что оперативная разработка должна иметь «качественную информацию, как ключ к надежной политике и стратегии контроля организованной преступности»¹.

Данный научный подход можно определить таким образом, что четкое понимание контроля является основой объекта правовых действия, правоприменительных сил в этой сфере, как единое целое.

Механизм проведения негласных следственных (розыскных) действий в УПК Украины еще не определен.

Во-первых, до вступления в силу нового УПК проведения негласных следственных (розыскных) действий было отнесено к полномочиям оперативно-розыскных подразделений. Во-вторых, в УПК 1961 г. было установлено, что при проведении следственных действий, которые имели элементы оперативно-розыскной деятельности и проводились в рамках уголовного дела, участники процесса имели

¹ Чувилев А.А. Оперативно-розыскное право. – М.: НОРМА, 1999. – 140 с.

право ознакомиться с процедурой проведения следственного действия, предоставить свои возражения, или обжаловать результаты проведения следственного действия. В-третьих, все элементы оперативной деятельности были предметом рассмотрения науки оперативно-розыскного права. Данные элементы были совершенно секретными, не подлежали разглашению, а научные публикации, методические разработки были доступны только для оперативных сотрудников.

В данном случае надо определить механизм проведения негласных следственных (розыскных) действий в отношении участников процесса.

Р.С. Белкин, К.К. Горяйнов, В.А. Лукашов, А.А. Чувилев и др. считают, что оперативно розыскная деятельность обеспечивается разведывательно-поисковой работой сотрудников оперативных подразделений и включает в себя выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие тайных элементов маскировки уголовных правонарушений¹.

Можно констатировать факт, что в новом УПК Украины не нашло своего отражения положение, связанное с процессом формирования, проверкой, оценкой и дальнейшим использованием оперативно-розыскной информации в процессе доказывания. Иначе говоря, речь идет о процессе оперативного доказывания, представляющего частный случай для решения задач и достижения целей, сформулированных в Законе об ОРД. Посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий орган дознания может получить данные, интересующие следствие и необходимые для раскрытия преступления.

Получив оперативную информацию, следователь может более целенаправленно проводить расследование и получить фактические данные, которые он может закреплять как доказательства.

Для успешного решения задач досудебного расследования необходимо объединение усилий следователя и оперативных подразделений на всех этапах.

Однако для успешной реализации данного положения необходима соответствующая нормативно-правовая база. В то же время анализ нормативно-правовых актов, регулирующих вид оперативно-розыскной деятельности, показывает, что на сегодняшний день существует ряд проблем, требующих дальнейшего законодательного регулирования.

Не урегулированными остаются положения, когда оперативный сотрудник получает стратегическую информацию, фактические данные и сведения о способах и методах совершения противоправных деяний. Механизм передачи информации следователю отсутствует в УПК. В связи с этим на первом этапе исследования стратегической информации следователь, совместно с оперативным сотрудником должен синтезировать элементы информации. Определить какие из них относятся к фактическим данным и закрепить их в качестве доказательств. На практике довольно сложно провести четкую границу между тактическими и оперативными данными с точки зрения динамики эффективности использования оперативных сведений. Секретность оперативного поиска обусловлена тем, что процесс подготовки и осуществления ряда противоправных действий в объективной действительности протекает скрыто.

---

¹ Горяйнов К.К. Оперативно-розыскная деятельность. – М.: ИНФРА, 2001. – 794 с.

На последнем этапе следователь определяет состав преступления, направляет уведомление о подозрении лицу, совершившему уголовное правонарушение, составляет обвинительный акт в котором излагает обстоятельства состава уголовного правонарушения.

Вывод можно сделать таким образом, что при проведении негласных следственных (розыскных) действий, элементами правовой основы является: познание действительности уголовно-правовой ситуации при проведении следственных розыскных действий, а также использование результатов оперативно-розыскных действий в уголовном судопроизводстве, основная цель которого является установление истины, изобличение подозреваемого в совершении преступления.

*ПАЛЬЧИКОВА Мария Валерьевна,
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин ФГБОУ ВПО «Российская
правовая академия (Средне-Волжский
филиал) Минюста РФ» г. Саранск*

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И СТРАН СНГ

Согласно п. 23 ст. 5 УПК РФ «определение» – любое решение, вынесенное коллегиально судами первой, апелляционной и кассационной инстанций, за исключением приговора и кассационного определения (в ред. Федерального закона № 433 от 29.12.2010 г.); п. 25 ст. 5 УПК РФ «постановление» – любое решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично; решение, вынесенное президиумом суда при пересмотре соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу; решение прокурора, следователя, дознавателя, вынесенное при производстве предварительного расследования, за исключением обвинительного заключения и обвинительного акта; **промежуточное судебное решение** – все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения. Понятие промежуточного судебного решения не является абсолютно новым термином. Правоприменители давно и активно используют его для обозначения судебных решений, принимаемых в рамках судебного разбирательства, до вынесения решения, разрешающего дело по существу¹.

Законодатель рассматривает постановления и определения через понятие решения. Следует отметить, что такой подход является вполне оправданным и его используют и уголовно-процессуальные кодексы стран СНГ. Например, в УПК Украины «определения» – все решения, кроме приговора, вынесенные судом первой апелляционной и кассационной инстанции в судебных заседаниях в коллегиальном составе. «Постановления» – решения органа дознания, следователя и прокурора, а также решения, вынесенные судьей единолично или апелляционным судом. Согласно УПК Республики Беларусь² «определение» – любое, помимо приговора и постановления, решение, вынесенное коллегиальным составом суда при производстве по уголовному делу; «постановление» – любое, помимо приговора и определения, решение,

1 Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2009 № 1527-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Аникиной Марины Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью седьмой статьи 236 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Дата обновления 11.03.2010 г. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 23 декабря 2008 г. «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» // Российская газета. – № 2. – 14.01.2009.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 16 июля 1999 г. № 295-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://pravo.levonevsky.org/kodeksby/upk/> (дата обращения: 22.05.2009 г.)

вынесенное судьей либо судом или органом уголовного преследования при производстве по материалам или уголовному делу (ст. 6). УПК Республики Узбекистан предусматривает, что «суд первой инстанции правомочен постановить приговор или вынести определение по уголовному делу»; постановления же выносятся органами следствия и прокурором. УПК Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г.) говорит о вынесении судом первой инстанции постановлений или приговоров¹.

Также через понятие решения определяется приговор (п. 28 ст. 5 УПК РФ), итоговое и промежуточное судебное решение, судебный акт. Согласно федеральному закону Российской Федерации от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» под «судебным актом» понимается решение, вынесенное в установленной соответствующим законом форме по существу дела, рассмотренного в порядке осуществления конституционного, гражданского, административного или уголовного судопроизводства либо судопроизводства в арбитражном суде².

Таким образом, судебное решение – это родовое понятие для всех судебных актов, выносимых в ходе судебного разбирательства.

Данная норма четко определяет все виды существующих судебных решений, не позволяя относить к ним резолюции, распоряжения, указания судьи³. Существенным недостатком законодательной дефиниции судебного решения является его определение путем перечисления его видов, а не существенных признаков, что является логической ошибкой. Приговор, постановление и определение представляют собой разновидности судебного решения. Согласно правилу построения определений – «определение не должно заключать в себе круга. При нарушении данного правила возникает ошибка, имеющая название «круг в определении». Суть этой ошибки в следующем: определяемое определяется посредством определяющих, а последние непосредственно или опосредованно определяются при помощи определяемого»⁴.

Для решения характерны такие признаки, как субъекты вынесения решения, основания и цель его вынесения, его форма.

Судебное решение, несомненно, является видом процессуального решения и представляет собой результат мыслительной деятельности суда (судьи).

П.А. Лупинская судебные решения определяет как правовые акты, выраженные в установленной законом процессуальной форме, в которых суд разрешает возникающие в процессе рассмотрения дела правовые вопросы, направленные на достиже-

---

1 Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://revolutio№.allbest.ru/law/00087345_0.html (дата обращения: 21.03.2007 г.)

2 Данное определение использовано также во Временном регламенте организации размещения сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на официальном сайте суда общей юрисдикции : утв. Постановлением Президиума Совета судей РФ от 17.05.2010 № 225 (ред. от 05.08.2010). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обновления 11.12.2010 г.).

3 Савченко В.А. Указ. соч.

4 Ивлев Ю.В. Логика для юристов: учебник. – М., 1996. – С. 156.

ние назначения уголовного судопроизводства¹.

Решение принимается в результате разнообразной и сложной оценки судьями достоверности различных видов информации², от данных, имеющих в распоряжении суда, от обстоятельств, установленных, познанных судом на момент принятия решения. Содержание судебного решения представляет собой конечный результат, ответы суда на вопросы, возникающие в процессе рассмотрения уголовного дела. «Это в равной мере относится к приговору как к акту, разрешающему дело по существу и завершающему разбирательство по делу, так и к решениям (определениям), принимаемым в ходе судебного разбирательства»³.

Вполне справедливо отмечено, что общие черты, присущие всем решениям в судопроизводстве, позволяют рассматривать каждое из них как элемент единой системы судопроизводства, направленной на выполнение его назначения⁴.

Поскольку судебное решение выступает родовым понятием по отношению к определениям и постановлениям, соответственно они обладают такими сущностными признаками судебного решения, как установленный порядок вынесения, условия и основания вынесения, разрешение в них законодательно определенного круга вопросов.

Таким образом, вынесение судьей решения на основании нормативно-правового акта, не являющегося источником уголовно-процессуального закона (ч. 1 ст. 1 УПК РФ), может повлечь за собой его обжалование как несоответствующего нормам УПК РФ и нарушающего права и законные интересы лица⁵.

Назначение уголовного судопроизводства должно реализовываться в каждом судебном действии путем вынесения законных, обоснованных и мотивированных постановлений (определений). Форма вынесения судебного решения предполагает порядок их вынесения, то есть основания, условия, субъектов, сроки и процедуру их составления.

Обеспечение прав личности в судебном разбирательстве будет полным настолько, насколько судья стремится к соблюдению процессуальной формы, исполнению возложенных на него законом обязанностей по достижению назначения и целей уголовного судопроизводства (процессуальная форма рассматривается нами как «совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата»⁶). Законодатель предъявляет такие требования к содержанию и форме документов, которые дают возможность судить, насколько правильно решено все

---

1 Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. – М., 2006. – С. 15

2 Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в современном уголовном процессе. – Харьков, 1979. – С. 6.

3 Пантелеев В. А. Психология судебного разбирательства по уголовному делу. – М., 1980. – С. 25.

4 Савченко В.А. Указ. соч. – С. 20.

5 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 октября 2008 г. N 11-О08-88 Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обновления 11.03.2010 г.).

6 Горшенев В.М., Недбайло П.Е. Юридическая процессуальная форма: теория и практика. – М., 1976. – С. 13.

дело или отдельный правовой вопрос, соответствует ли решение обстоятельствам дела (фактическому основанию) и правовым нормам (юридическому основанию)¹.

В суде надлежащая процессуальная форма достигается за счет строго определенного уголовно-процессуальным законом порядка действий конкретного судьи (всего состава суда при коллегиальном рассмотрении уголовных дел). От своевременности и правильности решения о назначении дела к рассмотрению или отложению судебного разбирательства, отводе судьи или других субъектов процесса, удовлетворении или отказе в ходатайстве, заявленного стороной, обеспечении гласности судебного разбирательства, зависит в конечном итоге признание самого судебного разбирательства справедливым в том смысле, которое этому понятию придает ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод².

Неотъемлемым условием соблюдения надлежащей процессуальной формы уголовного судопроизводства является специфичность условий постановления решений по делу и правового режима принятых решений³, иначе – формы вынесения постановлений и определений.

В частности, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 № 4-П говорится о возможности закрепления вынесенного решения – «в форме отдельного постановления (определения) или в качестве одной из составных частей постановления (определения)»⁴.

Несоблюдение формы их вынесения влечет признание решения не соответствующим нормам УПК РФ и его последующую отмену. Так, в кассационном порядке был отменен приговор Ромодановского районного суда Республики Мордовия от 11.12.07 г., поскольку в ходе судебного следствия подсудимым К. было заявлено ходатайство о назначении по делу в отношении потерпевшего Л. судебно-психиатрической экспертизы на предмет ее невменяемости, а председательствующим в судебном заседании оно было разрешено в нарушении ч. 2 ст. 256 УПК РФ без удаления в совещательную комнату⁵.

По данным нашего изучения процент решений, вынесенных в письменной форме составляет 5% от общего числа всех постановлений (определений), выносимых в судебном заседании (3% из которых приходится на решения, письменная форма которых обязательна).

В условиях совещательной комнаты могут быть вынесены не только те решения, перечень которых содержится в ст. 256 УПК РФ, но и любое иное решение,

1 Lupinskaya P.A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. 2-e izd., pererab. i dop. – M., 2010. – S. 12.

2 Lupinskaya P.A. Sudebnye resheniya: содержание и форма // Рос. юстиция. – 2001. – № 11. – С. 57.

3 Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – М., 1981. – С. 37.

4 Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03. 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. – № 49. – 25 марта 2005 г.

5 Кассационное определение по делу № 22-556/08 от 27. 02.2008 г. // Архив Верховного Суда Республики Мордовия. – 2008.

если суд сочтет это необходимым. Например, частные постановления (определения), которые встречаются в 6,8% уголовных дел, постановления о проведении закрытого судебного разбирательства (3,7% уголовных дел), постановление об удовлетворении ходатайства о проведении прокурорской проверки (5% уголовных дел), об удовлетворении либо отказе в удовлетворении ходатайств об отказе от защитника (15% уголовных дел) в 100% случаев выносятся в письменной форме.

Независимо от того, в какой форме выносятся постановления и определения, они должны отвечать требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ – быть законными, обоснованными и мотивированными.

Определение или постановление, не содержащие необходимого обоснования, выражающегося в должном учете всех обстоятельств дела и оценке всех доказательств, не может рассматриваться как правосудное решение суда.

Исследование кассационной и надзорной практики (1 090 постановлений и определений) Верховного суда Республики Мордовия, Архангельского областного суда, Ульяновского областного суда, Верховных судов республик Татарстан и Башкортостан по обжалованию постановлений (определений) суда первой инстанции показало, что обжалованию подвергается широкий круг решений, которыми, по мнению участников процесса, нарушены их права на справедливое и состязательное судебное разбирательство (постановления об оглашении ранее данных показаний подсудимого, свидетелей, о проведении судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, об отказе в удовлетворении ходатайства о производстве экспертизы, об избрании мер пресечения, о заключении под стражу; об отказе в приобщении к материалам дела справок и документов, частные постановления (определения). Причиной обжалования в 70 % случаев указывается немотивированность либо необоснованность принятого судебного решения, не учет в нем аргументов и позиций сторон.

Судебное решение выражает мнение суда (судьи), оно должно быть подкреплено достаточными аргументами. Только такой подход обеспечивает справедливость судебного разбирательства. При этом не имеет значения, закреплено ли решение в виде отдельного документа или занесено в протокол судебного разбирательства. Отмену приговоров влекут немотивированные и необоснованные отклонения ходатайств, касающихся судьбы доказательств: отказ в удовлетворении ходатайства о вызове свидетеля¹; необоснованно и немотивированно суд отказал в удовлетворении ходатайства стороны обвинения о вызове и допросе в качестве свидетеля². «Суд отказал в удовлетворении ходатайства осужденного о вызове и допросе в качестве свидетеля С. Достаточных оснований для отказа в удовлетворении указанного ходатайства у суда не имелось. Тем самым, в нарушении требований ст. 15, 244 УПК РФ, суд фактически не создал необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав)»³.

---

1 Кассационное определение по делу № 22-372/08 от 13.02.2008 г. // Архив Верховного Суда Республики Мордовия. – 2008.

2 Кассационное определение по делу № 22-114/07 от 07.02.2007 г. // Архив Верховного Суда Республики Мордовия. – 2007.

3 Кассационное определение № 22-492/07 от 14.01.2007 г. // Архив Верховного Суда Республики Мордовия. – 2007.

В законе не предусмотрена форма закрепления принятого решения в протоколе судебного заседания, вследствие этого вопрос о соответствии формы и содержания протокола судебного заседания остается одним из самых актуальных¹.

Протокол выступает в качестве единой правовой формы, придающей значение процессуальной допустимости как вновь сформированным доказательствам, так и тем, которые исследовались во время судебного следствия².

Соответственно, нарушение указанной формы ведет к признанию недопустимым как самого документа – протокола судебного заседания, так и отраженных в нем решений суда, пусть и вынесенных в соответствии с законом.

Так, Президиумом Нижегородского областного суда был отменен приговор, поскольку суд, в нарушение действующего законодательства, не установив чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке свидетелей в суд, огласил показания свидетелей и привел их в обвинительном приговоре. Из протокола судебного заседания следует, что осужденный Д.А.Н. и его адвокат возражали против оглашения показаний не явившихся свидетелей и настаивали на обеспечении их явки в судебное заседание. Произведенный нами анализ практики позволяет говорить, что в протоколах судебного заседания не отражаются мотивы и обоснования принятых решений, не оглашаются они (мотивы) и в суде вследствие их отсутствия. Такой подход оказывает негативное воздействие на мнение участников судебного разбирательства относительно справедливости судебной процедуры и выносимого судебного решения. Обоснование решения суда сводится к распространенной формулировке – «отказать», что позволяет сторонам лишь догадываться о мотивах принятого решения. Полное и точное закрепление в протоколе судебного заседания всех вынесенных решений в той же степени способствует реализации принципа законности, как и вынесение законных обоснованных и мотивированных судебных решений. Они должны в полной мере обеспечивать охрану и реализацию процессуальных прав участников процесса, способствовать восстановлению нарушенных прав. Кроме того, они выступают средством устранения нарушений закона и их негативных последствий, поддержания законного режима производства по уголовному делу. Рассматривая постановления и определения сквозь призму достижения назначения уголовного судопроизводства, можно выделить необходимые условия соответствия его требованию законности. В частности, оно должно быть постановленным при наличии к тому условий, установленных в законе; его вынесению или составлению должно предшествовать производство всех необходимых процессуальных действий; его постановление облечено в установленную законом процессуальную форму; оно содержит все необходимые для него реквизиты. С учетом изложенного дефинициями постановления и определения будут:

постановление – это судебное решение, выносимое судьей единолично в пись-

1 Устимов М.А., Васяев А.А. Может ли протокол судебного заседания являться надлежащим средством контроля деятельности суда судом вышестоящей инстанции (по результатам обобщения судебной практики Республики Мордовия) // Российский судья. – 2007. – № 10; Наниев А. Точный протокол укрепит доверие к суду // Российская юстиция. – 2002. – № 6. – С. 58; Исаков А.В. Протокол судебного заседания и некоторые проблемы его использования адвокатом-защитником // Юридический мир. – 2006. – № 2.

2 Будников В.Л. Указ. соч. – С. 165.

менной или устной форме в установленном уголовно-процессуальном законе порядке, по рассмотрению и разрешению в нем вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства судом первой инстанции с целью обеспечения назначения уголовного судопроизводства.

Определение – это судебное решение, выносимое судом коллегиально в письменной или устной форме в установленном уголовно-процессуальном законе порядке, по рассмотрению и разрешению в нем вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства судом первой инстанции с целью обеспечения назначения уголовного судопроизводства.

*ПАРФЁНОВ Алексей Алексеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики юридического
факультета Российско - Таджикского
(Славянского) университета*

ПРОБЛЕМЫ НЕДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Вопрос о недопустимости доказательств в уголовном процессе, на сегодняшний день является актуальным, так как в зависимости от того, на какой стадии решается данный вопрос, предусмотрен несколько различных порядок его разрешения.

На стадии предварительного расследования вопрос об исключении доказательств, признанных недопустимыми, регламентируется ст. 88 УПК РТ. Согласно содержащимся в ст. 88 УПК РТ требованиям, дознаватель, следователь, прокурор, суд, судья, руководствуясь законом и правосознанием, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению. Органы уголовного преследования дают оценку доказательствам с точки зрения их достаточности для привлечения лица к уголовной ответственности. Доказательства, полученные в процессе дознания и предварительного следствия путем применения силы, давления, причинения страданий, бесчеловечного обращения или другими незаконными способами, признаются недействительными и не могут являться основанием для обвинения, а также не применяются при доказывании обстоятельств, указанных в ст. 85 УПК РТ. Данные доказательства не подлежат включению в обвинительное заключение или обвинительный акт.

Таковы требования закона. Как видно, они носят самый общий характер, оставляя вне правового регулирования немало вопросов, с которыми органы расследования и прокуроры сталкиваются в практической деятельности. Порядок рассмотрения ходатайств и принятия судом решений об основаниях исключения доказательств из судебного разбирательства на предварительном слушании в УПК РТ не определен, в связи с чем, могут вызывать затруднений у правоприменителя и при этом могут существенно влиять на рассмотрение дела по существу.

Одной из основных причин данного положения следует признать то, что в УПК РТ не очень четко сформулировано понятие доказательства. В силу ч. 1 ст. 72 УПК РТ доказательствами по уголовному делу считаются фактические сведения, на основе которых, суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, доказанности или недоказанности совершения этого деяния и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Если же исходить из ч. 2 названной статьи, то в качестве доказательств по уголовному делу допускаются: 1) показания свидетеля; 2) показания потерпевшего; 3) показания подозреваемого; 4) показания обвиняемого; 5) показания подсудимого; 6) заключения и показания эксперта; заключения и показания специалиста; 7) вещественные доказательства; 8) протоколы следственных и судебных действий; 9) скрытые записи; 10) прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры; 11)

электронные, видео- и аудиозаписи наблюдения; 12) иные документы.

Как уже отмечалось, анализ данной нормы позволяет сделать вывод о том, что законодатель при определении понятия доказательства не выдержал логической последовательности. Так, если показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта он определил через термин «сведения», то есть ту дефиницию, которую он положил в основу понятия «доказательство», то этого нельзя сказать в отношении других видов доказательств. Например, к числу доказательств отнесены протоколы следственных и судебных действий, иные документы. Между тем протоколы, иные документы и фактические сведения вовсе не равнозначные понятия. Следовательно, в ч. 2 ст. 72 УПК РФ речь идет не о доказательствах в том смысле, как они определены в ч. 1 этой статьи, а об источниках сведений. Если строго подходить к определению показаний перечисленных выше субъектов, как оно дано в статьях 73–77 УПК РФ, то также можно усомниться в том, что под показаниями понимаются только лишь сведения. Скорее, законодатель вложил в понятие «показания подозреваемого» и других субъектов смысл не просто сведений, а протоколов допросов, в которых данные сведения зафиксированы, причем с соблюдением соответствующих требований УПК РФ.

Таким образом, есть основания утверждать, что законодатель вольно или невольно вновь возвратился к «двойственной» трактовке понятия доказательства. Если это так, то возникает вопрос о том, что должны дознаватель, следователь, прокурор, суд, судья исключать из судебного разбирательства, какие-либо конкретные сведения, содержащиеся в протоколах допросов, других следственных действий, протоколе судебного заседания, иных источниках сведений о фактах, не отвечающие требованиям допустимости, сами протоколы, иные документы, вещественные доказательства, либо и то, и другое одновременно в зависимости от конкретной ситуации.

Дело в том, что в протоколе допроса одного, например, свидетеля могут содержаться как сведения, которые отвечают требованиям относимости, достоверности и допустимости, так и сведения, не отвечающие таковым в силу, допустим, того, что он не называет источник своей осведомленности. Как поступать в данной ситуации и требованиями какой нормы руководствоваться? Если руководствоваться частью 2 ст. 72 УПК РФ, значит, исключать показания, то есть протокол допроса свидетеля в целом, если частью 1 ст. 72 УПК РФ, следовательно, необходимо исключать только те показания, которые не отвечают требованиям допустимости. Если допрос проведен с нарушениями уголовно-процессуального закона, то ответ достаточно очевиден – подлежит исключению протокол допроса в целом как источник сведений. А если допрос проведен и протокол допроса оформлен с соблюдением процессуальной формы, то тогда как: исключать часть показаний? Если часть, то какую формулировку должен использовать в своем решении суд?

Практически невозможно процессуально оформить такое решение следователю, дознавателю, прокурору. В соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ доказательства, полученные в процессе дознания и предварительного следствия путем применения силы, давления, причинения страданий, бесчеловечного обращения или другими незаконными способами, признаются недействительными и не могут являться основанием для обвинения, а также не применяются при доказывании обстоятельств

подлежащих доказыванию по уголовному делу. Согласно ст. 245, и ст. 246 УПК РФ в этих документах соответственно следователь или дознаватель указывают перечень доказательств, подтверждающих обвинение. То есть, на стадии предварительного расследования вывод следователя, дознавателя, прокурора об исключении доказательств из перечня доказательств, которые должны быть предъявлены в судебном разбирательстве, вынесения специального постановления не требует. Спрашивается, что включать в данный перечень в случае, если часть показаний свидетеля признаются недопустимыми, а часть – соответствующими этому требованию? Упоминание в перечне наименования одного источника в этой ситуации было бы явно неправильным. Следовательно, необходимо процессуальное решение соответствующего должностного лица, в котором должно быть указано, какие сведения о фактах, содержащиеся в протоколе допроса конкретного свидетеля, потерпевшего, другого допрошенного с соблюдением требований УПК РФ лица, признаются недопустимыми и исключаются из системы доказательств по делу. Подобное решение диктуется и следующими соображениями.

Как правило, в обвинительное заключение или обвинительный акт органы расследования и прокурор включают лишь доказательства, которые подтверждают непосредственно причастность лица к совершению уголовно-наказуемого деяния и его вину в этом. Причем нередко, в силу сложившейся практики, а также с целью экономии времени, сил и средств при формировании указанных процессуальных документов опускают доказательства, не имеющие, на первый взгляд, с точки зрения результатов произведенного следственного действия доказательственного значения.

Например, результаты обысков, произведенных в разных местах, у различных лиц, в ходе которых никаких предметов, документов, объектов, имеющих значение для дела, не обнаружено.

Между тем эти доказательства, как система, состоящая из сведений о том, что при обыске в данном месте, у конкретного лица ничего не обнаружено; протоколов этих обысков и способов и порядка их производства, соответствующих требованиям закона, зачастую имеют доказательственное значение. Так, существенное доказательственное значение они будут иметь тогда, когда, к примеру, по делу в отношении группы лиц, занимавшейся грабежами и разбоями, будет установлено, что до сбыта похищенного члены группы хранили его по одному адресу, где часть его (похищенного) была обнаружена и изъята. Подобных примеров можно привести достаточно много.

Здесь, однако, возникает не только весьма интересный теоретический, но и практически значимый вопрос: в этих ситуациях протоколы обысков, не включенные следователем, дознавателем, прокурором соответственно при составлении и утверждении обвинительного заключения (акта) в перечень доказательств, подтверждающих обвинение, признаются исключенными ими как недопустимые доказательства? Или все-таки сохраняют свой «нормальный» статус, так как указанные субъекты доказывания не принимали такого решения и к данному вопросу вообще не обращались. Между тем, если строго следовать норме, содержащейся в ч. 3 ст. 88 УПК РФ, не включение названных протоколов обыска в перечень доказательств, подтверждающих обвинение, означает ни что иное, как признание их недопустимыми.

ми и исключение из судебного разбирательства, что явно неправильно. Возникает и другой вопрос: если такие доказательства автоматически исключаются из судебного разбирательства, то каким образом их вводить в процесс? Надо ли для этого суду принимать решение в форме постановления или определения о признании их допустимыми, либо достаточно их представления в ходе судебного следствия государственным обвинителем? Вправе ли суд кассационной инстанции признать указанные доказательства недопустимыми и отменить решение суда первой инстанции на том основании, что в основу его положены доказательства, признанные органами расследования недопустимыми? Изложенное свидетельствует о том, что анализируемую норму необходимо совершенствовать и приводить в логически выверенное состояние. Действительно, перестройка прежнего уголовного процесса на основе положившегося принципа состязательности, несмотря на сохранение многих прежних его положений, существенно изменила конфигурацию действующих в нем норм, принципиально по-новому расставила акценты в их взаимоотношениях.

В законодательном регулировании нуждается и вопрос о признании доказательств недопустимыми, и об исключении их из судебного разбирательства на данной стадии. Как верно заметил российский ученый Е.А. Брагин, на настоящий момент УПК регламентирует только порядок исследования доказательств (ст. 309 УПК РФ), устанавливая также, что участники прений не вправе ссылаться на доказательства, которые не исследовались в судебном заседании либо признаны судом недопустимыми (ч. 2 ст. 328 УПК РФ). Однако вопрос о том, когда и как доказательства могут и должны признаваться судом недопустимыми в процессе судебного разбирательства остается открытым. Если учесть, что большинство нарушений, в связи с обнаружением которых ставится вопрос о признании доказательств недопустимыми и исключении их из судебного разбирательства, выявляется на стадии судебного разбирательства, то необходимость введения в УПК РФ нормы, регламентирующей процессуальный порядок рассмотрения данного вопроса и форму принимаемого по нему решения, не вызывает сомнения. При этом данная норма, думается, должна быть общей для всех категорий дел, для органов расследования и судов первой и апелляционной инстанций. То есть, должна быть предусмотрена в главе 9, регламентирующей вопросы доказательств и доказывания, и, кроме того, в достаточной степени конкретизирована.

Например, в судебной и прокурорско-следственной практике возникают определенные сложности при решении вопросов об исключении из судебного разбирательства вещественных доказательств. Нередко предметы, документы, которые в последующем признаются следователем, дознавателем вещественными доказательствами, осматриваются одновременно, с составлением одного протокола осмотра, к делу приобщаются одним постановлением. Без названных процессуальных документов эти предметы и документы не являются вещественными доказательствами. Поэтому, если возникает необходимость исключить из судебного разбирательства одно какое-либо вещественное доказательство, то упоминания в судебном решении лишь наименования предмета, документа недостаточно. Необходимо признавать недопустимым источником сведений и часть протокола осмотра соответствующего предмета, документа, и часть постановления о приобщении его (их) к делу в каче-

стве вещественного доказательства, что, по мнению автора, лишено здравого смысла. Возникает вопрос: как быть в этой ситуации? Уголовно-процессуальный закон на поставленные и некоторые связанные с ними другие вопросы ответов не содержит.

Было бы неправильно оставлять без внимания и следующую проблему. Суть ее заключается в том, как практически прокурор, следователь, дознаватель могут, во-первых, признать недопустимыми, а, во-вторых, исключить именно из судебного разбирательства показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные ими в суде. Если исходить из смысла ст. 88 УПК РФ, то они обязаны это сделать, поскольку согласно ее части 3 «доказательства, полученные в процессе дознания и предварительного следствия путем применения силы, давления, причинения страданий, бесчеловечного обращения или другими незаконными способами» признаются недействительными и не могут являться основанием для обвинения, без какого-либо исключения из этого правила. При этом в силу названной статьи данное доказательство не включается прокурором, следователем, дознавателем в обвинительное заключение или обвинительный акт. Нелогичность приведенных требований закона очевидна, ибо не могут знать названные субъекты доказывания, да и суд тоже, подтвердит подсудимый в суде показания, которые он давал как подозреваемый либо обвиняемый в процессе досудебного производства в отсутствие защитника, или не подтвердит. А если подтвердит, то в какой именно части либо объеме. Все это может быть выяснено только в ходе судебного разбирательства. Следовательно, ч. 2 и 3 ст. 88 УПК РФ в тех частях, которые предписывают признавать эти доказательства недопустимыми прокурору, следователю, дознавателю и не включать их в обвинительное заключение или обвинительный акт, лишена здравого смысла.

Конечно, в этом случае может возникнуть вопрос о том, как поступать тогда, когда от обвиняемого или подозреваемого прокурору, следователю, дознавателю поступило ходатайство о том, что от ранее данных в отсутствие защитника показаний они в суде откажутся. Представляется, что в этой ситуации прокурор, следователь, дознаватель должны отказать в ходатайстве, так как знать, что произойдет в суде они не могут. Вместе с тем, если предварительное расследование еще не закончено, следователь и дознаватель не вправе оставить такое ходатайство без внимания. Здесь следует дополнительно допросить обратившихся с данным ходатайством, выяснить причины обращения, проанализировать, как изменения либо отказ от показаний повлияет на фактические обстоятельства дела и на его исход вообще, и в зависимости от результата принимать решение. При поступлении такого ходатайства прокурору, получившему уголовное дело для рассмотрения в порядке ст. 247 УПК РФ, он также не вправе разрешать его основываясь только лишь на формальных положениях. Если причины изменения или отказа от показаний ставят, к примеру, под сомнение обоснованность предъявленного обвинения, то имеет смысл направить уголовное дело для производства дополнительного следствия. Не исключены и иные решения, которые предусмотрены статьями 247, 248 УПК РФ.

Сложнее, если ходатайство об исключении такого рода показаний поступает в суд на стадии назначения судебного заседания. То есть, подлежащего рассмотрению

в порядке предварительного слушания. В данный момент суд не вправе ни по собственной инициативе, ни по ходатайству сторон направить дело для производства дополнительного расследования, ибо УПК РТ не предусмотрел этого института с судебных стадий. Возвратить дело прокурору по основанию, предусмотренному в ч. 1 ст. 264 УПК РТ, нельзя по причинам, указанным выше. Возникает очередной вопрос: какое решение принимать судье в этом и аналогичных ему случаях? Безоговорочно выполнять требования ст. 88 УПК РТ? Либо все-таки исходить из реалий и конкретных обстоятельств? Последнее решение диктуется и логикой действий и иными требованиями уголовно-процессуального закона. Решение об исключении из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, показаний подозреваемого, обвиняемого, независимо от того, допрашивались они с участием либо без участия защитника, может быть принято тогда, когда будет заявлено о том, что они получены с нарушениями требований УПК РТ, а прокурор, участвующий в заседании, не опровергнет этих доводов. Если же прокурор опровергнет данные доводы стороны защиты, то только лишь по тому основанию, что обвиняемый будет отказываться в судебном разбирательстве от своих показаний, которые он дал на досудебных стадиях в отсутствие защитника, исключать его показания из перечня доказательств, представляемых в судебном разбирательстве, нельзя. Возможен ли допрос обвиняемого в этом судебном заседании с целью решения исследуемого вопроса? Представляется, что нет. УПК РТ такого положения не содержит. Кроме того, по общему правилу суд в судебном разбирательстве производит допрос подсудимого, но не обвиняемого.

В теории и практике уголовного процесса возник вопрос о том, вправе ли признавать доказательства недопустимыми и исключать их из дела суд кассационной и надзорной инстанций. Он действительно представляет определенную сложность. Ответ на него можно получить, проанализировав нормы, регламентирующие порядок рассмотрения дела в этих инстанциях, их полномочия.

В соответствии с УПК РТ суд кассационной инстанции вправе по ходатайству стороны исследовать доказательства по правилам, установленным для суда первой инстанции, принять и исследовать дополнительные материалы. Одним из безусловных обстоятельств отмены судебного решения в связи с нарушениями уголовно-процессуального закона является обоснование приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми. В то же время при отмене приговора и направлении уголовного дела на новое судебное рассмотрение суд кассационной инстанции не вправе предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, о преимуществах одних доказательств перед другими. Из приведенных требований закона можно сделать вывод о том, что полномочия суда, рассматривающего дело в кассационном порядке, не ограничены в вопросе оценки доказательств с точки зрения их допустимости. Эти ограничения и, надо признать вполне обоснованно, касаются оценки доказательств с точки зрения достоверности и относимости. Следовательно, суды этой инстанции вправе признавать доказательства недопустимыми и исключать их из дела. Вправе предложить нижестоящему суду при новом рассмотрении дела проверить доказательство с этих позиций и принять соответствующее решение.

Аналогичный вывод можно сделать относительно суда надзорной инстанции,

хотя ему не предоставлено права исследовать доказательства по правилам, установленным для суда первой и апелляционной инстанции. Однако такое умозаключение можно сделать исходя из того, что основания для отмены и изменения приговоров, определений и постановлений нижестоящих судов для суда надзорной инстанции те же, что и для суда кассационной инстанции. Кроме того, почти полностью совпадает запрет, установленный для данного суда в вопросах предрешиения судьбы доказательств. Он не вправе при рассмотрении дела предрешиять вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, достоверности или недостоверности того или иного доказательства и преимуществах одних доказательств перед другими. Ограничений с точки зрения оценки допустимости доказательств УПК не предусматривает. Вместе с тем вряд ли можно признать за данными судебными инстанциями право признавать допустимыми доказательства, которые были признаны таковыми судом первой и апелляционной инстанции. Представляется, что такое решение может быть подвергнуто сомнению, положено в обоснование отмены приговора и направления дела на новое рассмотрение, но не более. Рассматривая данные вопросы, нельзя не обратить внимание и на следующую проблему. В УПК РФ не регламентирован вопрос о том, в каком порядке должен решаться вопрос о признании доказательств недопустимыми и исключении их из дела в этих судебных инстанциях, как процессуально оформляться. Вследствие этого возникают трудности в применении данного института, что является причиной ошибок. Учитывая данное обстоятельство, по мнению автора, следовало бы статью 369 и главу 42 УПК РФ дополнить положениями о том, в каком порядке данный вопрос должен решаться и как процессуально оформляться.

Безусловно, изложенное выше не содержит полного перечня проблем, которые могут возникнуть при решении вопросов об исключении доказательств из числа доказательств, которые представляются в судебном разбирательстве. Но и затронутые позволяют сделать вывод о том, что некоторые нормы УПК РФ, регламентирующие их рассмотрение, нуждаются в совершенствовании. Кроме того, нуждается в критическом осмыслении и заложенная в ст. 72 УПК РФ концепция понятия доказательства. С целью устранения противоречий и придания нормам, регламентирующим затронутые выше вопросы, форму реально выполнимых в практической деятельности, можно предложить следующее.

1. Сформулировать в УПК РФ понятие доказательства в редакции, исключающей двойственную ее трактовку.

2. Дополнить УПК РФ ст. 72-2 под названием «Недопустимые доказательства» следующего содержания: «1. Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 85 настоящего Кодекса. Доказательства признаются недопустимыми и исключаются из дела мотивированным решением следователя, дознавателя, прокурора или суда, рассматривающего дело по существу. В решении должно быть указано, какое именно доказательство и по каким основаниям исключается.

Вопрос о признании доказательства недопустимым и исключении его из дела рассматривается судом в совещательной комнате, решение оформляется в виде от-

дельного документа.

2. К недопустимым доказательствам относятся:

1) показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде;

2) показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности;

3) доказательства, полученные в процессе дознания и предварительного следствия путем применения силы, давления, причинения страданий, бесчеловечного обращения;

4) иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса.

3. Признание доказательства недопустимым и исключение его из дела дознавателем, следователем производится с согласия прокурора.

4. Доказательства, признанные недопустимыми на досудебных стадиях производства по уголовному делу, при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта не включаются в перечень доказательств, подлежащих исследованию в судебном разбирательстве. Их перечень приводится в отдельном списке, прилагаемом к обвинительному заключению или обвинительному акту. В судебном разбирательстве доказательства, признанные недопустимыми, не исследуются, на них не вправе ссылаться участники судопроизводства, а суд – учитывать при оценке других доказательств и класть в основу принимаемых по делу решений.

5. Решения следователя, дознавателя, прокурора о признании доказательства недопустимым и исключении его из дела могут быть обжалованы в порядке, установленном главой 14 настоящего Кодекса.

6. При рассмотрении дела по существу законность и обоснованность решений о признании доказательств недопустимыми и исключении их из судебного разбирательства, принятых в ходе предварительного расследования и судебного слушания, повторно может быть проверено по ходатайству сторон или инициативе суда. Ходатайство о проверке законности и обоснованности данных решений может быть заявлено до удаления суда в совещательную комнату. Решение, принятое судом по такому ходатайству, обжалованию в апелляционном и кассационном порядке не подлежит. Оно может быть проверено по жалобе сторон или представлению прокурора наравне с другими доказательствами при проверке законности, обоснованности и справедливости приговора, постановления, определения суда».

3. Изменить ст. 88 УПК РТ, изложить часть 3 в следующей редакции: «3. Установив, что доказательство не отвечает требованиям допустимости, суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательство недопустимым и исключает его из дела».

4. Вынесение следователем, дознавателем, прокурором постановления о признании доказательств недопустимыми и исключении их из дела позволит суду и другим участникам уголовного судопроизводства точно знать, какие именно доказательства, по каким причинам, с какого момента признаны недопустимыми и не могут ис-

пользоваться в качестве таковых. Кроме того, упростит и сделает более эффективной работу вышестоящих судебных инстанций при рассмотрении жалоб и представлений прокурора, повысит гарантии того, что при пересмотре приговора, определения, постановления будут приниматься законные и обоснованные решения.

*ПОТАПЕНКО Наталья Петровна,
доцент юридического факультета ФГБОУ
ВПО «Новосибирский государственный
аграрный университет» Российской Федерации*

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

Актуальностью темы исследования «врачебных ошибок» является право человека на медицинскую помощь которая закреплена в Конституции Российской Федерации. Недостаточная эффективность уголовно-правовых норм и неудовлетворительная работа в системе правоохранительных органов в значительной мере предопределили рост преступлений, которые совершаются в сфере здравоохранения.

Охрана здоровья граждан – это совокупность мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, санитарно-гигиенического и противоэпидемического характера, а так же на сохранение здоровья и предоставление медицинской помощи в случае его утраты.

Статья 41 Конституции РФ предусматривает:

1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет соответствующего бюджета, страховых взносов и других средств.

3. Сокрывание должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом¹.

Основными принципами охраны здоровья граждан являются соблюдение прав человека и гражданина в области охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий.

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь предусмотрено так же Федеральным законом «Об оказании медицинской помощи». После перехода на рыночные отношения был рассмотрен вопрос о совершенствовании законодательства по оказанию медицинской помощи и повышению качества медицинских услуг. Следовательно, что вся система здравоохранения в России существенно отстаёт от мировой и это проявляется в связи с не совершенствованием законодательной базы, отсутствует социально-правовая и экономическая защищённость прав граждан на медицинскую помощь. Особенно это проявляется прежде всего в некомпетентности, в медицинской деонтологии, в правовом нигилизме, в незнании основных федеральных законов и других правовых норм всеми медицинскими работниками.

В связи с этим, остро возникает проблема на стадии построения правового государства и с развитием цивилизованных правоотношений в системе здравоохранения. Правоприменительная практика показывает, чем выше правовая культура у врача, чем лучше знание законов и норм медицинского права, тем выше и

¹ Конституция РФ, 2014.

качественнее их профессиональная деятельность, тем выше и качественнее лечебно-диагностическая помощь будет оказана населению. Термин «врачебная ошибка» нашёл своё отражение в медицинской литературе и в уголовном праве, как в теории, так и на практике:

Врачебные ошибки – неправильные действия или бездействия врача, при исполнении им своих профессиональных обязанностей, не являющиеся следствием его недобросовестности и не содержащие состава преступления или признаков проступка¹.

Врачебные ошибки встречаются в работе врачей всех специальностей (хирургия, терапия, анестезиология, травматология, гинекология и т.д.). Можно выделить ошибки организационные, диагностические, лечебные, профилактические и другие. При лечении одного какого-либо заболевания могут быть допущены несколько врачебных ошибок. Наиболее важной причиной является не соблюдение некоторых принципов как теоретической так и практической медицины, которые влияют на этиологию, патогенез и специфику лечения заболеваний. Многие права пациента при получении им медицинской помощи грубо нарушаются. И это выражается: в неуважительном отношении к пациенту (больному), на протяжении всего лечебного процесса (грубость, хамство); в нарушении прав пациента на получение достоверной информации о состоянии своего здоровья и тяжести заболевания, о методах диагностики и лечения, в неоказании, либо некачественном оказании медицинской помощи; в проведении медицинских экспериментов без согласия самого больного и многое другое.

Сегодня, многие руководители медицинских учреждений в сфере здравоохранения, где пациенту была оказана некачественная медицинская помощь, стараются «не выносить сор из избы». Для этого, на выгодных для самих себя условиях они предоставляют пациенту² возможность повторно получить «дополнительную медицинскую помощь» или медицинские услуги, которые послужили причиной для такого обращения. Естественно, руководители этих учреждений предотвращают возможность обращения пациента в разные инстанции (юридические консультации, правоохранительные органы, суд). В этом случае все негативные факторы для самого медицинского учреждения могут нанести более серьезные последствия. Обращения в правоохранительные органы поступают только в тех случаях, когда речь идет о преступлениях посягающие на жизнь, здоровье, имущество граждан и их общественные интересы.

Безусловно, статистические данные не отражают реальной картины криминогенности медицинской деятельности. Все преступления в системе здравоохранения характеризуются более высокой степенью латентности. Только за периоды с 2009-2013г. было раскрыто несколько правонарушений и преступлений, большинство из них составляют: получение взятки, нарушение правил уничтожения наркотических и психотропных средств, выдача фиктивного медицинского заключения, злоупотребление должностными полномочиями, незаконное

---

1 Эльштейн Н.В. Современный взгляд на врачебные ошибки // Терапевтический архив. – М.: Медицина, 2005.

2 Большой медицинский словарь, 2000.

оформление рецепта, внесение в медицинский акт ложных сведений, внесение ложных сведений в больничный лист должностным лицом, некомпетентность, не точная постановка диагноза, побочные действия после применения лекарственных препаратов, передозировка лекарственных препаратов во время наркоза, итд. Платные медицинские услуги не всегда гарантируют оказание качественной медицинской помощи. Значительная часть граждан, сталкивается с обманом в сфере предоставления им медицинских услуг (степень заболевания, точная диагностика, обязательные лечебные процедуры, назначение лекарственных препаратов и др.). Существует множество проблем, связанных с расследованием преступлений и формированием доказательственной базы. Более 50% работников суда и правоохранительных органов, указывают на неполноту достоверной информации, дописки, подчистки и иные признаки фальсификации в медицинской документации. Около 70% возбужденных в отношении медицинских работников уголовных дел прекращается на стадии досудебного разбирательства, а в отношении другой половины выносятся оправдательные приговоры.

Таким образом, только один из десяти медицинских работников, в действиях которых усматриваются признаки преступления, реально подвергаются уголовному преследованию. Большинство правонарушений и преступлений, совершаемыми медицинскими работниками не могут быть привлечены даже к дисциплинарной ответственности. Этому во многом способствует высокий уровень «сплочённости» всех медицинских работников, в том числе и судебных экспертов. На сегодняшний день к самой коррумпированной сфере деятельности относят здравоохранение. Истинное число преступлений в сфере здравоохранения нам так и не будет известно никогда. Всё зависит от решительности и более тщательного расследования дел в правоохранительных органах.

Однако, определенное представление о состоянии преступности в сфере здравоохранения дают материалы СМИ, Интернет источники и обращения граждан в юридические консультации и правоохранительные органы. Сегодня, почти в каждом регионе расследуются десятки и сотни смертельных исходов, в которых подозревают врачей и других медицинских работников. Чаще всего медицинским работникам предусмотрено наказание по двум статьям уголовного кодекса (ст.109 УК “причинение смерти по неосторожности” и ст.293УК “халатность”). Как показывает практика расследование таких дел растягивается иногда на несколько лет. А судебные приговоры поражают своей «мягкостью». Любое уголовное дело, связанное со смертью человека зависит от действия или бездействия врача, а так же от методов исследования судебно-медицинской экспертизы. Всё это является одним из основных источников доказательств по данной категории дел. Один из недостатков – очень низкое качество. Под этим специалисты понимают неполноту исследований, неоднозначные выводы, и их можно трактовать как угодно. Как правило, эксперты отказываются устанавливать причинно-следственную связь между действиями медицинских работников и наступившими последствиями.

Например, В Мордовии, в г.Темникове прохожие вызвали «скорую помощь», увидев лежащего на тротуаре человека. «Скорая» отвезла его в больницу, после «осмотра» врач распорядилась положить его в коридоре. После этого к больному так

никто больше и не подошел. На следующий день больной был уже мертв. В суде она объяснила, что больной был пьяницей, который в лечении и не нуждался. Вскрытие показало, что умерший был совершенно трезв и из-за тяжелой болезни он потерял сознание. Приговор суда: врач виновна в смерти человека, наказание: полтора года условно!

В медицинской практике существует ещё и фактор случайности, который бывает трудно прогнозировать и он тоже может привести к непредсказуемым последствиям. Данную проблему всех врачебных ошибок нельзя сводить только к вопросам диагностики и лечения. В мире нет такого государства, где бы врачи не допускали ошибок. По сей день историки продолжают спорить до сих пор, кому принадлежит выражение, ставшее впоследствии крылатым: «Errare humanum est» - «Человеку свойственно ошибаться». Причины ошибок могут быть разными. С целью предотвращения «врачебной ошибки», медицинский персонал всё чаще использует методы «оборонительной медицины».

Исходя из выше изложенного, хочется отметить что, законы Российской Федерации об охране здоровья граждан даже после внесенных изменений и дополнений на сегодняшний день эту задачу в полном объёме не решают. Все эти нормы охватили лишь часть отношений в сфере обеспечения прав граждан на охрану здоровья, где система здравоохранения является лишь составной частью для охраны здоровья. Необходима тщательная доработка всех законов РФ по охране здоровья, об оказании медицинской помощи и конечно довести их до конкретного логического завершения. Как правило, все это проявляется в законодательной неспешности, отсутствуют единое понимание стратегии развития политики государства, в области обеспечения прав граждан на охрану здоровья и права на более достойную жизнь – в прямом смысле этого слова!

*ПЧЕЛКИН Валерий Дмитриевич,
профессор кафедры уголовно-правовых
дисциплин факультета права и массовых
коммуникаций Харьковского национального
университета внутренних дел, доктор
юридических наук, профессор;*

*АРИТ Карина Владимировна,
судья Харьковского областного суда*

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ

Важной задачей современной правовой науки, нормотворчества и правоохранительной деятельности является создание правовых гарантий сбалансированного соотношения интересов личности и государства в борьбе с преступностью. Заинтересованность Украины в дальнейшей интеграции в европейское сообщество и его «продвижение» в Европейский Союз предопределило необходимость гармонизации украинского законодательства с ориентацией на защиту прав и свобод человека и гражданина, внедрение и реальное утверждение принципа верховенства права. Составляющей этой политики стала оптимизация системы органов уголовной юстиции и повышение эффективности функционирования уголовного судопроизводства.

Реформа уголовного судопроизводства в Украине – это не очередной «революционный скачок». Многочисленные «европейские» и «мировые» модели организации деятельности органов досудебного расследования и суда, без всякого научного обоснования нередко навязывались сторонниками заимствования зарубежных законодательных конструкций, которые в своем большинстве являлись неуместными, требовали осмысления и учета национальной правовой доктрины, а также особенностей правоприменения. Поэтому в основу преобразований уголовно-процессуального законодательства Украины положены многовековые национальные традиции правотворчества и положения отечественного права, которые прошли проверку временем и отвечали европейским стандартам. При этом акцентировалось внимание на положительном опыте функционирования системы органов уголовной юстиции и общепризнанных международных стандартах защиты прав и свобод человека.

Характерной особенностью принятого в 2012 году нового Уголовного процессуального кодекса Украины¹ является то, что в нем учтены ряд современных научных идей в области уголовно-процессуального права и тенденций его развития. Структурно кодекс состоит из одиннадцати разделов, каждый из которых содержит

---

¹ Кримінальний процесуальний кодекс України: прийнятий Верховною Радою України Законом № 4651 VI від 13.04.2012 р. Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України» № 4652 VI від 13.04.2012 р. – Х.: Право, 2012.

главы, параграфы, статьи.

В новом УПК Украины прослеживается тенденция определить исчерпывающий перечень принципов уголовного судопроизводства и содержание каждого из них. Расширен круг субъектов уголовного процесса (следственный судья, судебный распорядитель, залогодатель) и усовершенствован процессуальный статус некоторых из них. Предусмотрены меры обеспечения уголовного производства (судебный вызов, наложение денежного взыскания, временное ограничение в пользовании специальным правом, отстранение от должности, арест имущества), введены новые меры (домашний арест, применение электронных средств контроля). Изменен процессуальный порядок начала досудебного расследования, реализована идея дифференциации форм досудебного расследования в зависимости от тяжести совершенного уголовного правонарушения. Расследование уголовных проступков принято проводить в форме дознания, а преступлений – в форме досудебного следствия. Упразднен институт возвращения уголовных дел на дополнительное расследование, что по мнению законодателя должно способствовать повышению качества предварительного расследования. В новом кодексе детально регламентируются особые порядки производства по уголовным делам (на основании соглашений, в форме частного обвинения, на территории дипломатических представительств, консульских учреждений, судов и т.п.), вопросы международного сотрудничества при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, введен институт восстановления утраченных материалов уголовного производства.

Среди новел заслуживают поддержки и ряд других положений нового УПК Украины, в частности, соблюдение разумных сроков в ходе досудебного и судебного производств, установление надлежащих механизмов получения правовой помощи подозреваемыми, обвиняемыми, потерпевшими, внедрение элементов дистанционного правосудия, рассмотрение дела судом присяжных и т. д.

Вместе с тем, отдельным положениям присуща терминологическая неопределенность. Для обозначения основных понятий уголовного процесса иногда употребляются термины, неоднозначно воспринимаемые не только в научной среде, но и практиками. Значительное количество положений являются спорными и вызывающими критические замечания.

Например, в разделе первом «Общие положения», во второй главе кодекса (ст. 7 УПК) «Основы уголовного производства» не упоминается о таких важных принципах уголовного процесса как независимости и неприкосновенности судей и подчинения их только закону. Следует отметить, что указанные принципы имеют важное значение для обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, являются гарантиями принятия законных, обоснованных и справедливых решений. Не случайно они закреплены в Конституции Украины. В связи с этим считаем, что упомянутые выше принципы уголовного судопроизводства должны быть предусмотрены и в УПК Украины.

В главе третьей «Суд, стороны и другие участники уголовного производства» (ст. 33 УПК) дается понятие «инстанционной подсудности» и указаны суды, рассматривающие уголовные дела в первой, апелляционной, кассационной инстанциях, а также по вновь открывшимся обстоятельствам. Следует заметить, что

институт подсудности существует в уголовном судопроизводстве для того, чтобы разграничивать компетенцию только тех судов, которые уполномочены рассматривать уголовные дела по первой инстанции. Понятие подсудности не имеет никакого отношения к судам апелляционной и кассационной инстанций, к Верховному Суду Украины, поскольку они не уполномочены рассматривать уголовные дела по существу как суды первой инстанции.

Некоторые положения кодекса (п. 3, ст. 46 УПК) необоснованно ограничивают права подозреваемого и обвиняемого. Так, предусмотрено, что у подозреваемого или обвиняемого не может быть одновременно более пяти защитников. В нормативно-правовых актах, регулирующих право подозреваемого, обвиняемого на защиту, в том числе и международных, не существует каких-либо ограничений по количеству защитников, которых может себе пригласить подозреваемый или обвиняемый. Редакцию соответствующих положений кодекса можно считать ограничивающими права подозреваемого и обвиняемого на свободный выбор защитника.

Статьи кодекса, содержащие общие правила участия защитника в уголовном производстве, не предусматривают условий правомерности замены защитника в уголовном производстве. Считаем это существенным пробелом в регулировании права подозреваемого или обвиняемого иметь защитника, что может влиять на его ограничения в практической деятельности. В связи с этим предлагаем дополнить соответствующие статьи УПК положениями о том, что замена одного защитника другим может иметь место лишь по ходатайству или с согласия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Замена защитника не может осуществляться без учета волеизъявления подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Если же это сделано против их воли, то имеет место нарушение права на защиту.

В разделе II, который называется «Меры обеспечения уголовного производства», определяются понятия и виды таких мер, общие основания их применения, а также регламентируется процессуальный порядок судебного вызова, привода, временного ограничения в пользовании специальным правом, временного доступа к предметам и документов уголовного производства, временного изъятия имущества, ареста имущества и задержание лица. Выделение мер обеспечения уголовного производства в самостоятельный раздел, по нашему мнению, является спорным, поскольку в науке уголовного процесса положения о понятии, основаниях, целях применения таких мер, их виды и классификация традиционно относятся к общей части теоретического курса, а в законодательстве размещаются в разделах, посвященных общим положениям.

В то же время по мнению О.В. Каплиной¹, В.Д. Швеца² и других украинских ученых, принятый Уголовный процессуальный кодекс Украины значительно

1 Каплина О.В. Проблеми реформування кримінального судочинства України / О.В.Каплина // Досудове розслідування: актуальні проблеми та шляхи їх вирішення: наук.-практ. семінар (23 жовт. 2009р.). – Х.: Ін-т підготовки юрид. кадрів для СБУ НЮАУ ім. Ярослава Мудрого; Оберіг, 2009. – С. 44.

2 Швець В.Д Кримінально-процесуальне законодавство України: концепція і парадигми сучасності / В.Д. Швець // Теорія та практика кримінального судочинства: матеріали міжнародн. наук.-практ. конф. (Харк. 20–21 травня. 2011 р. / МВС України ; Харк. нац. ун-т внутр. Справ. – Х.: ХНУВС 2011. С.17.

отличается от устоявшихся представлений об уголовном процессе вообще. Он содержит ряд институтов, которые создают новую парадигму применения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании. Наиболее существенные новеллы включают в себя широкие возможности использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе; определение новых подходов получения и оценки доказательств. Как известно, в предыдущем УПК отсутствовала детальная регламентация оперативно-розыскной деятельности в уголовном производстве. Прежний кодекс, регламентируя порядок производства дознания по уголовным делам, определял лишь процедуры возбуждения уголовного дела, проведения следственных действий и передачи дела следователю. Его нормы предусматривали обязанность органа дознания выполнять поручения следователя о проведении следственных и розыскных действий, однако порядок их проведения и процессуального оформления последних предыдущий УПК не регламентировал.

В связи с этим, на протяжении многих лет среди ученых и практиков шла оживленная дискуссия о необходимости придания процессуального статуса оперативно-розыскной деятельности. Позиция многих ученых и практиков в сфере уголовного процесса и теории оперативно-розыскной деятельности, среди которых Е.О. Дидоренко, С.А. Кириченко, Б.Г. Розовский¹ и др., основывалась на безусловной неприпустимости самой возможности существования в правовом государстве ситуации, когда уполномоченные на то органы будто получают в уголовном судопроизводстве доказательства в непроцессуальной форме. Ученые утврждали, что признание процессуального статуса ОРД в уголовном судопроизводстве в части выявления и фиксации доказательств ни в коей мере не приводит к какой-либо ломке основных принципов уголовного процесса в контексте его целей и задач. Оперативно-розыскная деятельность по своему назначению имеет те же цели, что и процессуальная, хотя и регулируется отдельными законами. Безусловно принятие законов Украины «Об оперативно-розыскной деятельности»², «Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью»³ и других нормативных актов, способствовало укреплению правовой основы и легитимности оперативно-розыскной деятельности и способствовало процессу приведения законодательства в соответствие с реалиями современной действительности. Вместе с тем разделение деятельности по раскрытию преступлений на процессуальную и оперативно-розыскную создавало и другие проблемы. Поскольку проверка и оценка доказательств происходят на стадии досудебного расследования, то они формулируются и допускаются следователем. Но статус полученных в ходе ОРД фактических данных был не совсем определенный, что часто провоцировало возникновение препятствий на пути их использования в виде доказательств.

В новом УПК Украины законодатель видит решение этой проблемы в

---

1 Дидоренко Э.А. Процессуальный статус ОРД в уголовном судопроизводстве: монография / Э.А. Дидоренко, С. А. Кириченко, Б. Г. Розовский. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000. – 74 с.

2 Про оперативно-розшукову діяльність : Закон України : від 18.02.1992 р., № 2135–ХІІ // Верховна Рада України. – 1992. – № 22. – Ст. 303.

3 Про організаційно-правові основи боротьби з організованою злочинністю : Закон України : від 30.06.1993 р., № 3341–ХІІ // Відомості Верховної Ради України. – 1993. – № 35. – Ст. 358.

использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе применяя нормы, определенные в главе 21 УПК, которые получили название «Негласные следственные (розыскные) действия». В § 1 этой главы «Общие положения о негласных следственных (розыскных) действиях» подробно регламентированы: основания проведения негласных следственных (розыскных) действий; порядок рассмотрения ходатайств об их проведении в суде; фиксация хода и результатов этих действий и их использование в доказывании; порядок уведомления лиц, в отношении которых они проводились и другие вопросы.

По мнению А.М. Бандурки¹ важным условием обеспечения прав и свобод граждан является законодательное определение сроков проведения негласных следственных (розыскных) действий, что подчеркивает временность ограничения прав и свобод граждан. Такой срок действия постановления следственного судьи о разрешении на проведение негласного следственного (розыскного) действия не может превышать два месяца. Общий срок, в течение которого по одному уголовному производству может проводиться негласное следственное (розыскное) действие, согласно ч.4 ст. 249 нового УПК Украины не может превышать шести месяцев.

В УПК Украины (§ 2.) рассматривается вопрос «вмешательства в частное общение» под которым законодатель понимает доступ к содержанию общения в условиях, когда участники общения имеют достаточные основания считать, что оно является частным. Разновидностями такого вмешательства в частное общение являются: аудио-, видеоконтроль лица; арест, осмотр и выемка корреспонденции; снятие информации с телекоммуникационных сетей и с электронных информационных систем.

Кроме того следователю предоставляется право: обследования публично недоступных мест, жилья или иного владения лица; установления местонахождения радиоэлектронного устройства; наблюдение за лицом, вещью или местом и проведение аудио-, видео контроля.

В ходе контроля за совершением преступления (ст.271 УПК) предусмотрено осуществление уже применяемых на практике оперативно-розыскных мероприятий, таких как: контролируемая поставка; контрольная и оперативная закупка; специальный следственный эксперимент; имитация обстановки преступления.

Процессуальный статус «приобрел» и агентурный метод получения информации. Статья 272 УПК Украины «Выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации» предусматривает, что во время досудебного расследования тяжких или особо тяжких преступлений могут быть получены сведения, вещи и документы, имеющие значение для досудебного расследования, лицом, которое в соответствии с законом выполняет специальное задание, участвуя в организованной группе или преступной организации или участником указанной группы или организации, который конфиденциально сотрудничает с органами досудебного расследования.

А статья 275 УПК Украины «Использование конфиденциального сотрудничества» дает право следователю при проведении негласных следственных

---

¹ Бандурка О.М. Теорія і практика оперативно-розшукової діяльності: монографія. – Харків: Золота миля, 2012. – С. 17.

(розыскных) действий использовать информацию, полученную в результате конфиденциального сотрудничества с другими лицами, или привлекать этих лиц к проведению негласных следственных (розыскных) действий в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом.

Считаем, что такое законодательное решение вопросов использования возможностей оперативно-розыскной деятельности уголовном процессе имеет крайне важное значение. Оно безусловно требует внесения изменений в действующее законодательство, регулирующее оперативно-розыскную деятельность¹.

Принятие нового Уголовного процессуального кодекса Украины и связанных с ним изменений внесенных в другие законы Украины позволяет сделать важный шаг в направлении утверждения верховенства права и развития Украины как правового и демократического государства, основной целью деятельности которого в сфере уголовного судопроизводства является не только наказание виновного, но и обеспечение отношения к нему как к личности, предоставлении такому лицу больше возможностей для эффективной защиты своих прав, свобод и интересов.

---

¹ Пчолкін В. Д. Проблеми реформування кримінально-процесуального законодавства / В.Д. Пчолкін, Ю.П. Янович // Форум права. – 2011. – № 4. – С. 611–616 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2011-2/11pvdovu.pdf>

РОЗОВСКИЙ Борис Григорьевич,
ведущий научный сотрудник Института
экономико-правовых исследований НАН
Украины, Заслуженный юрист Украины,
доктор юридических наук, профессор

ОБ ЭКОНОМИИ ПРОЦЕДУРЫ ПРАВОСУДИЯ

Сегодня в украинском уголовном процессе происходит нивелирование стадии досудебного расследования. За эйфорией новых тенденций (у американцев есть поговорка: тенденция сильнее фактов) теоретики уголовного процесса почему-то не видят очевидную ущербность осуществляемых попыток «списания в утиль» досудебного расследования. В работе, наоборот, подчеркивается потенциал возможностей повышения эффективности судебной стадии уголовного процесса при условии существенной реорганизации процедур стадии Досудебной.

Преступность во всех её проявлениях была и остаётся извечной проблемой общества. Актуальность борьбы с ней нарастает с каждым поколением. Ныне рост преступности в большинстве стран мира опережает рост численности населения, раскрываемость преступлений остается стабильно низкой, эффективность наказания далека от желаемой. По мере гуманизации правосудия, растут и без того высокие затраты на его осуществление, весомым бременем ложащиеся на правопослушную часть населения. На Западе сформировалась целая отрасль знания – экономика правопорядка, однако ни в Украине, ни в Российской Федерации, несмотря на очевидную потребность, она не получает развития. В настоящей работе предпринимается попытка наметить некоторые пути сокращения расходов на осуществление одной из стадий уголовного процесса – досудебного производства, что позитивно отразится и на последующих стадиях.

Два суда в одном процессе

Отправная установка: избыточная экономическая затратность правосудия означает недопустимую в цивилизованном обществе дополнительную социально-психологическую нагрузку на потерпевшего, подозреваемого, свидетелей, других участников процесса. Однако попытки исследовать цели правосудия в комплексе со средствами их достижения, определить, насколько велик перечень сопутствующих социальных издержек, взвесить, сколько здоровых «клеток» общества несут неоправданную нагрузку при применении мер правового «лечения», какой социальной ценой достигаются запланированные результаты не предпринимаются.

Я давно задумался над возможностью упростить некоторые составляющие уголовного процесса в целях повышения его эффективности. Отдельные предложения изложил в статьях, опубликованных в Украине и России, однако опрометчиво адресовал их будущему¹. На деле уподобился, по-Мейерхольду, вулкану, извергающему

¹ Розовский Б.Г. Уголовный процесс: попытка подсмотреть будущее / Библиотека криминалиста. Научный журнал. – М., 2014. – № 8. Частично измененный вариант: Розовский Б.Г. Народный суд

вату: речь шла всего лишь об элементарном реформировании существующего уголовного процесса. Чтобы не утруждать уважаемого читателя поиском моих публикаций, коротко изложу их суть вместе со сделанными затем изменениями и дополнениями.

При трезвой оценке якобы спрогнозированное там будущее уже давно на пороге научно–практического уголовного процессуального дома. Требуется лишь широко открыть двери. Понимаю, мне одному, с учётом немногих оставшихся лет жизни, решить задачу трудно. Делаю частные наброски. Исхожу из того, что пока будущая магистральная трасса уголовного процесса даже не в проекте, не грех заняться повышением благосостояния существующих дорог. И не только путем реконструкции или капитального ремонта – это требует коллективных усилий. Полезно также где-то подсыпать песочка, чтобы машины не буксовали, засыпать ямку или прокопать канавку для стока воды. Этим и займусь. (Из-за ограниченного размера статьи не буду вступать в дискуссию, исключу – пусть простят меня авторы – цитирование).

Сегодня преступник, при всей специфике, подвергается двум полнокровным судам: первый приговор, именуя его обвинительным актом/обвинительным заключением, ему выносят следователь и прокурор, второй – суд. Различие лишь в том, что в первом варианте мера наказания логикой изложения фабулы предопределяется, во втором она реализуется, назначается. На практике в подавляющем большинстве в содержании обвинительного акта и приговора принципиальных отличий не наблюдается.

Парадокс достигает апогея в новом украинском уголовном процессуальном законодательстве. По завершению досудебного расследования его материалы автоматически превращаются в спам, макулатуру: в суд они не направляются, остаются лежать на столе у прокурора, утвердившего обвинительный акт. Более того, в соответствии с ч.4 ст.95 УПК Украины суд не вправе обосновывать судебные решения показаниями, предоставленными следователю, прокурору или ссылаться на них.

Идея понятна: ничтоже сумняшеся ретранслировали западные образцы. Однако законодатель, вопреки логике и здравому смыслу, счел необходимым сохранить на досудебной стадии дотошно регламентированный старый порядок сбора и фиксации этого будущего спама, не попытался реформировать, с учетом новых реалий, требования к сбору и оценке доказательств. А оснований и возможностей к этому более, чем достаточно.

У меня наивный детский вопрос: если материалы предварительного расследования ныне не направляются в суд, зачем сохранили и даже ужесточили существовавшую процедуру их оформления?

Начну с простейшего. В абсолютном большинстве результаты досудебного расследования фиксировались на бумажных носителях и в таком виде направлялись в суд. Если теперь они в суд не направляются, нужна ли традиционная форма их фиксации? Допустимы два варианта. Первый – вместо бумажного носителя вводится (где возможно) компьютерный вариант документирования. В целях упрощения и сокращения сроков ознакомления подозреваемого, его защитника, потерпевшего, дру-

---

и народный следователь: из прошлого в будущее / Юридичний вісник України. – К., 2014. – № 27, 28

гих лиц с материалами завершеного расследования он им передается в постоянное пользование. Компьютерный вариант всех имеющихся процессуальных документов они могут изучать в любое, из отведенного, время, в любом удобном для них месте. Позитивная сторона решения – возможность беспрепятственно прибегать для консультаций к помощи специалистов, через интернет, прессу, другим путём обращаться за поддержкой к общественности. («Жюри присяжных – весь народ». А.В. Смирнов). Следователь освобождается от необходимости непроизводительно тратить время, выполняя роль зрителя за сохранностью материалов производства при ознакомлении сторон. Тенденция сформировалась: на электронные документы переходят хозяйственные суды/арбитраж, равнозначность документа на бумажных и электронных носителях признают нотариусы. От цифры, судя по всему, уже никуда не деться.

Второй вариант. Да, на ознакомление с протоколами по окончании расследования уходит уйма времени, но несравнимо больше – на само их составление. Давайте дополним УПК регламентаций возможности использования сертифицированных аудиозаписывающих устройств и будем с их помощью синхронно фиксировать показания допрашиваемых. Для дальнейшей ориентации (когда, где, что записано) по каждой аудиозаписи следователь составляет справку с кратким изложением содержания и приобщает её к производству. Подписывать её кем-либо из других участников процесса представляется излишним – процессуальным документом остается аудиозапись. В целях предупреждения её фальсификации потребуется создать технические средства защиты, вплоть до специального депонирования. Это элементарное дело техники. Нет проблем и с прослушиванием записи в суде, если таковое потребуется. По сообщению Председателя Верховного суда РФ В. Лебедева, вносится законопроект о переходе к электронным протоколам судебных заседаний, составленным на основе аудиозаписи. Российские суды к этому готовы, Украина будет навёрстывать упущенное. – Рационально, экономически (весьма существенно) эффективно. Что может препятствовать?

С принятием предлагаемого подхода появляется возможность распространить сложившуюся в судах практику допроса с применением видео-конференц-связи на стадию досудебного расследования. Проведение, в случае необходимости, таким способом допросов потерпевших и свидетелей, не требующих применения особых тактических приёмов, позволит существенно сократить затраты времени и финансовых ресурсов.

Уроки одного дела

Нетрадиционный вопрос: все ли поступающие следователю материалы подлежат приобщению в дело (в Украине производство)? Воспользуюсь показательным примером. Утром 17 августа 2009 года на Саяно-Шушенской ГЭС поток воды сорвал крышку гидроагрегата № 2 и хлынул в машинный зал. Крупнейшая на постсоветском пространстве гидроэнергетическая техногенная катастрофа унесла 75 жизней; одна погибшая была беременна. Енисею нанесен экологический ущерб, в деньги не конвертируемый. Причиной катастрофы признано разрушение шпилек крепления крышки турбины к её статору. Это, в свою очередь, явилось следствием повышенной вибрации гидроагрегата.

Обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 143 УК РФ (нарушение правил безопасности при ведении работ, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц и причинение крупного ущерба), предъявлено семерым должностным лицам. Расследование длилось 5 лет. До окончания расследования истёк срок привлечения к ответственности, предусмотренный данной статьёй. Уголовное дело прекратили, но возмущенные потерпевшие, поддержанные жителями посёлка Черёмушки, перекрыли дорогу на станцию. Постановление о прекращении дела отменили, действие виновных перекалвалифицировали на ч. 3 ст. 216 УК РФ (нарушение правил охраны труда), где санкция выше – показательный пример неопределенности норм уголовного законодательства, вольного их толкования – и продолжили расследование.

Обвиняемые и защитники намерено затягивают ознакомление с материалами дела, которое длится уже более года. Их ограничивали в сроках, но дело состоит из 1213 томов (!) – по масштабу это поселковая, а то и районная библиотека. Научно обоснованные сроки ознакомления определить трудно¹. (Этот вопрос включён в повестку дня Совета Федеральной палаты адвокатов).

Что делать?

Ситуация типична по многим делам. Её решение видится не столько в научном обосновании сроков ознакомления с материалами дела (попытке сделать из флегматичного мерина рысака, хотя и это актуально), сколько в процессуальной регламентации порядка формирования самого дела. Сегодня следователь – это кладовщик, архивариус абсолютного большинства всего того, что к нему поступает. Анализ и оценка необходимости приобщения каждого документа, какой бы относимый и допустимый он не был, по общему правилу не делается. Отсюда и насчитывают многие уголовные дела десятки, сотни, в описываемом случае – тысячи томов.

Давайте не заангажированно, профессионально оценим информацию. Начну с простейшего. Судебно–медицинскому исследованию подверглись 75 трупов погибших при аварии. Причина смерти всех одна, она никем не оспаривается. Но в деле 75 объёмных актов экспертизы с описанием вскрытия каждого трупа и одинаковым заключением. Что мешало следователю предложить составить один акт экспертизы со сводным заключением (без материалов вскрытия каждого трупа) о причинных смерти пострадавших? На доказывании вины обвиняемых это не отразится, но ограничить злоупотребление обвиняемых и защитников временем ознакомления с материалами дела позволит существенно. Такая практика будет эффективной по другим делам о железнодорожных, авиа- и автокатастрофах.

Пойдем дальше. Причина аварии определена. Обвиняемые её не оспаривают. Есть соответствующее заключение экспертов. Оно сопровождается многостраничным описанием множества исследований шпилек крепления крышки турбины к её статору, причин повышенной вибрации гидроагрегата и ряда других. Некоторые из них даже не были использованы экспертами при формировании заключения, но все в дело подшиты. Зачем?

У меня на памяти уголовное дело из собственной следственной практики времен СССР. Ревизия выявила недостачу товаров на крупной базе материально-тех-

¹ Тарасов А. Монетизация смерти / «Новая газета». – № 103. – 2014. – С. 16.

нического снабжения. На десятке складов произвели снятие остатков тысячи наименований товаров. Все они описаны и приложены к акту ревизии. Там же материалы произведенных встречных проверок с поставщиками и потребителями. Заключение ревизоров занимало десятков страниц, а приложения – два тома. Признаюсь, я тогда был молодой, «зелёный» и всё это приобщил к делу. Но сегодня понимаю, следователь не робот, он в состоянии определить, наличие каких документов достаточно для предъявления обвинения виновным и доказательства их вины, и не приобщать к делу излишние, оставляя в наблюдательном производстве. Здесь не требуется вносить какие-либо изменения в УПК, никакие ограничения в этой части и так не предусмотрены. Надо лишь преодолеть привычку. Эффект предсказуем.

Пойдем ещё дальше. По общему правилу, в материалах ведомственного расследования содержатся письменные объяснения тех или иных лиц. Ныне объяснения приравнены к доказательствам. Но следователь, приняв дело к производству, непременно этих лиц допрашивает, даже если обвиняемые содержащаяся в них информацию не оспаривают, без оговорок подписали акт ведомственного расследования со всеми приложениями. – Зачем нужно заниматься дублированием? Поскольку в Украине протоколы допроса вместе со всем производством в суд не направляются, не проще ли лиц, чьи объяснения есть, без последующего допроса прямо включить в список свидетелей, подлежащих вызову? Что мешает регламентировать такой порядок в России?

Существенный вопрос. Свидетель при допросе предупреждается об ответственности за дачу ложных показаний и эта мера как бы служит гарантией получения от него объективной информации. Но вдумайтесь: проводится ведомственное расследование авторитетной государственной организацией, именно её выводы определяют дальнейшее движение дела, судьбу виновных и удовлетворение ожиданий потерпевших. И вот там объективность показаний свидетелей процессуально не гарантируется. А любой, даже начинающий, следователь знает, как трудно потом получить правдивые показания свидетеля, который в объяснении по какой-то причине написал неправду. Не рационально ли специально оговорить в законе единый процессуальный порядок сбора и фиксации информации об обстоятельствах совершения преступления всеми уполномоченными на то органами?

В Украине регламентировано право сбора доказательств подозреваемым, его защитником и потерпевшим. Полагаю, это право необходимо распространить на гражданского истца и ответчика. При всей парадоксальности, не вижу каких-либо препятствий, если все они, как субъекты уголовного процесса, будут наделены правом предупреждать лиц, от которых получают информацию, об ответственности за её неправдивость при выявлении этого факта органами расследования или судом.

Следователь и только следователь

Проблема в определенной части имеет и другое решение. Как свидетельствует практика, ведомственное расследование проводится в значительной мере автономно от аналогичной деятельности правоохранительных органов. Следователи ожидают заключения ведомственных специалистов и лишь затем приступают к проверке и процессуализации собранных доказательств. Но почему вообще допускается самостоятельное ведомственное, правительственное и еще какое-то расследование совер-

шенного преступления? Где, в каких нормах УПК такого рода расследование регламентируется? За объективность и качество расследования в конечном итоге отвечает следователь, и он обязан с первой минуты его возглавлять, определять (согласовывая со специалистами) кто и по каким вопросам должен быть допрошен, какие экспертизы проведены, какие доказательства приобщены к делу.

Однако возможности следователя не ограничиваются снижением нагрузки на потерпевшего, подозреваемого, его защитника, свидетелей на досудебной стадии уголовного производства. Известный российский процессуалист И.А. Зинченко, которому я признателен за консультации и помощь в сборе информации, обратил внимание: по новому УПК Украины суды первой инстанции (районные, городские, районные в городах, межрайонные) некоторые категории производств рассматривают коллегиально. До этой новации системно нарушались установленные законом сроки из-за запредельных нагрузок судей, что зафиксировано в проведенных анализах. А что будет сейчас? – Станут раздувать штаты и всё равно плодить волокиту. Но в руках следователя есть действенные рычаги снижения нагрузки путём оптимизации исследования доказательств в судебном заседании.

В основу может быть положен предусмотренный действующим УПК механизм разрешения производства при заключении соглашения о примирении сторон. Кодексом регламентируется данный порядок при полном признании подозреваемым своей вины. Но на практике отнюдь не редки случаи, когда он признает себя виновным в совершении преступления частично, соглашается с одними эпизодами и имеющимися по ним доказательствами, и оспаривает другие. Тем не менее в обвинительном акте следователь обязан воспроизвести полную картину совершенного преступления и представить суду все без исключения собранные доказательства. А зачем? Почему нельзя отсеять не оспариваемое ещё на стадии расследования?

Несмотря на кажущуюся простоту постановки вопроса, в нём есть подводные камни. В обвинительном заключении (в Украине – обвинительном акте) содержится не просто перечень собранных доказательств, но и их трактовка, анализ, на основании которого делается вывод о виновности обвиняемого (в Украине – подозреваемого). Как известно, у каждого автора может быть своя, порой противоположная, интерпретация одних и тех же событий и фактов. Наглядным примером может служить дискуссируемое до наших дней определение победителя в Бородинском сражении. Допустимо тоже в позициях следователя/прокурора и подозреваемого/защитника. Чтобы исключить возможные ошибки, обвинительное заключение/акт мною рекомендовалось составлять и выносить на обсуждение не после, а до ознакомления обвиняемого и защитника с материалами дела.

Предлагалось по завершению расследования, наряду с обвинительным заключением, составлять заключение/акт защиты и добиваться максимального согласования позиций сторон с тем, чтобы в суде подлежали рассмотрению только те вопросы, где единство оценок не было достигнуто. Соответственно сокращается перечень лиц, подлежащих вызову в суд и сроки рассмотрения дела. (Допустимо оба заключения размещать на одном, разделенном на две части, листе, где каждому доказательству обвинения будут противопоставляться доводы защиты. Там, где возражений нет, ставится прочерк. Такие факты по согласованию сторон на рассмотрение суда не

выносятся. Возражения защиты анализируются, при необходимости возобновляется расследование и повторяется процедура составления сводного обвинительного заключения – заключения защиты).

Резервы для совершенствования организации правосудия, снижения физической и психической нагрузки на его участников есть. Они будут увеличиваться по мере нарастания и совершенствования информационных технологий, повышения уровня научной подготовки работников правоохранительных и судебных органов.

*РОССИНСКИЙ Сергей Борисович,
доцент кафедры уголовно-процессуального
права Московского государственного
юридического университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат
юридических наук, доцент*

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ни одна проблема уголовно-процессуальной науки и практики, ни один институт уголовно-процессуального права не вызывали такого количества бурных дискуссий, какие традиционно были и остаются присущи вопросам доказывания по уголовному делу. И в этом нет ничего удивительного! Ведь процессуальное доказывание представляет собой ни что иное как специфическую разновидность познавательной деятельности. На протяжении всего периода развития доказательственного права учеными предлагались различные подходы к определению сущности уголовно-процессуальных доказательств и процесса доказывания по уголовному делу. В настоящее время доминирующие позиции в этом вопросе занимает возникшая в 60-х годах прошлого века на фоне развития кибернетических знаний так называемая информационная теория. Как известно она предполагает рассмотрение доказательств по уголовному делу в качестве информационных сигналов, поступающих из объективной действительности в сознание субъекта доказывания и способствующих формированию там соответствующих познавательных образов¹. Иными словами, советские ученые-процессуалисты фактически приблизились к концепции о познании (доказывании) обстоятельств уголовного дела на основе неких субъективных образов, запечатленных в сознании дознавателя, следователя, судьи. Однако эти научные идеи так и не получили своего дальнейшего развития, возможно из-за потенциальной опасности возникновения определенных противоречий с марксистско-ленинской теорией познания.

Для справедливости следует обратить внимание, что советский диалектический материализм вовсе не отрицал наличия субъективных познавательных образов, а, напротив, утверждал об их существовании². Упоминание образов встречается и

---

1 См. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. – М.: Юрид. лит., 1964. – С. 83–86; Дорохов В.Я. Марксистско-ленинская гносеология – основа теории доказательств. // В кн. Теория доказательств в советском уголовном процессе. / Отв. ред. Н.В. Жогин. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 215–217; Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 72–73; Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. – М.: Юристъ, 1997. – С. 136–137; Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. – Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2004. – С. 10–15.

2 См., например, Нарский И.С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. – М.: Знание, 1966. – С. 34; Дейнеко Н.И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). Киев–Одесса, Вища Школа, 1978. – 87 и т.д.

в работах В.И. Ленина¹. Но, вместе с тем, советские философы относились к данной проблеме с большой осторожностью, не выходили за рамки «дозволенного». В противном случае возникала реальная «опасность» перехода на позиции идеализма, который подвергался резкой критике. В частности, Н.К. Вахтомин специально отмечал, что идеалисты извращенно толкуют активную роль субъекта в познании, превратив его творца действительности, в некоего демиурга².

Однако в настоящее более не существует никаких идеологических преград для возможности рассмотрения теории уголовно-процессуального доказывания вне зависимости от постулатов марксизма-ленинизма. Вместе с тем, подобная ситуация вовсе не должна обуславливать полное отвержение концепции диалектического материализма в вопросах расследования и судебного разбирательства уголовных дел. На наш взгляд, диалектический материализм успел хорошо себя зарекомендовать в качестве всеобщего метода познания в теории уголовно-процессуального доказывания. Тем более что это философское учение наследует многие другие мировоззренческие идеи и направления, история которых насчитывает не одну сотню лет. Как отмечается в литературе, диалектико-материалистическое учение об истине является приемником классической концепции истины и вместе с тем представляет собой качественно новый этап в ее развитии³. А истоки самой классической концепции восходят к античной философии; первые попытки ее теоретического осмысления были предприняты еще Платоном и Аристотелем⁴.

Представляется, что полное игнорирование диалектического материализма в вопросах теории уголовно-процессуального доказывания будет явно неконструктивным и также имеющим идеологическую окраску, но только с противоположным знаком. Мы полагаем, что современные подходы к сущности познания в уголовном судопроизводстве должны носить более умеренный, в некотором роде компромиссный характер.

В связи с изложенным мы не видим никаких причин для поиска принципиально иных, альтернативных концептуальных подходов к сущности уголовно-процессуального познания. Мы согласны с А.А. Давлетовым, считающим, что содержание уголовно-процессуального познания не может быть выяснено без привлечения диалектической теории познания. Она необходима в качестве методологической основы как для толкования правовых норм, регламентирующих познание по уголовному делу, так и для выявления иных, не урегулированных законом ее сторон и, в итоге для получения системной и целостной картины уголовно-процессуального познания⁵. Однако при этом существующий диалектико-материалистический подход не должен быть лишен возможности заимствования отдельных положений и взглядов из области других философских учений.

1 См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. – М.: Политиздат, 1968. – С. 114.

2 См.: Вахтомин Н.К. О роли категорий сущность и явление в познании. – М.: АН СССР, 1963. – С. 12.

3 См.: Чудинов Э.М. Природа научной истины. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 35.

4 См.: Там же. – С. 13.

5 См. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997. – С. 20.

Методологически отталкиваясь от информационной теории доказательств, в настоящее время наибольшие усилия в этом сегменте уголовно-процессуальной науки следует направить именно на рассмотрение и исследование вопросов, связанных с познанием дознавателем, следователем или судом обстоятельств уголовного дела на основании мысленных образов, то есть на том, чего так не хватало советской процессуальной науке. Это позволит по-новому взглянуть на достоинства и недостатки различных видов доказательств и, следовательно, наметить новые подходы к оценке их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела.

Итак, одним из базовых положений для информационной теории доказательств является тезис о том, что субъект познания получает отраженную информацию от объекта посредством сигналов, передающихся в определенной форме. В кибернетике под сигналом обычно понимается тот или иной физический процесс, несущий информацию о событии, явлении, объекте, то есть как бы выступающий в роли модели этих события, явления или объекта¹. Таким образом, содержанием сигнала является сама информация, а его формой – способ передачи (например, изменение предмета, акустические колебания и т.д.). Дознаватель, следователь, судья, осуществляя познавательную деятельность посредством проведения процессуальных действий, различным образом взаимодействуют с объектами познания, получая от них соответствующие информационные сигналы.

В этой связи следует согласиться с представителями информационной теорией доказательств в уголовной процессе, предполагающей субъективные механизмы психического отражения (восприятия, ощущения, представления) поступающих информационных сигналов и формирования на их основе определенных знаний об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу². Но вместе с тем, нам представляется не совсем аргументированным тезис о том, что психическое отражение имеет материальный характер, поскольку связано с объективно существующей нервной системой и организмом человека.

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Большинство философских систем, сложившихся в Новое время, выделяют два основных этапа познания: чувственное и рациональное³. Причем современные научные исследования свидетельствуют о неравномерном соотношении чувственного и рационального познания у различных типов личностей. Так, известный отечественный психофизиолог Н.Н. Данилова выделяет художественный, мыслительный и средний типы личности. Художественный тип характеризуется преобладанием первой сигнальной системы и восприятием действительности цельными чувственными образами без их разделения на части. У мыслительного типа, наоборот, усилена работа второй сигнальной системы, резко выражена способность отвлечения от реальности, основанная на стремлении анализа, разложения действительного на части с последующим соединением этих частей

---

1 См. например, Полетаев И.А. Сигнал. – М.: Советское радио, 1958. – С. 25–27; Куликовский Л.Ф., Молотов В.В. Теоретические основы информационных процессов. – М.: Высшая школа, 1987. – С. 67–69.

2 См. Дорохов В.Я. Указ. соч. – С. 216; Балакшин В.С. Указ. соч. – С. 13.

3 См. Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова. – М.: Норма, 2005. – С. 558.

в целом. Для среднего типа свойственна уравновешенность функций обоих сигнальных систем этом¹. При этом она отмечает, что большинство людей принадлежат к среднему типу. Ссылаясь на знаменитого русского физиолога И.П. Павлова, она пишет, что ярко выраженные «художники» и «мыслители» – это люди с психическими отклонениями, «поставщики нервных и психиатрических клиник»².

Принимая во внимание существующие в государстве механизмы проверки и оценки профессиональной пригодности судей, дознавателей, следователей, полагаем, что гипотетически все эти лица являются психически нормальными, относящимися к среднему типу. Вместе с тем у каждого из них соотношение «мыслителя» и «художника» осуществляется в разных пропорциях. Каждый субъект познания обусловлен сугубо индивидуальными особенностями отражения объективной действительности.

Чувственное познание человеком окружающего мира имеет первичный характер. Оно связано с деятельностью органов чувств, сенсорной системы³ и мозга. В процессе чувственного познания возникают ощущения, восприятия, представления.

Ощущение является простейшим и исходным элементом, как чувственного познания, так и всего человеческого сознания⁴. Этот элемент чувственного познания выступает в роли одного из базисов по отношению к высшей психической функции человека. Ощущения формируются с помощью анализаторов, данных человеку от природы и состоящих из рецептора (периферической части), нервного пути (нейрона), проводящего полученную информацию от рецептора в кору головного мозга, и нейросенсорной зоны, то есть области локализации ощущений⁵. Важную роль в ощущениях играют сенсорные рецепторы, являющиеся составной частью органов чувств. Посредством работы рецепторов поступающие сведения преобразовываются в соответствующие нервные импульсы, то есть проходят процедуру кодирования⁶. В зависимости рецептора можно выделить зрительные, слуховые, обонятельные и другие ощущения.

Восприятие представляет собой более сложный психический процесс, связанный, связанный с преобразованием ощущений в мысленные образы. Этот элемент высшей психической функции человека, пожалуй, занимает, центральное место в механизме чувственного познания. Именно через восприятие поступающие посредством сенсорной системы материальные по своей природе нервные импульсы (коды) трансформируются в идеальные конструкции – перцепты⁷.

1 См.: Данилова Н.Н. Психофизиология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 272.

2 См.: Там же. – С. 273.

3 Под сенсорной системой в психофизиологии понимается часть нервной системы, которая воспринимает внешнюю информацию, передает ее в мозг и анализирует ее. См., например, Основы психофизиологии: учебник / отв. ред. Ю.И. Александров. – М.: ИНФРА-М, 1998. – С. 55.

4 См.: Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова... – С. 560.

5 См.: Визель Т.Г. Основы нейропсихологии: учебник для студентов вузов. – М.: В.Секачев, 2013. – С. 18.

6 См. Основы психофизиологии: учебник / отв. ред. Ю.И. Александров... – С. 48–49.

7 Перцепт – то, что воспринято. Перцепт не следует путать с каким-либо физическим объектом или энергией, которая воздействует на рецептор. В конечном счете перцепт – феноменологическое или чувственное понятие; это результат процесса восприятия. См., например, Электронная психологическая энциклопедия: http://mirslovarei.com/content_psy/percept-27454.

С точки зрения принципов строения головного мозга, предполагающих его разделение на три основных блока, за восприятие отвечает второй блок, работа которого обеспечивает модально-специфические процессы, а также сложные интегративные формы переработки экстероцептивной информации, необходимой для осуществления высших психических функций¹.

Психология XIX века представляла восприятие как пассивный отпечаток внешнего воздействия в коре головного мозга. Однако сегодняшняя наука подходит к этому процессу с совершенно иных позиций. По данному поводу выдающийся отечественный психолог А.Р. Лурия писал, что современные ученые рассматривают восприятие как активный процесс поиска требуемой информации, выделения существенных признаков, сличения их между собой, создания адекватных гипотез и последующего сличения этих гипотез с исходными данными².

В основе восприятия, безусловно, лежит декодирование поступающих в кору головного мозга нервных импульсов. Если в процессе сенсорного кодирования формируется модель стимула, – пишет В.П. Зинченко – то в процессе восприятия создается и используется модель предмета³. Вместе с тем вплоть до настоящего времени специалистам не удалось детально изучить психофизиологическую природу декодирования; эти механизмы во многом остаются непонятными. Как происходит переход нервных импульсов в перцепты и какие причины обуславливают превращение допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия? На этот вопрос можно ответить пока что лишь гипотетически⁴, высказав соответствующие предположения⁵.

Таким образом, на сегодняшний день в психологической науке не существует каких-либо убедительных позиций, выражающих материальную связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе восприятия перцептами. Полагаем, что одно только это обстоятельство уже вызывает серьезные сомнения по поводу материального (зеркального) характера восприятия и, следовательно, всего отражения субъектами уголовно-процессуального познания объективной реальности.

В данном случае скорее можно говорить, не столько о материальности, сколько об относительной адекватности восприятия. В этой связи известный английский философ XX века К.Р. Поппер писал, что люди редко ошибаются в своих восприятиях благодаря изощренному аппарату декодирования с его многочисленными встроенными контрольными устройствами. Но это вовсе не означает, что результаты человеческого восприятия следует приравнивать к каким-то стандартам надежности или истинности. Механизмы восприятия человеком окружающего мира, по мнению К.Р. Поппера, следует сравнивать с работой опытного фотографа, который редко ошибается в выборе выдержки, благодаря его тренировке и навыку. При этом его снимки

[html#ixzz2aRt2blRy](#).

1 См.: Хомская Е.Д. Нейропсихология: учебник для вузов. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2013. – С. 70.

2 См.: Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: учебное пособие для студентов вузов. 6-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 232.

3 См.: Зинченко В.П. Проблемы генезиса восприятия // В кн. Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. – М.: Просвещение, 1967. – С. 40.

4 См.: Там же.

5 См.: Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2001. – С. 431, 434.

вовсе не надо рассматривать как стандарты правильной выдержки¹.

Несмотря на всю важность восприятия, этот процесс позволяет сформировать в сознании человека лишь перцепты, выполняющие, хотя и важную, но лишь промежуточную роль в познании окружающего мира. Перцепт еще не является полноценным мысленным образом какого-либо события или явления. Как отмечал американский психолог У. Найссер, образы не являются воспроизведениями или копиями ранее сформированных перцептов; образы – это не картинки в голове, а планы сбора информации из потенциально доступного окружения². Поэтому существует еще более сложная (высшая) форма чувственного познания – представление (гнозис) – то есть способность узнавать предметы по чувственным восприятиям. Гнозис позволяет сопоставить воспринятые перцепты с какими-то отдельными фрагментами, запечатленными в памяти субъекта, и тем самым сформировать полноценный мысленный образ определенного объекта познания. Принимая во внимание производность гнозиса от функции восприятия, полагаем, что он также никоим образом не может расцениваться как имеющий материальный характер. И, следовательно, его результаты – мысленные образы – нельзя рассматривать как зеркальные отражения реальных объектов познания. Скорее уместно предположение об их относительной адекватности по отношению к объективной действительности.

В зависимости от модальности, то есть от используемых рецепторов, выделяют различные виды гнозиса: зрительный, слуховой, обонятельный, тактильный и другие. При этом для современного человека наибольшую актуальность имеют зрительный гнозис и слуховой гнозис³. На основании многолетних исследований в области психофизиологии и нейропсихологии ученые пришли к выводу о существовании серьезных различий в механизмах зрительного и слухового гнозиса. Эти особенности обусловлены структурной и функциональной организацией коры головного мозга. А.Р. Лурия в своих работах отмечал следующее: «В коре головного мозга человека выделяются проекционная общечувствительная (теменная), зрительная (затылочная) и слуховая (височная) области»⁴. Следовательно, зрительное восприятие зависит от одной части мозга, а слуховое – от другой.

Применительно к уголовному судопроизводству приоритет зрения и слуха над познавательными свойствами других органов чувств прекрасно прослеживается в существующей системе доказательств. Так, слуховой гнозис преимущественно обуславливает формирование различных видов показаний, а зрительный – вещественных доказательств, протоколов следственных действий, судебного заседания и иных документов. Хотя при этом мы полагаем, что подобная обусловленность не является исключительной, поскольку, например, показания могут быть даны посредством собственноручного изложения допрашиваемым соответствующих обстоятельств. А при формировании протоколов следственных действий могут быть задействованы

---

1 См.: Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д.Г. Лахути / отв. ред. В.Н. Садовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 69.

2 См.: Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. Пер. с англ. В.В. Лучкова. – М.: Прогресс, 1981. – С. 47.

3 См.: Визель Т.Г. Указ. соч. – С. 20.

4 См.: Лурия А.Р. Указ. соч. – С. 29.

не только зрение, но и иные органы чувств. Например, при осмотре места происшествия по делу о пожаре в протоколе вполне допустимо указать об ощущении резкого запаха.

Различия зрительного и слухового гнозиса также обусловлены еще одним важным фактором. Как известно все объекты процессуального познания можно подразделить на два вида: материальные, предполагающие отражение информации в элементах вещной обстановки, и идеальные, связанные с отражением информации в сознании человека. Особенности познания каждого из них очевидны.

Взаимодействуя с материальным объектом, сенсорная система познающего чувствует и воспринимает его реальный образ. В психологии по этому поводу даже существует специальный термин – «наглядно-образное мышление»¹. Поэтому основная роль в данном случае, несомненно, принадлежит зрительному гнозису. Как отмечается, зрительная система вообще наиболее информативна и дает мозгу более 90% сенсорной информации², однако в части наглядно-образного мышления ее роль намного выше. Безусловно, человек способен к чувственному познанию материальных объектов посредством иных гнозисов, в частности слухового. В обыденной жизни подобных примеров не так уж и мало: бессознательный крик младенца, звук ружейного выстрела, шум летящего самолета и т.д. Однако на фоне зрительной информации их доля несоизмерима мала. Если же посмотреть на рассматриваемую ситуацию в контексте уголовного судопроизводства, то становится очевидным – зрительный гнозис дознавателя, следователя и особенно судьи является практически единственным способом получения сведений от материальных объектов познания. Например, в ходе осмотра места происшествия дознаватель или следователь зрительно воспринимают, само место, находящиеся там предметы, их внешние признаки, свойства, состояние и взаиморасположение. Обыск или выемка направлены, на зрительное познание факта нахождения предметов, документов или ценностей в определенном месте или у определенного лица. Судебный осмотр вещественного доказательства связан с его визуальным восприятием судьей (присяжными заседателями). А редкие случаи использования иных органов чувств (например, в вышеописанном случае осмотра места пожара, где присутствовал резкий запах, или следственного эксперимента, направленного на установление возможности услышать звук выстрела на определенном расстоянии) – это те самые исключения, которые лишь подтверждают общее правило.

Познавательная деятельность, связанная с восприятием идеальных объектов, осуществляется посредством принципиально иных механизмов.

Для подробного рассмотрения этого гносеологического феномена, прежде всего, необходимо учесть то обстоятельство, что субъекты познания в данном случае взаимодействуют не с фрагментами объективной реальности, не с элементами вещной обстановки, а с информацией, извлекаемой или уже извлеченной из сознания других лиц. В уголовном процессе таковыми являются свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, эксперты, специалисты, а также иные люди, не имеющие процессуального статуса, но сообщившие дознавателю, следователю или суду

1 См.: Визель Т.Г. Указ. соч. – С. 32.

2 См.: Основы психофизиологии: учебник / отв. ред. Ю.И. Александров... – С. 57.

значимые для уголовного дела сведения, например, автор приобщенного к материалам уголовного дела документа и т.д. В части судебного производства в качестве подобных «поставщиков сведений» можно рассматривать дознавателя и следователя – субъектов, представивших информацию о результатах досудебного производства в виде соответствующих протоколов следственных действий.

Каждый из этих лиц ранее также выступает субъектом познания, непосредственно или опосредованно взаимодействуя с обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу (с предметом познания). Например, свидетель зрительно воспринимает картину совершения преступления или внешность преступника. Эксперт воспринимает объекты экспертного исследования. Аналогичная ситуация просматривается и в случае использования в уголовном деле письменных документов. В частности, если это выписка из банка о состоянии расчетного счета, то ее автор – сотрудник банка – ранее должен был лично воспринять соответствующую информацию из базы данных.

Следовательно, сознание каждого такого человека предварительно подвергается воздействию тех же самых психических процессов, которые нами были рассмотрены применительно к субъектам познания; любому из них присущ соответствующий гнозис. Созданные посредством восприятия и представления знания об окружающей или окружавшей этих лиц реальности, уже изначально нельзя считать имеющими объективный характер. Как и в случае с субъектами познания здесь можно говорить лишь об относительной адекватности формируемого перцепта и соответствующих мысленных образов. И именно поэтому выше по тексту мы писали о таких объектах как об обладающих первичным субъективизмом.

Поэтому при взаимодействии дознавателя, следователя или судьи с идеальными объектами познания их собственный перцепт приобретает явно производный характер. В данном случае образуется как бы «перцепт в квадрате». Основанные на нем мысленные образы обладают уже вторичным субъективизмом, бесспорно влияющим на их относительную адекватность.

В данной статье мы попытались рассмотреть и проанализировать лишь некоторые вопросы, связанные с развитием информационной теории доказательств в контексте отступления от догматичных постулатов марксистско-ленинской философии. Очевидно, что все эти вопросы требуют дальнейшего исследования, результаты которого возможно существенным образом повлияют на подходы к уголовно-процессуальному доказыванию в целом и отдельным видам доказательств в частности.

*РЯБЦЕВА Екатерина Владимировна,
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия» (РГУП), кандидат
юридических, наук, доцент*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

В настоящее время уголовно-процессуальная политика Российской Федерации выступает одним из направлений реализации государственной стратегии обеспечения безопасности общества и базируется на признании фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости ее основных положений с социальной политикой государства, защитой прав и законных интересов потерпевших от преступления, а также тех, кто подвергся незаконному уголовному преследованию, привлечению к уголовной ответственности и наказанию.

В развитии уголовного судопроизводства можно выделить несколько направлений, одними из которых являются:

1. Интеграция норм и принципов международного права в российский уголовный процесс.

2. Дифференциация уголовного судопроизводства.

➤ В рамках первого направления необходимо обеспечить:

➤ соответствие уголовно-процессуального законодательства и практики его применения конституционным и международно-правовым стандартам прав человека и безопасности общества;

➤ развитие основы и механизмов гармонизации и унификации уголовно-процессуального законодательства в рамках международного сотрудничества Российской Федерации с иными государствами;

➤ систематизация и имплементация в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации положений международно-правовых договоров, согласие на обязательность которых дано в форме федерального закона, внедрения в законодательную деятельность практики ратификации международных договоров одновременно с имплементацией их положений в законодательство Российской Федерации;

➤ развитие международно-правового сотрудничества в сфере уголовно-процессуальной политики в рамках участия Российской Федерации в международных организациях, выполнения международных договоров о взаимной правовой помощи по уголовным делам и иных международных договоров о борьбе с преступностью, организации взаимодействия и сотрудничества Российской Федерации с международными правоохранительными органами, а также с международным уголовным судом и Европейским судом по правам человека.

Значительную роль в обеспечении интеграции международного законодательства в уголовно-процессуальную практику играет деятельность Верховного Суда РФ. Принятие постановления пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. 21 «О

применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней» способствовало внедрению международно-правовых норм в уголовное судопроизводство.

В соответствии с данным постановлением Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней являются международными договорами Российской Федерации. Правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении законодательства Российской Федерации. В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого Европейским Судом при применении Конвенции и Протоколов к ней. Однако Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что решения Европейского Суда РФ применяются не во всех случаях, законодательство Российской Федерации может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней в толковании Суда. В таких случаях судам, руководствуясь статьей 53 Конвенции, необходимо применять положения, содержащиеся в законодательстве Российской Федерации.

Несмотря на, безусловно, положительные тенденции, связанные с применением на практике международно-правовых норм и принципов остается много проблем.

Прежде всего, проблемы связаны с отсутствием сложившейся (единообразной) в связи с этим судебной практики. То есть, не разработан алгоритм действий по применению норм Конвенции в правоприменительной деятельности.

На сегодняшний день практика такова, что нормы Конвенции не всегда учитываются судом при принятии решений.

Показательным является пример из практики при расследовании уголовного дела УВД по г. Новосибирску в отношении З., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Так, на протяжении срока следствия сторона защиты неоднократно заявляла ходатайства о проведении очной ставки между обвиняемым и потерпевшим по делу. Следствие отказывало в удовлетворении ходатайства на том основании, что определение целесообразности ее проведения является правом следователя. Между тем, согласно п. «d» ч. 3 ст. 6 Конвенции «каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него». Потерпевший же по делу, находясь за пределами территории России, не давал непосредственно следователю, расследующему уголовное дело, показания, не предупреждался об ответственности за дачу ложных показаний. Данное обстоятельство нарушало конституционные права обвиняемого на защиту и лишало его возможности непосредственно задать в ходе очной ставки вопросы потерпевшему согласно п. «d» ч. 3 ст. 6 Конвенции, притом что потерпевший сообщал не соответствующие действительности сведения, вводя органы следствия в заблуждение, т.е. показывая заведомо ложные сведения, с одной стороны, с другой же – осуществляя клевету в отношении обвиняемого. Таким образом, ст. 38 УПК РФ, в соответствии с которой следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать

решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, выступила в указанном уголовном деле приоритетнее ст. 6 Конвенции.

В связи с этим, если в ходе производства по уголовному делу сторонами процесса делается заявление о нарушении норм Конвенции по защите прав человека и основных свобод или норм иных международных законодательных актов (либо данные нарушения выявлены судом, прокурором, следователем, дознавателем), следует с особой тщательностью подходить к их разрешению, в первую очередь мотивированно и обоснованно рассматривая каждый довод участника уголовного дела¹.

Необходимо обратить внимание на практику Европейского Суда не только при вынесении приговора по уголовному делу, но и при рассмотрении и разрешении отдельных ходатайств участников процесса.

Второе направление уголовно-процессуального законодательства является дифференциация уголовного судопроизводства посредством упрощения и усложнения процессуальной формы.

Дифференциация представляет собой создание различных по степени процессуальной сложности процедур рассмотрения уголовного дела, в том числе имеющих упрощенную форму. До сих пор разграничение унифицированной процедуры и «особых производств» не вызывало сомнений. Основанием для подобной градации процессуальной формы признается необходимость установления дополнительных гарантий для отдельных категорий граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Дифференциация формы уголовного процесса по указанному основанию содержится в действующем законодательстве, предусматривающем особый порядок судопроизводства в отношении несовершеннолетних (глава 50 УПК РФ), лиц, в отношении которых применяются принудительные меры медицинского характера (глава 51 УПК РФ), лиц, обладающих особым процессуальным статусом (глава 52 УПК РФ).

Второе направление дифференциации уголовного судопроизводства – упрощение процессуальной формы. Определенные шаги к упрощению судопроизводства были сделаны уже в послереволюционный период.

Параллельно с попытками законодателя оптимизировать процесс судопроизводства благодаря введению упрощенной формы на страницах юридической печати велась оживленная дискуссия по указанной проблематике. М.С. Строгович выступил решительным противником дифференциации уголовного процесса по основанию общественной опасности совершенного деяния, указав в качестве определяющей тенденцию к унификации уголовного судопроизводства, поскольку единым является само понятие преступления².

Противоположной позиции придерживался П.Ф. Пашкевич. С его точки зрения, унифицированность процедуры должна рассматриваться как отсутствие в государстве исключительных законов и чрезвычайных судов. При этом он указывал

---

1 Васяев А.А., Князькин С.А. О применении Российскими судами (органами прокуратуры, следствия) Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Адвокат. – 2013. – № 8. – С. 11–15.

2 Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. – 1974. – № 8. – С. 65–66.

на возможность упрощения производства по отдельным категориям уголовных дел, «когда факт совершения преступления не вызывает сомнения, преступник известен и задержан и есть свидетели-очевидцы»¹.

Разработка формы уголовного процесса приобрела характер первоочередной задачи правовой регламентации. Данная научная тенденция обусловлена двумя факторами.

Первый из них, несомненно, связан с попытками дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальной формы. Этому, в том числе, способствует и возможность ее дифференциации.

Второй фактор вытекает из осуществляемой на современном этапе либерализации уголовного судопроизводства, которая связана с ослаблением публичных и усилением диспозитивных начал.

Изучение проблем дифференциации уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальных форм) является одним из приоритетных направлений современной процессуальной науки.

Анализ уголовно-процессуального кодекса позволяет выделить следующие упрощенные формы уголовного судопроизводства:

1. В досудебных стадиях уголовного судопроизводства: сокращенная форма дознания (глава 39.1 УПК РФ).

2. В судебных стадиях уголовного судопроизводства:

- особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ);

- досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ). Данное особое производство имеет определенные особенности как на досудебном, так и в судебном этапах, но сокращение возможно только при рассмотрении и разрешении уголовного дела, то есть только в судебных стадиях уголовного процесса. При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве применяются правила упрощенной формы главы 40 УПК РФ).

К усложненному порядку уголовного судопроизводства закон относит рассмотрение дела в суде с участием присяжных заседателей, который предусматривает дополнительные процессуальные действия по отбору кандидатов в присяжные заседатели, напутственное слово председателя, формирование вопросов присяжным заседателям, вынесение и провозглашение вердикта и т.д. Введение особых порядков уголовного судопроизводства как альтернативы обычному расследованию и рассмотрению уголовного дела вызывает ряд сложностей как теоретического, так и практического характера. Прежде всего, это связано с тем, насколько упрощенные формы могут гарантировать защиту прав участников уголовного судопроизводства, способствовать достижению назначения уголовного процесса.

Одной из гарантий процессуальной защиты является законодательное закрепление диспозитивных начал в инициировании порядка возбуждения данных производств. Выбор рассмотрения дела в обычном или упрощенном порядке зависит от самого обвиняемого.

---

¹ Пашкевич П.Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 54.

*САИДОВ Баходур,
адвокат, член Коллегии Адвокатов
Республики Таджикистан*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Право допрашиваемого лица изложить показания собственноручно. Часть 4 ст. 46 и ч.4 ст.47 УПК, определяющие права подозреваемого и обвиняемого, предусматривают их право давать или не давать объяснения/показания. Необходимо отметить, что ч.4 ст.200 УПК предусматривает возможность собственноручного изложения показаний допрашиваемым после свободного рассказа. Однако, перед допросом, при непосредственном ознакомлении допрашиваемого с его правами (предусмотренными УПК) закон не обязывает следователя ознакомить допрашиваемого с требованиями ст.200 УПК и в случае, если он забудет выполнить требования ч.4 ст.200 УПК, подсудственный останется в неведении, что он мог собственноручно изложить свои показания, поскольку ст.ст. 46, 47 УПК не предусматривают такого права. Сказанное в равной степени относится к правам потерпевшего, гражданского истца, ответчика; специалиста и эксперта.

Рекомендация: Статьи 42, 44, 46, 47, 54, 56, 57, 58 УПК дополнить пунктом следующего содержания: «Изложить свои объяснения/показания собственноручно».

Право получить процессуальные документы на понятном языке. Часть 3 ст.18 УПК обязывает должностных лиц вручать участникам уголовного судопроизводства процессуальные документы на государственном языке или в переводе на их родной язык или язык, которым они владеют. По смыслу данной нормы, органы уголовного преследования и суд могут ограничиться вручением лицам, не владеющим государственным языком или письменностью, процессуальных документов на государственном языке. Таким образом, данная норма не обеспечивает равный доступ к правосудию лицам, не владеющим государственным языком или письменностью, наравне с лицами, владеющим государственным языком и письменностью. Например, иранцы или афганцы понимают таджикский язык, но не владеют таджикской письменностью.

Рекомендация: Часть 3 статьи 18 УПК изложить в следующей редакции:

«Если в соответствии с настоящим Кодексом процессуальные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть письменно переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык и письменность, которым он владеет».

Право на получение процессуальных актов. Пункт 5 ч.6 ст.47 УПК предусматривает право подсудимого получить копию обжалованных решений. Однако, в каталоге прав подозреваемого и обвиняемого подобное право не закреплено. Отсутствие такого права не позволяет подсудственному полно уяснить мотивировку и обосновать

ванность процессуального акта и не обеспечивает полноценную реализацию права подследственного обжаловать процессуальный акт, поскольку мотивированно обжаловать можно документ, который имеется у лица на руках, а не по памяти.

Рекомендация: Часть 4 ст.46 УПК дополнить пунктом следующего содержания: «Получить копию любого решения для обжалования».

Рекомендация: Часть 4 ст.47 УПК дополнить пунктом следующего содержания: «Получить копию любого решения для обжалования».

Разъяснение права свидетельского иммунитета. Часть 5 ст.12 УПК предоставляет право не свидетельствовать против самого себя и близких родственников. Однако, данная норма не определяет последствия дачи показаний и круг должностных лиц, обязанных разъяснить подозреваемому/обвиняемому, а также свидетелю право, предусмотренное ч.5 ст.12 УПК. Кроме того, ст.6 УПК не содержит понятия свидетельского иммунитета.

Рекомендация: Часть 5 ст.12 УПК изложить в следующей редакции:

«В случае согласия лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, дать показания дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны предупредить указанных лиц о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу.

Рекомендация: статью 6 УПК дополнить пунктом следующего содержания:

«Свидетельский иммунитет – право индивида не давать показания против самого себя или своих близких родственников».

Право свидетеля не свидетельствовать против себя и близких. Часть 3 ст. 56 УПК, определяющая права свидетеля, не предусматривает право не свидетельствовать против самого себя и близких родственников. Соответственно перед допросом, при непосредственном ознакомлении свидетеля с его правами (предусмотренными ст.56 УПК) законом не исключена возможность автоматической дачи показаний против себя самого или близких родственников. Поскольку, согласно требований ч.6 ст.56 УПК свидетель предупреждается об уголовной ответственности за нежелание давать показания. Необходимо отметить, что ч.2 ст.202 УПК обязывает следователя разъяснить свидетелю и потерпевшему их право отказаться от дачи показаний, уличающих в совершении преступлений их самих или близких родственников. Однако, перед допросом следователь не обязан ознакомить свидетеля с требованиями ст.202 УПК и в случае, если он забудет выполнить требования ч.2 ст.202 УПК, свидетель останется в неведении, что он мог не свидетельствовать против самого себя и близких родственников, поскольку ст.56 УПК не предусматривает такого права. Таким образом, в отличие от подозреваемого/обвиняемого, предписание ч.5 ст.12 УПК не обеспечивается УПК в надлежащей степени применительно к свидетелю. Сказанное в равной степени относится к правам потерпевшего, гражданского истца и ответчика, специалиста и эксперта. Кроме того, ст.352 УК РФ не содержит в примечании оговорку, что свидетель освобождается от уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против самого себя или близких родственников.

Рекомендация: Часть 3 ст. 56 УПК дополнить пунктом следующего содержания: «Давать или не давать показания против себя или близких родственников и быть информированным перед допросом об этом праве».

Рекомендация: Включить в ст.352 УК РТ примечание следующего содержания:

Примечание: Не подлежит уголовной ответственности свидетель за отказ от дачи показаний против самого себя или близких родственников, круг которых определен УПК РТ.

Право человека не свидетельствовать против близких людей. Часть 5 ст.12 УПК провозгласила, что никто не обязан свидетельствовать против самого себя и близких родственников, круг которых определен УПК. Однако п.25 ст.6 УПК предусматривает под близкими родственниками: родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и сестер, деда, бабуку, внуков, а также супруга/и. Таким образом, закон не предусматривает иммунитета для свидетельствования против свекра, свекрови, тестя и тещи, что впоследствии может повлечь ухудшение отношений в семье, а в некоторых случаях и разрушение семьи. Более того, если человек вырос в детдоме и у него кроме близких друзей нет близких родственников с точки зрения понятия данного в ст.6 УПК, этот человек обязан свидетельствовать против своих близких (которые по человеческому пониманию являются для такого человека близкими родственниками). В целом, такое положение является дискриминационным для одинокого человека.

Рекомендация: Пункт 25 ст.6 УПК изложить в следующей редакции:

- близкие родственники - родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабука, внуки, а также супруг, супруга и их родители, а для одинокого человека его близкие друг и подруга.

Рекомендация: Статью 6 УПК РТ дополнить пунктом 29 следующего содержания:

- одинокий человек – лицо, не состоящее в браке, не имеющее родителей, детей и иных родственников.

Реализация права на защиту имущества арестованного. Часть 3 ст.22 УПК обязывает судью, прокурора, следователя и дознавателя обеспечить охрану личных и имущественных прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного. Статья 176 УПК, которая называется «Меры попечения о детях, иждивенцах и по охране имущества подозреваемого или обвиняемого», не разъясняет механизмов защиты имущества арестованного. На практике возникают случаи, когда арестованный просит обеспечить сохранность его имущества и предотвратить его разбазаривание-недобросовестными членами семьи. При этом, следователь не может наложить арест на такое имущество, поскольку по смыслу ч.2 ст.116 УПК арест на имущество налагается для обеспечения гражданского иска или возможной конфискации имущества.

Рекомендация: Часть 2 ст.116 УПК изложить в следующей редакции:

«Наложение ареста на имущество применяется для обеспечения гражданского иска, возможной конфискации имущества, а также по ходатайству подследственного для обеспечения сохранности его имущества. Орган, ведущий уголовный процесс, с согласия прокурора вносит в суд ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, материально ответственных. Судья выносит постановление о наложении ареста на имущество.

Тайна сведений касающихся частной жизни граждан. В соответствии со

ст.ст.240, 241 УПК следователь по окончании предварительного расследования обязан ознакомить с материалами дела потерпевшего, гражданского истца, ответчика и их представителей, а также обвиняемого и защитника. Статья 177 УПК гласит, что в необходимых случаях следователь предупреждает свидетелей, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика, понятых и других лиц, присутствующих при производстве следственных действий, о недопустимости разглашения без его разрешения данных предварительного следствия. У указанных лиц отбирается подписка с предупреждением об ответственности по статье 361 УК РТ. Однако, закон не обязывает следователя предупреждать всех этих лиц об уголовной ответственности за разглашение сведений касательно частной жизни, ставшей известной им в связи с ознакомлением с материалами уголовного дела.

Рекомендация: Статью 239 УПК дополнить частью 5 следующего содержания:

«В целях сохранения конфиденциальности сведений частной жизни или охраняемых государственной или иной тайны, следователь/дознатель обязан предупредить лиц, знакомящихся с материалами дела об уголовной ответственности по ст.361 УК РТ».

Принцип закрепляющий право на обжалование. Норма части 1 ст.23 УПК включена в главу 2 УПК, она является наряду с другими статьями этой главы одним из принципов УПК. Соответственно ст.23 УПК является фундаментальной применительно к институту обжалования, как механизма обеспечения реализации процессуальных прав и законных интересов участников процесса. Во-первых, редакция ч.1 ст.23 УПК предусматривает право обжалования только действий и решений, указанных в статье должностных лиц. При этом, исследуемая норма не оговаривает право обжаловать бездействие таких лиц, хотя в законе указаны конкретные сроки в течение которых должностные лица обязаны принять решение по тем или иным вопросам. Соответственно не принятие решения в определенный законом срок на практике может послужить основанием для обжалования, но только бездействия должностного лица. Во-вторых, указанная норма предусматривает право обжалования действий или решений судьи, прокурора, следователя и дознавателя. Однако, ч.1 ст.23 УПК не предусматривает право обжаловать действия и решения руководителя следственного органа, органа дознания, хотя в некоторых случаях их действия (бездействия) и решения указанных субъектов могут повлечь нарушение процессуальных прав и законных интересов участников процесса.

Рекомендация: Часть 1 ст.23 УПК изложить в следующей редакции:

«Действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя и должностных лиц, действовавших в уголовном судопроизводстве, могут быть обжалованы в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Право обжалования действий и решений должностных лиц. Согласно ст. 23 УПК участники процесса вправе обжаловать действия или решения суда, прокурора, следователя. При этом, по смыслу ст.119 УПК участники уголовного судопроизводства и другие лица, чьи интересы ущемляются, вправе обжаловать действия (бездействия) и решения следователя, прокурора или суда. Звучит впечатляюще, но в соответствии со ст.124 УПК (определяющей судебный порядок по рассмотрению жалоб),

в суд могут быть обжалованы не все решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора, а только: а) решение об отказе в приеме заявления о преступлении; б) нарушения закона при возбуждении или прекращении уголовного дела. Возникает практический вопрос, как можно обжаловать в суд иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (например, незаконность производства: задержания, обыска, ареста имущества и т.п. нарушений норм УПК)? Узкая регламентация оснований для судебного обжалования закрепленных в ч.1 ст.124 УПК, явно противоречит положению Конституции, гарантирующей всем право на судебную защиту, и практически не может быть обеспечена судебной властью, как то предписывается ст.14 Конституции. Более того, адвокаты не могут на практике качественно представить защиту в ходе досудебного производства при отсутствии независимого арбитра, компетентного рассматривать жалобы на процессуальные нарушения, допускаемые стороной обвинения. Оппоненты могут возразить, что есть прокурор, компетентный в надзоре за законностью следствия. Следует обратить внимание, что прокурор согласно ст.6 УПК является стороной обвинения и по определению не может быть объективно незаинтересованным в доказывании виновности лица. Кроме того, прокурор не является представителем судебной власти, соответственно своими полномочиями не обеспечивает конституционное право на судебную защиту. Реализация права обжалования в суд действий и решений органов предварительного следствия также ограничивается ч. 5 ст.124 УПК, которая запрещает опротестовывать/обжаловать постановление судьи, в том числе об отказе в рассмотрении жалобы, по основаниям, не предусмотренным ст.124 УПК. Такое противоречие в нормах УПК умаляет концепцию закона создать платформу для состязательного процесса на стадии предварительного следствия и противоречит не только Конституции, но и международным стандартам справедливого судопроизводства. Сам факт нарушения конституционных прав и свобод граждан, в силу особой важности последних, обладающих способностью причинить ущерб конституционным правам и свободам либо затруднить доступ к правосудию, согласно положений Конституции, должен являться достаточным основанием для обращения за судебной защитой в период досудебного производства.

Рекомендация: Статью 124 УПК изложить в следующей редакции:

1. Решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суд по месту производства предварительного расследования.

2. Жалоба может быть подана непосредственно в суд либо через дознавателя, следователя, руководителя следственного органа или прокурора. Прокурор обязан представить в суд материалы по жалобе.

3. Судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора не позднее чем через 5 суток со дня поступления жалобы в судебном заседании с участием заявителя и его защитника, законного представителя или представителя, если

они участвуют в уголовном деле, иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением, а также с участием прокурора. Неявка лиц, своевременно извещенных о времени рассмотрения жалобы и не настаивающих на ее рассмотрении с их участием, не является препятствием для рассмотрения жалобы судом. Жалобы, подлежащие рассмотрению судом, рассматриваются в открытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных частью второй статьи 273 настоящего Кодекса.

4. В начале судебного заседания судья объявляет, какая жалоба подлежит рассмотрению, представляется явившимся в судебное заседание лицам, разъясняет их права и обязанности. Затем заявитель, если он участвует в судебном заседании, обосновывает жалобу, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица. Заявителю предоставляется возможность выступить с репликой. Участники заседания вправе ознакомиться с протоколом заседания сразу после оглашения судебного постановления и подать на протокол замечания в течение суток. Факт ознакомления с протоколом удостоверяется подписями ознакомившихся лиц в самом протоколе заседания.

5. По результатам рассмотрения жалобы судья выносит одно из следующих постановлений:

1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение;

2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

6. Копии постановления судьи вручаются заявителю, прокурору и руководителю следственного органа.

7. Принесение жалобы не приостанавливает производство обжалуемого действия и исполнение обжалуемого решения, если это не найдет нужным сделать орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор или судья.

8. Постановление судьи может быть опротестовано/обжаловано в порядке требований ч.3 ст.363 настоящего Кодекса.

Понятие жалобы. Часть 1 ст.119 УПК предусматривает возможность обжаловать действия (бездействия) и решения должностных лиц в государственный орган или должностному лицу ответственным за производство по уголовному делу. Существующая формулировка является не корректной по следующим основаниям. Во-первых, по смыслу нормы не понятно, какой государственный орган является ответственным за производство по уголовному делу, компетентный рассматривать жалобы на действия/решения судьи рассмотревшего процессуальные вопросы (например, применение меры пресечения, ареста имущества и т.п.). Во-вторых, если обжалуются действия (бездействия) или решения прокурора, то суд не является органом, ответственным за производство по уголовному делу.

Рекомендация: Часть 1 ст.119 УПК изложить в следующей редакции:

Действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном настоящим Кодексом порядке участниками уголовного судопроиз-

водства, а также иными лицами в той части, в которой процессуальные действия (бездействие) и принимаемые процессуальные решения ущемляют их права или интересы.

Последствия истечения срока обжалования. Часть 4 ст.149 УПК не предусматривает последствия подачи жалобы по истечении 14 суток. Соответственно на практике возникает вопрос, что делать, если срок подачи жалобы был пропущен по уважительной причине и может ли срок обжалования быть восстановлен, если он был пропущен по уважительной причине?

Рекомендация: Часть 4 ст.149 УПК изложить в следующей редакции:

«Отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован прокурору в течение четырнадцати суток с момента вручения копии постановления. Отказ прокурора в удовлетворении жалобы может быть обжалован вышестоящему прокурору или в суд в порядке, установленном настоящим Кодексом. Пропущенный срок может быть восстановлен в порядке ч.3 ст.137 настоящего Кодекса».

*СЛАВГОРОДСКАЯ Ольга Александровна,
доцент кафедры криминалистики ФГБОУ ВПО
«Саратовская государственная юридическая
академия», кандидат юридических наук,
доцент*

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧАСТИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Тенденции современного судопроизводства, несмотря на специфику правовой базы, характеризуются наличием тенденции сближения и возможности интегрирования имеющегося в различных странах положительного опыта. Особенно характерно это проявляется в сфере расследования преступлений. Арсенал методов, накопленных в борьбе с преступностью, традиционно был объектом пристального криминалистического анализа и апробации, еще в период становления криминалистики как науки.

Недавнее прошлое в развитии отечественной криминалистики было связано с изменениями происшедшими в политической структуре, и приведшими к исчезновению СССР. Процессы изменения карты мира, характеризовались изменениями в системе построения основ развития научного знания. И криминалистика не была здесь исключением. Профессор В.В. Степанов в 1995 году, в одной из работ писал, что «значение ряда положений криминалистической науки снизилось либо утратило практическое применение»¹.

Реалии современной действительности характеризуются тенденциями активной интеграции научного знания на территории постсоветского пространства. Позитивным моментом является то, что процессы интегрирования положительного опыта деятельности по расследованию преступлений имеют и более широкие перспективы, включая международный масштаб.

Оценивая происходящие позитивные изменения, следует отметить, что формирование действенных криминалистических рекомендаций невозможно при отсутствии правовой базы, обеспечивающей реализацию прав личности, в соответствии с общепринятыми нормами международного права. Принятие в 2009 году Уголовно-процессуального кодекса республики Таджикистан (УПК РТ) следует оценивать именно с позиции возможностей дальнейшего совершенствования и развития уголовно-процессуального законодательства и криминалистики в республике.

Совершенствование законодательства является повсеместно результатом сотрудничества науки и практики. Определенные положения, нашедшие закрепление УПК РТ явились в свое время предметом научных исследований. В частности в отношении понятий действующий УПК РТ уточнил предъявляемые к ним требования. В предыдущем законодательстве единственным требованием, к понятиям являлась их «незаинтересованность» в расследуемом деле. Ученые обращали внимание на недо-

¹ Проблемы криминалистики на современном этапе развития общества // Степанов В.В. Избранные научные работы. В 2-х томах. Т. 1. – Саратов: ООО «Типография Регион», 2013. – С. 44.

статочность закрепленных положений для обеспечения целей получения криминалистически значимой информации и возможностей ее дальнейшего использования. В качестве требований, позволяющих добиться в дальнейшем единства фактических данных и процессуального источника этих данных, предлагалось расширить критерии отбора понятых. Возможным вариантом решения сложившейся ситуации должны были стать дополнительные критерии отбора граждан, привлекаемых в качестве понятых. В качестве таковых предлагалось использовать отсутствие психических и физических недостатков, грамотность, знание языка судопроизводства¹.

В ныне действующем УПК РТ в ст.60, кроме отсутствия заинтересованности и определения категорий лиц, не могущих быть привлеченными в качестве понятых, закреплено, также, что понятые должны полно и правильно воспринимать происходящие в их присутствии действия. Соответственно несовершеннолетние и лица находящиеся в состоянии невменяемости не привлекаются в качестве понятых.

Поскольку понятые своим участием в производстве следственных действий способствуют соблюдению процессуальных гарантий, то и потребовалось четко определить возможности максимально полного и объективного восприятия данными участниками всего происходящего. Помимо этого в практической деятельности именно понятые становятся в дальнейшем свидетелями, вызываемыми в судебное заседание в целях подтверждения, либо опровержения процессуальной «чистоты» следственного действия. Поскольку только один судебный допрос «может превратить сведения, содержащиеся в показаниях допрашиваемого, в факты для суда, а может уничтожить доказательство»².

При получении понятыми уже процессуального статуса свидетеля вполне возможно возникновения ситуации осуществления на данных лиц неправомерного воздействия при оказании противодействия расследованию. Следовательно, возникает необходимость, и возможность обеспечения данным лицам мер безопасности. Проблема обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства может быть отнесена к категории вопросов требующих выработки общего подхода в странах, относящихся к различным правовым системам. Перспективность решения подобных проблем является одним из показателей интегрированности государства в международную систему борьбы с преступностью и обеспечением прав личности в государстве.

Следует отметить, что в Республике Таджикистан, также как и в Российской Федерации, в последнее время стало уделяться значительное внимание практическому решению вопросов по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, включая свидетелей.

Подтверждением перспектив и возможностей дальнейшего развития данного процесса является в частности Программа реформы (развития) милиции на 2014-

1 Ахмедов Н.И. Тактика проведения одновременного обыска по делам о корыстных преступлениях, совершенных группой лиц: по материалам практики следственных подразделений правоохранительных органов Республики Таджикистан: автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 1995. – С. 13–26.

2 Конева С.И. Судебные допросы в уголовном процессе: доказательственное значение и порядок проведения: автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2013 // <http://www.iuaj.net/node/1342>. (дата обращения: 21.11.14 г.).

2020 годы республики Таджикистан, в которой в числе одной из основных целей и задач деятельности закреплено «принятие мер по обеспечению государственной защиты участников уголовного судопроизводства, в том числе усиление мер обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей, лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а также их близких в случае возникновения угрозы их жизни, здоровью или имуществу»¹.

Положительные тенденции расширения правовой базы в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, являются одним из перспективных направлений деятельности и одновременно свидетельствуют о необходимости обобщения и использования уже имеющегося опыта, накопленного различными государствами. В свое время в Российской Федерации при создании Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» был принят во внимание положительный опыт зарубежных стран, в которых процесс реализации мер безопасности в отношении защищаемых лиц имеет многолетнюю историю.

Использование положительного зарубежного опыта, в частности Англии, США, Канады, ФРГ позволило разработать модель законодательного урегулирования вопросов обеспечения безопасности. Однако, существование законодательно определенной модели не завершает всю процедуру процесса реализации применяемых мер.

При обеспечении мер безопасности свидетелей первый шаг в данном процессе предпринимает следователь, который должен тактически взвешенно и грамотно реализовать данную процедуру. В нашей действующей системе задачу защиты участников уголовного судопроизводства решают исключительно силами нескольких «силовых» ведомств². Вместе с тем, как показывает мировая практика, в рамках данного направления деятельности необходимо привлечение сил и средств довольно широкого круга, как государственных органов, так и негосударственных организаций.

За рубежом, в частности в США, имеется положительный опыт использования такой меры государственной защиты, как вынесение ограничительного приказа и ограничений на места работы, проживания и передвижения, встречи с определенными субъектами в отношении подозреваемого, обвиняемого, осужденного (в том числе отбывшего наказание) и других лиц, оказывающих на защищаемое лицо посткриминальное воздействие. Ограничительный приказ предписывает совершать или не совершать определенные действия (например, требование находиться вне дома, школы, места работы защищаемого лица, не совершать противоправного воздействия на защищаемых лиц).

Следует согласиться с мнением Л.В. Брусницына, что использование ограничительного приказа целесообразно и в России³.

Российская правовая система требует дальнейшего совершенствования законо-

---

1 <http://www.mvd.tj/index.php/ru/nauchnye-issledovaniya-i-konferentsii/4000-programma-reformy-razvitiya-militsii-na-2014-2020-gody> // (дата обращения: 21.11.2014 г.).

2 Кондратьев Е.Е. [Пути решения проблемы защиты свидетелей](http://dpr.ru/pravo/pravo_7_13.htm) // Право и безопасность. – 2004. – № 1 // http://dpr.ru/pravo/pravo_7_13.htm. (дата обращения: 12.11.2014 г.).

3 Брусницин Л.В. Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК // Российская юстиция. – 2003. – № 5. – С. 56.

дательства, обеспечивающего безопасность свидетелей и совершенствования криминалистических рекомендаций по его реализации с учетом положительного международного опыта.

В качестве дополнения к действующим мерам, необходимо рассмотреть вариант по использованию мер предупреждающего характера, воздействие которых направлено на лицо, от которого исходит угроза для защищаемого лица. К подобным мерам можно отнести либо обязательство проживать в определенном районе по определению судебных органов, либо воздерживаться от проживания в определенном районе. Возможно наложение ограничения на общение с защищаемым лицом. Кроме того сюда необходимо отнести возможность по сокрытию данных о месте жительства свидетеля с указанием адреса только отделения полиции. Требуется минимизация времени на принятие решения о применении мер безопасности. Актуальным остается возможность расширения и ужесточения мер ответственности как за посягательство на защищаемых лиц, так и разглашение сведений, обеспечивающих безопасность¹.

Также следует установить общие основания и процессуальный порядок применения уголовно-процессуальных и иных мер государственной защиты, которые будут реализовываться за рамками уголовного процесса.

Международный опыт и практика показывают, что программный подход к проблеме является наиболее прогрессивным, и может стать руководством к действию по применению мер государственной защиты. Подтверждение тому – существующие в Российской Федерации и за рубежом на государственном уровне программы защиты участников уголовного судопроизводства.

Кроме того требуют своего разрешения проблемы связанные с обеспечением безопасности лиц, которые не могут получить статус свидетеля, в силу определенных причин. Здесь также возможно использование накопленного положительного зарубежного опыта, поскольку выявление возможных источников информации в процессе расследования большинства уголовных дел, позволят посредством использования полученной информации расширить круг потенциальных свидетелей.

В Австралии, Австрии, Канады, Латвии, Нидерландов, Норвегии и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, информаторы могут быть включены в программы защиты свидетелей. Иная ситуация в Германии, Словакии и Соединенных Штатах, где только те свидетели, которые закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе и свидетельствуют, могут иметь право на получение защиты свидетеля. Полицейских информаторов, которых используют в качестве источников информации, не относят к категории защищаемых лиц, но держат их имена и идентификационные подробности в тайне и, при определенных условиях, обеспечивают их физическую защиту на специальной основе. Информантов, допущенных к программе защиты свидетелей, рассекречивают, и они должны прекратить всю свою предыдущую деятельность².

1 См.: Фадеева М.П. Теория и практика государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству: автореф. канд. юрид. наук. – М., 2006.

2 Good practices for the protection of witnesses in criminal proceedings involving organized crime // <http://www.unodc.org/documents/organized-crime/Witness-protection-manual-Feb08.pdf> // (дата обращения:

Таким образом, можно отметить, что существует широкий круг лиц, требующий внимания в сфере обеспечения безопасности в процессе осуществления уголовного судопроизводства.

Однако помимо вопросов обеспечения безопасности свидетелей возникает вопрос об обеспечении соответствующего уровня правовой защищенности свидетелям на любых ситуациях расследования. Именно в этом аспекте и следует решить вопрос о необходимости обеспечения свидетелю участия представителя. В УПК РФ функцию представителя в соответствии со ст. 56 выполняет адвокат, который оказывает свидетелю юридическую помощь. Подобная необходимость определяться условиями привлечения свидетеля в процесс расследования по уголовному делу. В ст. 56 УПК РФ закреплено, что «в качестве свидетеля для дачи показаний может быть вызвано лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела». Формулировка статьи определяющей круг лиц, имеющих возможность получить процессуальный статус свидетеля аналогична ст. 56 УПК РФ и также предусматривает, что за исключением лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, лицо, имеющее определенную осведомленность, автоматически попадает в число участников уголовного судопроизводства. Именно участников, поскольку ст. 56 УПК РФ находится в главе 7, имеющей название «Другие участники уголовного судопроизводства». Следовательно, в силу определенных ситуаций в качестве свидетеля по уголовному делу может быть привлечено любое лицо. Ключевым элементом в определении возможности свидетельствования выступает степень осведомленности в отношении события преступления, либо определенных лиц, имеющих к нему непосредственное отношение.

Однако не все лица, попадая в сферу уголовного судопроизводства способны в полной мере реализовывать свои права, предусмотренные законом и понимать степень важности выполнения всех, возложенных в силу закона обязанностей.

Помимо этого именно свидетели зачастую становятся объектами неправомерного воздействия, при расследовании преступлений и им требуется максимальное обеспечение безопасности. Выявление ситуации требующей оказания помощи свидетелю не всегда осуществляется своевременно. Это приводит к проблемам, имеющим долговременный характер. В числе факторов снижающих эффективность расследования по уголовным делам выделяют и такой как «имеющие место факты недооценки давления на свидетелей со стороны лиц, заинтересованных в исходе дела»¹.

Необходимость обеспечения свидетеля возможностью иметь представителя, способного оказать юридическую помощь во всех вопросах реализации его прав, включая возможность обеспечения безопасности, следует рассматривать как одно из направлений совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан в рамках международных традиций обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Возможности использования имеющегося положительного опыта, в рамках

26.04.14 г.).

1 Каковкин М.С. Криминалистическое значение деятельности отдельных субъектов доказывания при работе со свидетелями по уголовным делам // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – №4. – С. 206.

дальнейшей интеграции основ участия свидетелей в процессе расследования преступлений является способом преодоления такой формы противодействия расследованию очевидцев преступления как сокрытие своей осведомленности. Современная криминалистика способна реализовывать имеющийся потенциал в интегрированном пространстве международного масштаба.

Накопленный потенциал и достижения криминалистики и уголовного процесса Республики Таджикистан должны использоваться для решения имеющихся проблемных вопросов в сфере обеспечения участия свидетелей в уголовном судопроизводстве, а также способствовать определению перспектив дальнейшего развития.

*СЛИНЬКО Сергей Викторович,
профессор кафедры уголовно-правовых
дисциплин Харьковского национального
университета внутренних дел, доктор
юридических наук, профессор*

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ДОКАЗЫВАНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ УКРАИНЫ

Новым уголовно-процессуальным законом определены новые элементы установления обстоятельств совершения уголовного правонарушения путем проведения негласных следственных (розыскных) действий, с помощью применения отдельных форм и методов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Усиление законодательного закрепления фактических данных, как доказательств в уголовном процессе, исходит из основных концептуальных положений борьбы с преступностью. Сегодня криминальные структуры объединяются для создания транснациональных, коррумпированных форм, которые уже противодействуют в государстве. Раскрытие организованной преступной группировки не всегда возможно с помощью одного только уголовного процессуального законодательства, необходима координация и поиск новых теоретических и практических положений реализации законодательства, взаимосвязь оперативных и процессуальных форм и методов.

Новый УПК Украины с 2012 года установил положения проведения негласных следственных (розыскных) действий в уголовном судопроизводстве. Теоретические разработки оперативно-розыскной деятельности, ее использование в уголовном производстве были предметом рассмотрения со стороны ряда ученых уголовного процессуального цикла. Надо отметить, что в начале 1922 года М.П. Тепнин теоретически обосновал, что следователь должен проводить следственные действия под руководством оперативных подразделений. Следователь при получении оперативной информации должен ее процессуально закрепить и обеспечить раскрытие уголовного преступления. С.Я. Розенблит в 1940 году поддержал эту точку зрения и в своей монографии «Дознание в РККА» предоставил новые элементы оперативно-розыскной деятельности в процессуальной деятельности следователя¹.

В дальнейшем теоретическое обоснование проведения негласных следственных (розыскных) действий в уголовном судопроизводстве были предметом рассмотрения со стороны ряда ученых. Отдельные теоретические разработки использования форм оперативно-розыскной деятельности, проверка оперативной информации и ее процессуальное закрепление в качестве доказательств, применение надлежащей процессуальной процедуры исследовались А.М. Бандуркой, А.И. Бастрыкиным, А.Ваксян, А.С. Васильевым, А.В. Горбачевым, И.М. Лузгиным, С.С. Овчинским, Н.А.

---

¹ Тепнин М.П. Руководство по дознанию в частях и учреждениях РККА. – М. Изд-во военной литературы, 1928. – 188 с.; Розенблит С.Я. Дознание в красной армии. – М.: Юридическое издательство, 1942. – 50 с.

Погорецким, А.А. Чувилевым и др.¹ Однако отечественная юридическая наука очень осторожно, в существующих научных трудах, исследовала проблемы использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Подавляющее большинство научных работ не учитывала специфику требований, продиктованных тенденциями, которые произошли в связи с изменениями в сфере национального законодательства.

Теоретические разработки доказательств в уголовном процессе были проведены: Р.С. Белкиным, А.Я. Вышинским, Н.В. Жогиним, Л.М. Карнеевой, Н.В. Сибилевой, Ф.Н. Фаткуллин и др.²

Общие положения нового уголовного судопроизводства установили два вида закрепления доказательств. Первый – проведение негласных следственных (розыскных) действий, которые предусматривают тайное закрепление фактических данных с помощью форм и методов оперативно – розыскной деятельности. Вторая форма включает в себя проведение следственных (розыскных) действий и закрепление их путем открытой процедуры, а именно проведение допроса, следственного эксперимента и т.д.

Считаем необходимым предоставить классификацию данных действий в уголовном судопроизводстве. Первая форма – проведение негласных следственных (розыскных) действий может быть классифицирована по методам проведения, а именно: секретность, фиксация и сохранение информации, исследование информации, полученной с помощью применения технических средств, использование конфиденциального сотрудника при раскрытии уголовного правонарушения. По функциональному определению данная форма установлена по видам: информационный, методологический, программный, документальный и методический.

Второй формой проведения следственных розыскных действий является – процессуальное закрепление доказательств, определенных законом. Функциональное определение следственных розыскных действий установлено по процедуре проведения, а именно следователем, прокурором.

Проведение негласных следственных (розыскных) действий с помощью информационного метода можно определить таким образом, что информация, полученная от источника должна быть четко определена с точки зрения допустимости, отношение к факту уголовного правонарушения и отвечать объективной истине или ее можно определить недопустимой в уголовном судопроизводстве.

Методологический и программный метод должен включать в себя содержание деятельности правоохранительных органов, владение оперативной ситуацией, знать динамику роста уголовных правонарушений, полученных от государственных органов путем составления отчетности об экономическом состоянии местности.

Документальный метод применяется в случае необходимости получения ин-

1 Бандурка А.М. Оперативно-розыскная деятельность: правовой анализ // А. М. Бандурка, А.В. Горбачев. – К.: Редакционно-издательский отдел МВД Украины, 1994. – 119 с.; Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. – М.: Спарк, 2000. – 220 с.; Чувилев А.А. Оперативно-розыскное право. – М.: Академия МВД СССР, 1999. – 120 с.

2 Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М. : Госюриздат, 1946. – 327 с.; Жогин Н.В. Теория доказательств в советском уголовном процессе // Н. В. Жогин, В. Г. Танасевич, Г. М. Миньковский. – М.: Юрид. лит., 1973. – 510 с.

формации от государственных органов, предприятий, учреждений в случае предоставления запроса или составления постановления и протокола проведения выемки документов.

После установления всех обстоятельств уголовного правонарушения следователь принимает решение по проведению негласных следственных (розыскных) действий. Секретность проведения данных действий регламентирована законом Украины «О прокуратуре», «О государственной тайне», «Об оперативно-розыскной деятельности» и порядком организации и обеспечения режима секретности в органах государственной власти, органах местного самоуправления, на предприятиях, в учреждениях и организациях.

Субъекты, уполномоченные на проведение негласных следственных (розыскных) действий четко определены в УПК: следователи органов внутренних дел; следователи органов безопасности; следователи органа, осуществляющего контроль за соблюдением налогового законодательства; следователи органа государственного бюро расследований.

Оперативные уполномоченные оперативных подразделений органов внутренних дел, органов безопасности, органов, осуществляющих контроль за соблюдением налогового законодательства, органов и учреждений исполнения наказаний и следственных изоляторов Государственной пенитенциарной службы Украины, органов Государственной пограничной службы Украины, органов Государственной таможенной службы Украины проводят негласные следственные (розыскные) действия по письменному поручению следователя, прокурора, осуществляющего надзор за соблюдением законов следователями при проведении досудебного расследования в форме процессуального руководства.

Следственный судья получает от следователя представление. Прокурор дает согласие на передачу судье представления. Следственный судья составляет определение на проведение негласных следственных (розыскных) действий.

По результатам проведения негласных следственных (розыскных) действий следователь составляет процессуальные документы: постановление, указание, поручение, протокол в зависимости от вида негласного следственного (розыскного) действия.

Полученные фактические данные во время проведения негласного следственного (розыскного) действия которые подтверждают сведения о совершенном уголовном правонарушении или указывают на лицо, его совершившее, следователь оформляет протоколом. По результатам проведения данных действий следователь обязан предоставить следственному судье копию процессуального протокола и должен сообщить прокурору о результатах проведения негласной следственного (розыскного) действия.

Согласно УПК Украины негласные следственные (розыскные) действия, в зависимости от их вида и конкретной цели, проводятся в отношении подозреваемого, если следователь уверен, что в результате их проведения имеется возможность получить сведения о совершении конкретным лицом уголовного правонарушения или обстоятельства, которые имеют значение для досудебного расследования, а также события, вещи и документы, которые имеют существенное значение для уголовного

производства.

УПК Украины установил виды негласных следственных (розыскных) действий, которые можно определить и классифицировать исключительно в уголовном производстве по тяжким или особо тяжким преступлениям.

Аудио, видео контроль лица (ст. 260 УПК Украины) заключается в негласном (без ведома лица) фиксации и обработке с использованием технических средств разговора этого лица или других звуков, движений, действий, связанных с ее деятельностью или месту пребывания и т.д.

Наложение ареста на корреспонденцию (ст. 261 УПК Украины) заключается в запрете учреждениям связи и финансовым учреждениям вручения корреспонденции адресату без соответствующего указания следователя, прокурора.

Осмотр и выемка корреспонденции (ст. 262 УПК Украины) заключается в негласном открытии и осмотре задержанной корреспонденции, на которую наложен арест, его выемке или снятии копии или получении образцов, нанесении на обнаружены вещи и документы специальных отметок, оборудовании их техническими средствами контроля, замене вещей и веществ, представляющих угрозу для окружающих или запрещенные в свободном обращении, на их безопасные аналоги.

Снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей заключается в негласном проведении с применением соответствующих технических средств наблюдения, отбора и фиксации содержания передаваемой лицом, а также получении, преобразовании и фиксации различных видов сигналов, передаваемых по каналам связи (знаки, сигналы, письменный текст, изображения, звуки, сообщения любого вида).

Снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей предусматривает:

- контроль за телефонными разговорами, заключающийся в негласном проведении с применением соответствующих технических средств, в том числе установленных на транспортных телекоммуникационных сетях, наблюдения, отбора и фиксации содержания телефонных разговоров, другой информации и сигналов (SMS, MMS, факсимильная связь, модемный связь и т.п.), которые передаются телефонным каналом связи, контролируется;

- снятие информации с каналов связи, негласное получение, преобразование и фиксация информации с применением технических средств, в том числе установленных на транспортных телекоммуникационных сетях, в соответствующей форме различных видов сигналов, передаваемых по каналам связи сети Интернет, других сетей передачи данных, контролируются.

Снятие информации с электронных информационных систем без ведома ее владельца (ст. 264 УПК Украины) заключается в получении информации, в том числе с применением технического оборудования, содержащейся в электронно-вычислительных машинах (компьютер), автоматических системах, компьютерной сети.

Обследование публично недоступных мест, жилья или иного владения лица (ст. 267 УПК Украины) заключается в тайном проникновении следователя или уполномоченного лица без ведома собственника или владельца, скрыто, под псевдонимом или с применением технических средств в помещение и иное владение для установ-

ки технических средств аудио, видео контроля лица или непосредственно с целью выявления и фиксации следов преступления, проведение осмотра, выявления документов, вещей, имеющих значение для досудебного расследования, изготовление копий или их образцов, выявления лиц, разыскиваемых или для других целей для достижения целей уголовного производства.

Наблюдения за лицом в публично доступных местах (ст. 269 УПК Украины) заключается в визуальном наблюдении за лицом следователем или уполномоченным лицом для фиксации ее передвижения, контактов, поведения, пребывания в определенном, публично доступном месте и т.д. или применении с этой целью специальных технических средств для наблюдения.

Аудио-, видеоконтроль места (ст. 270 УПК Украины) заключается в применении технического оборудования в публично доступном месте с целью фиксации сведений (разговоров, поведения лиц, других событий), которые имеют значение для уголовного производства, без ведома присутствующих в нем лиц.

Негласное получение образцов, необходимых для сравнительного исследования (ст. 274 УПК Украины), заключается в действиях следователя или уполномоченного лица, которые позволяют без ведома собственника или владельца получить образцы материалов, сырья, изделий и т.д., в том числе в публично недоступных местах.

Наблюдения за вещью или местом в публично доступных местах (ст. 269 УПК Украины) заключается в визуальном наблюдении за определенной вещью или определенным местом следователем или уполномоченным лицом для фиксации ее перемещения, контактов с ней определенных лиц, событий в определенном месте для проверки сведений при досудебного расследования тяжкого или особо тяжкого преступления либо применении с этой целью специальных технических средств наблюдения.

Контроль за совершением преступления (ст. 271 УПК Украины):

Контролируемая поставка заключается в организации и осуществлении следователем и оперативным подразделением контроля за перемещением (перевозкой, пересылкой, передачей, ввозом, вывозом из Украины или транзитным перемещением ее территории) товаров, предметов и веществ, в том числе запрещенных к обращению, с целью выявления признаков преступления и фиксации фактических данных о противоправных деяниях лиц, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом Украины.

Контролируемая закупка заключается в имитации приобретения или получение, в том числе бесплатного, у физических и юридических лиц независимо от форм собственности на товар, находящийся в свободном обращении, с целью разоблачения и документирования факта совершения преступления и лица, его совершившего.

Оперативная закупка заключается в имитации приобретения или получение, в том числе бесплатного, у физических и юридических лиц независимо от форм собственности на товар, оборот которого ограничен или запрещен действующим законодательством, с целью разоблачения и документирования факта совершения преступления и лица, его совершившего.

Специальный следственный эксперимент заключается в создании следователем и оперативным подразделением соответствующих условий в обстановке, максималь-

но приближенной к реальной, с целью проверки истинных намерений определенного лица, в действиях которого усматриваются признаки тяжкого или особо тяжкого преступления, наблюдение за его поведением и принятием им решений о совершении преступления.

Имитирование обстановки преступления состоит в действиях следователя, уполномоченного лица, с использованием имитационных средств, которые создадут у окружающих представление о совершении реального преступления, с целью его предотвращения и разоблачения известной или неизвестной лица (лиц), которая планировала или заказывала его совершения.

Выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации (ст. 272 УПК Украины) заключается в организации следователем и оперативным подразделением введения уполномоченного ими лица, в соответствии с законом выполняет специальное задание, в организованную группу или преступную организацию под легендой прикрытия для получения сведений о ее структуре, способы и методы преступной деятельности, вещей и документов, имеющих значение для расследования преступления или преступлений, совершаемых этими группами.

Выполнение такой задачи осуществляется на основании постановления следователя, согласованного с руководителем органа досудебного расследования, или постановления прокурора с сохранением в тайне достоверных сведений о личности и не требует разрешения следственного судьи.

Использование конфиденциального сотрудника, получение от него конфиденциальной информации, которая фиксируется и проверяется после чего может быть определена как доказательная база для установления обстоятельств уголовного преступления и виновного лица, его совершившего. Показания конфиденциального сотрудника могут быть осуществлены на стадии досудебного расследования и судебного разбирательства. При даче показаний конфиденциальный сотрудник может их предоставить в режиме видеоконференции. Следователь, прокурор должны обеспечить безопасность конфиденциального сотрудника в уголовном производстве.

Вывод заключается в том, что доказывание по уголовному производству по законодательству Украины имеет своей целью установление фактических обстоятельств совершения уголовного правонарушения любыми законными формами и методами. Раскрытие преступления, установление виновного производится в рамках законодательства на основе производства следственных розыскных, негласных следственных (розыскных) действий.

*СОЛДАТСКИЙ Вадим Владимирович,
ассистент кафедры уголовного процесса,
Национальный университет «Одесская
юридическая академия»*

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СРОКОВ В СТАДИИ СУДЕБНОГО РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Необходимость точного и правильного соблюдения сроков уголовного процессуального законодательства при осуществлении судебного рассмотрения направлено на соблюдение установленных законом процессуальных гарантий всех участников уголовного производства. Это необходимо для обеспечения всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств в уголовном производстве, выявления причин и условий, способствующих совершению уголовных преступлений, вынесения законного, обоснованного и мотивированного судебного решения. Другими словами, чем больше суд и участники судебного разбирательства обращаются к форме (установленным законом порядком судебного разбирательства), тем меньше вероятность допустить судебную ошибку и больше гарантий для обеспечения выполнения задач уголовного судопроизводства, закрепленные в ст. 2 УПК Украины.

Предоставление суду права признавать граждан виновными в совершении уголовных преступлений, а также подвергать их уголовному наказанию превращает судебное разбирательство на центральную стадию уголовного процесса. Именно в этой стадии окончательно решается задача обеспечения правильного применения закона к тем, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Обеспечение правильного применения закона невозможно без решения всего комплекса задач, стоящих перед уголовным процессом, а именно: защита граждан, общества и государства от уголовных правонарушений, охрана прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также обеспечения быстрого, полного и беспристрастного расследования к тем, чтобы каждый, кто совершил уголовное преступление, был привлечен к ответственности в меру своей вины, ни один невиновный не был обвинен или осужден и лица не подвергавшимся необоснованным процессуальным принуждениям.

Бесспорно, правильная оценка значения быстроты уголовного судопроизводства является одной из важнейших предпосылок разработки и совершенствования уголовно-процессуального законодательства, укрепление законности в судебной деятельности. Несмотря на то, что Конвенция о защите прав и основных свобод человека 1950 г., где закреплено право на судебное разбирательство в течение разумного срока, была ратифицирована Верховной Радой Украины Законом № 475/97 еще 17 июля 1997 и по настоящее время существует 115 решений ЕСПЧ против Украины, которые связаны с нарушением права на судебное разбирательство в течение разумного срока, в течение пятнадцати последующих лет законодатель ни разу не поднимал статус этого требования к уровню принципиального.

Следует отметить, в науке уголовного процесса длительный период времени проблеме обеспечения скорости уголовного судопроизводства не было уделено должного внимания. Учеными она рассматривалась и как принцип уголовного процесса, и как принцип, действующий только на стадии досудебного расследования, и как одно из проявлений принципа публичности, и как временная свойство уголовного судопроизводства, и наконец, как условие досудебного следствия. В то же время, ч. 1 разд. IV Концепции совершенствования судопроизводства для утверждения справедливого суда в Украине в соответствии с европейскими стандартами, предусматривает, что судопроизводство должно основываться на системе общих принципов, к числу которых относится и принцип разумности сроков производства, обязывающее суд решать дела без неоправданных задержек и избегать поспешности, причиняющей вред справедливому судопроизводству.

Нормативное закрепление разумности сроков в действующем УПК Украины является важным, но, на наш взгляд, только первым шагом. Перспективным является создание механизмов для обеспечения реального ускорения процесса и, возможно, разработка и принятие закона о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок, как это было сделано в последние годы в Польше и Российской Федерации.

Следует также отметить, что за время существования независимой Украины неоднократно предпринимались попытки нормативно закрепить вопрос разумного срока судебного производства по уголовным делам. Планом мероприятий, направленных на реализацию приоритетов деятельности Кабинета Министров Украины в 2008 году, предполагалось разработки законопроекта о внесении изменений в некоторые законодательные акты по защите права человека на досудебном производстве, рассмотрение дела судебным органом или исполнительное производство в течение разумного срока. Вместе с тем, указанный пункт Плана так и не было выполнено.

В ч. 1 ст. 318 действующего УПК Украины отмечается, что судебное разбирательство должно быть проведено и завершен в течение «разумного срока». Следует отметить, что сроки в уголовном процессе используются законодателем как один из рычагов воздействия на субъектов уголовных процессуальных правоотношений с целью выполнения задач судопроизводства и защиты прав и законных интересов личности. Особого внимания заслуживает положение УПК о соблюдении разумного срока, который является чрезвычайно важным для надлежащего осуществления правосудия.

Право на судебное разбирательство в течение «разумного срока» относится к категории основных прав и свобод человека. Этому праву корреспондирует обязанность государства в лице его соответствующих органов осуществить все надлежащие меры для организации расследования и проведения судебного разбирательства в уголовном производстве так, чтобы, с одной стороны, установить объективную истину, а с другой стороны, сделать это без промедления в возможно короткий срок.

Понятие «разумный срок» в ст. 318 УПК не приводится. Такое понятие для уголовного процессуального законодательства является относительно новым и впервые вводится в ст. 28 УПК. До этого субъекты уголовного процесса пользовались понятием «разумности сроков», исходя из толкования положений п. 1 ст. 6 Конвенции о

защите прав человека и основных свобод 1950, практики ЕСПЧ и ряда других международно-правовых актов, регламентирующих порядок производства в уголовном судопроизводстве и, среди прочего, вопросы соблюдения процессуальных сроков.

Иногда в международно-правовых актах и судебной практике международных судебных учреждений вместо понятия разумного срока используются такие словосочетания, как «немедленное информирование», «без неоправданной задержки», «немедленный доступ», «быстрое рассмотрение», «как можно скорее», «в течение минимально необходимого срока», но нагрузку всех этих понятий та же – соблюдение требований разумного срока.

В ч. 1 ст. 28 УПК Украины представлено понятие разумные сроки, которые объективно необходимы для выполнения процессуальных действий и принятия процессуальных решений. В то же время в этой норме говорится, что разумные сроки не могут превышать предусмотренные УПК сроки выполнения отдельных процессуальных действий или принятия отдельных процессуальных решений.

Вместе с тем, в действующем УПК продолжительность сроков судебного разбирательства не предусмотрена. Как мы уже отмечали, в ч. 1 ст. 314 и ч. 2 ст. 316 УПК только предусматриваются сроки, в которые суд должен назначить подготовительное судебное заседание (не позднее пяти дней со дня поступления обвинительного акта, ходатайство о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера или ходатайство об освобождении от уголовной ответственности) и судебное разбирательство (не позднее десяти дней после вынесения постановления о его назначении). Но это не значит, что уголовное производство может осуществляться неоправданно длительное время. Именно для этого существует понятие «разумных сроков».

Понятие разумных сроков принадлежит к оценочным и определяется с учетом ряда обстоятельств. Так, ч. 3 ст. 28 УПК предусмотрены критерии для определения разумности сроков уголовного производства, к которым относятся: сложность уголовного производства, поведение участников уголовного производства, в частности способ осуществления следователем, прокурором и судом своих полномочий.

Очень важными с точки зрения соблюдения судами разумного срока является положение ч. 5 ст. 28 УПК, согласно которому каждый имеет право, чтобы обвинения в отношении него в кратчайшие сроки или стало предметом судебного разбирательства, или чтобы соответствующее уголовное производство в отношении него было закрыто. Особое внимание следует уделять рассмотрению уголовного производства в отношении лиц, содержащихся под стражей, и несовершеннолетних. Частью 4 ст. 28 УПК предусмотрено, что уголовное производство в отношении лица, содержащегося под стражей, несовершеннолетнего должно быть осуществлено безотлагательно и рассмотрено в суде в первую очередь. Это в свою очередь подчеркивает и ЕСПЧ.

Таким образом, на основании анализа практики международных судебных инстанций, считаем, что гарантией права человека на справедливое судебное разбирательство является его право осужденной без неоправданной задержки в разумные сроки. Итак, судебная система должна быть построена таким образом, чтобы эта гарантия могла быть эффективно обеспечена. При этом, лицо нельзя обвинять в задержке, вызванной осуществлением своего права хранить молчание или не сотруд-

ничать с судебными органами или она в полной мере пользуется для своей защиты способами, предоставленными законодательством, хотя это может в какой-то мере и замедлить судебное разбирательство. Судебные задержки могут ставиться в вину подсудимым только в случае умышленной обструктивной поведенья (есть доказательства, которые свидетельствуют о том, что подсудимый и / или его адвокат проявляют намерение затянуть дело или препятствовать его рассмотрению в суде).

Кроме того, началом, от которого следует вести отсчет периода, может быть день, когда лицу или было предъявлено обвинение, или его арестовали, или привлекли к уголовной ответственности, а окончанием этого периода считается день, когда принимается окончательное судебное решение об оправдании или осуждения лица или лиц. При этом, понятие разумной продолжительности уголовного судебного разбирательства следует оценивать в свете конкретных обстоятельств уголовного дела, принимая во внимание критерии, зафиксированные в прецедентном праве, в частности, сложность дела, поведение подсудимого и поведение компетентных органов (способ осуществления своих полномочий).

Кроме нормативно-правового содержания, считаем необходимым рассмотреть также и теоретические вопросы (аспекты) разумности процессуальных сроков в стадии судебного рассмотрения уголовных дел, тесно связанным с нормативным его аспектом и практикой уголовно-процессуальной деятельности. При толковании такого критерия для определения разумности сроков уголовного производства как способ осуществления судом своих полномочий, встречаются разные мнения ученых. Так, авторы научно-практического комментария УПК Украины отмечают, что практика ЕСПЧ дает возможность выделить, что следует учитывать при оценке действий органов, ведущих уголовное производство: своевременность назначения уголовного производства к рассмотрению; проведения судебного разбирательства в назначенный срок; повторяющуюся замену судей; длительные сроки изготовления мотивированного судебного решения или протокола судебного заседания и направления его сторонам или ознакомления с ними; полноту осуществления судьей контроля за выполнением работниками аппарата суда своих служебных обязанностей, в том числе из сообщения лиц, участвующих в уголовном производстве, о времени и месте судебного заседания; полноту и своевременность принятия судьей мер в отношении участников процесса и других лиц, направленных на недопущение их процессуальной недобросовестности и процессуальной волокиты в уголовном производстве; контроль судьи по срокам проведения экспертизы, наложением штрафов; отсрочки, возникающие по вине судебной канцелярии или других административных органов, и тому подобное. Исходя из вышеприведенного, по нашему мнению, следует подробнее конкретизировать критерии для определения разумности сроков.

Таким образом, анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства Украины относительно разумности сроков на стадии судебного разбирательства, можно сделать вывод, что закон в первую очередь рассчитывает на высокую нравственность и порядочность субъектов уголовного производства на этой стадии уголовного процесса, а не побуждая их к бюрократизму и формальности. К сожалению, в нашей стране данное положение не совсем уместно, исходя из менталитета наших граждан. Это касается как органов, осуществляющих уголовное производ-

ство, так и лиц, принимающих участие в нем. В Украине отсутствуют эффективные средства защиты при нарушении сроков уголовного производства. Так, один человек под разумным сроком ознакомления с материалами уголовного производства понимает 3 дня, а другой – 1 месяц, и тому подобное.

Нарушение сроков деятельности, определенных законом, превышены гносеологических границ, имеет место в случае невозможности получения судом данных, представляют в своей совокупности истинное знание о совершенное деяние. Идеальным является положение, когда фактические границы не превышают нормативных и в то же время согласуются с гносеологическими.

Однако, здесь возникает вполне логичный вопрос о том, каким же образом практически возможно достижение такого идеального положения? Считаем, здесь следует исходить из справедливого (разумного) соотношения сроков познания обстоятельств противоправного деяния, в связи с которым судом осуществляется уголовно-процессуальная деятельность, и сроков защиты прав и законных интересов лиц, для которых имеет значение справедливое решение уголовно-правового конфликта, решаемой в ее пределах.

В такой ситуации, по мнению Л. Карабут, если преувеличить значение познавательной составляющей, то уголовно-процессуальная деятельность может растянуться во времени на неопределенный промежуток времени. Это может иметь место, когда лицо, осуществляющее познания, неоправданно расширит границы познания, обусловленные его предметом. Понятно, что в этом случае «совершенное» познания, является таким, по мнению субъекта, который его осуществляет, будет не в пользу своевременному обеспечению прав и интересов лиц заинтересованных в результатах уголовно-процессуальной деятельности. С другой стороны, если неоправданно стремиться к скорейшему решению уголовно-правового конфликта, то оно может произойти на основании данных, не является добытыми на выполнение требования относительно полноты и всесторонности, из-за поспешного их сбора.

Вполне понятно, что как потерпевший, так и обвиняемый в этой ситуации стремиться того, чтобы решение по уголовному делу было принято судом быстрее. Это поможет им избавиться от чувства неопределенности относительно решения конфликта, к которому они втянуты (потерпевший, как правило, по своей воле, обвиняемый, как правило, - нет). В то же время, справедливым решение конфликта лишь тогда, когда будет основываться на результатах полного и всестороннего изучения всех обстоятельств дела (конфликта). В то же время не всегда возможно полно и всесторонне познать обстоятельства дела (конфликта) в установленный законом срок.

Таким образом, гносеологические и нормативные пределы (сроки) уголовно-процессуальной деятельности на стадии судебного рассмотрения должны находиться в разумном соотношении. В связи с этим вполне можно согласиться с тем, что, разумные сроки уголовно-процессуальной деятельности на стадии судебного рассмотрения являются теми сроками, констатирующие разумное соотношение нормативных, гносеологических и фактических границ (сроков). В последнее время в юридической научной литературе возникает вопрос об отказе от установления нормативных границ уголовно-процессуальной деятельности на стадии судебного разбирательства, то есть об отмене в уголовно-процессуальном законе норм, которыми

урегулированы любые процессуальные сроки.

В то же время, считаем, что в отечественном уголовном процессе подобное утверждение является нецелесообразным, поскольку оно противоречит традиционным представлениям о том, что уголовно-процессуальная деятельность должна осуществляться в течение определенного, четко определенного (формализованного) срока. При этом, такая традиционность обусловлена преимущественно правовой культурой судебных органов.

ФРАНЦИФОРОВ Юрий Викторович,
профессор кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная
юридическая академия», доктор юридических
наук

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ПО УПК РТ И УПК РФ

Большинство следственных действий ограничивают права и свободы человека. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ, «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Таким образом, необходимость соблюдения требований Основного закона при производстве следственных действий показывает актуальность темы выбранного исследования.

Раскрывая понятие «следственные действия», надо отметить, что это производимые следователем, дознавателем в ходе проведения предварительного расследования, в соответствии с уголовно-процессуальным законом, познавательные и удостоверительные процессуальные действия, осуществляемые с целью собирания и проверки доказательств.

Общие правила производства и оформления следственных действий содержатся в специальных нормах находящихся в главе 20 УПК РТ и 22 УПК РФ, однако, порядок производства и оформления каждого следственного действия детально регламентируется главами 21-24 УПК РТ и 24-27 УПК РФ. Следственные действия, проведенные с нарушением этих требований признаются недопустимыми, поскольку влекут утрату доказательственного значения тех данных, которые получены в ходе их производства. А потому сведения, полученные в ходе этих следственных действий не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения.

Производство следственных действий, наиболее существенно ограничивающих конституционные права и свободы личности, требуют судебного решения. Как справедливо пишет Н.Буланова, в целях недопущения произвольного ограничения прав участников уголовного судопроизводства Конституция РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ установили, что производство следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, допускается только на основании судебного решения¹.

К следственным действиям ограничивающих конституционные права и свободы личности УПК РФ относит: – осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; – обыск и (или) выемка в жилище; – выемка вещи заложенной или сданной на хранение в ломбард; – личный обыск, за исключением момента задержания лица, по подозрению в совершении им преступления; – выемка таких предметов

¹ Буланова Н.В. Прокурорский надзор за соблюдением прав участников исполнительного судопроизводства: состояние, проблемы, перспективы // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 23.

и документов, которые содержат как государственную так и другую охраняемую федеральным законом тайну, в том числе предметов и документов, содержащих сведения о денежных средствах в кредитных организациях и банковских счетах граждан; – наложение ареста на корреспонденцию, разрешении на осмотр корреспонденции и ее выемку в учреждениях связи; – наложение ареста на имущество физических и юридических лиц, включая денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях; – контроль и запись телефонных и других переговоров; – получение сведений о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

В соответствии со ст. 35 РТ полномочия суда распространяются на производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыск жилища; наложение ареста на имущество; обыск, выемку предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках; наложение ареста на денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, ее осмотр и выемку в учреждениях связи и телеграфных сообщений, других сообщений, передаваемых через сети электрической и почтовой связи; временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности; прослушивание и запись телефонных и иных переговоров.

Суд Республики Таджикистан вправе самостоятельно возбуждать уголовное дело и направлять для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы.

По УПК РФ производство данных следственных действий возможно лишь при вынесении постановления следователем о возбуждении перед судом его ходатайства с согласия руководителя следственного органа, а дознавателя с согласия прокурора. Это ходатайство рассматривается единолично судьей по месту производства предварительного следствия или производства следственного действия не позднее 24 часов с момента его поступления. В судебном заседании могут принимать участие прокурор, следователь и дознаватель.

В тех случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, не терпит отлагательства, они могут быть осуществлены на основании постановления следователя или дознавателя без получения соответствующего судебного решения. При такой ситуации следователь или дознаватель в течение 24 часов с момента начала осуществления следственного действия ставит в известность судью и прокурора о его производстве. При признании судьей, что проведенное следственное действие является незаконным, все доказательства, полученные в ходе его проведения, будут считаться недопустимыми.

Более подробно остановимся на таком следственном действии, которое наиболее остро ограничивает права человека и гражданина, как обыск в жилище, который осуществляется с целью отыскания и изъятия следов, орудий преступления, предметов и ценностей, добытых преступным путем, в том числе для обнаружения объявленных в розыск лиц, разыскиваемых предметов и документов, имеющих значение для возбужденного уголовного дела.

Основанием осуществления обыска служит наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут быть обнаружены орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 190 УПК РТ и ч.1 ст. 182 УПК РФ).

Обыск в жилище проводится на основании судебного решения, предусмотренного требованиями ст. 35 УПК РТ и ст. 165 УПК РФ.

Ошибочной является такая ситуация, когда следователь в своем ходатайстве о проведении следственного действия ограничивается лишь констатацией обстоятельств указывающих на необходимость его производства. Вместе с тем в резолютивной части постановления должны быть указаны мотивы необходимости производства следственного действия, а также какую информацию доказательственного характера в результате его проведения он планирует получить. Так, следователь, ходатайствующий о получении разрешения на производство обыска в жилище, обязан указать, где будет произведен обыск и какие предметы он рассчитывает изъять.

Перед производством обыска следователь предъявляет постановление о его проведении и судебное решение, позволяющее его осуществление, и предлагает гражданину добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. В том случае, когда они выданы добровольно и нет оснований опасаться их сокрытия, то следователь может обыск не производить. Изъятые предметы, документы и ценности предъявляют понятым и другим участникам, присутствующим при обыске, при необходимости они упаковываются и опечатываются следователем с обязательным удостоверением их подписями участников следственного действия.

При производстве обыска могут изыматься электронные носители информации с помощью специалиста. По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации специалистом, участвующим в обыске, в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации может осуществляться копирование информации (ч.9.1 ст. 182 УПК РФ).

При производстве обыска вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск. При производстве обыска следует обеспечить присутствие понятых, которые необходимы для удостоверения факта производства следственного действия, его хода и результатов, фиксируемые в протоколе, копия которого вручается лицу, у которого был осуществлен обыск или вручается под расписку представителю администрации данной организации.

Если по уголовно-процессуальному законодательству РФ **и в соответствии с ч. 1 ст. 165 УПК РФ** следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве обыска в жилище, о чем выносится постановление, **то в соответствии с статьей 192 УПК Республики Таджикистан** обыск производится дознавателем, следователем или прокурором по мотивированному постановлению и санкции суда, судьи. Производство обыска должно быть санкционировано судом, судьей. Обыск производится только с санкции прокурора, в исключительных случаях, когда имеется реальное опасение, что разыскиваемый и подлежащий изъятию объект может быть из-за про-

медления с его обнаружением утрачен, поврежден или использован в преступных целях, либо разыскиваемое лицо может скрыться, обыск может быть произведен без санкции суда, судьи с последующим направлением в течение 24 часов письменного сообщения о произведенном обыске суду.

В соответствии с ч. 3 ст. 192 УПК РТ и ч. 3 ст. 182 УПК РФ, а также содержания ч. 2 ст. 12, п. 5 ч. 2 ст. 29 и ч. 5 ст. 165 УПК РФ существуют такие виды обыска в жилище: когда обыск не носит неотложный характер и когда производство обыска не терпит отлагательства. Если производство обыска не теряет своего значения и через некоторое время, необходимое для получения права на его проведение, то следователь выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о производстве обыска в жилище. Когда же производство обыска в жилище является срочным и не терпит отлагательства, то оно осуществляется на основании постановления следователя. В этом случае следователь обязан в течение 24 часов с момента начала обыска в жилище уведомить судью и прокурора о его производстве.

К уведомлению следует приложить копии постановления о производстве обыска в жилище и протокола этого следственного действия для судебной проверки законности его производства. Далее судья, в течении 24 часов с момента поступления к нему уведомления осуществляет проверку законности проведенного обыска и выносит постановление о его законности или незаконности. Если же судья признает данный обыск незаконным, то все доказательства, полученные при его проведении становятся недопустимыми в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ.

При этом, неотложность обыска в жилище должна иметь такие ситуации, при которых внезапно появились фактические основания проведения обыска в жилище или принимаются меры к уничтожению или сокрытию предметов (документов и т.п.), могущих иметь отношение к уголовному делу; обыск необходим для пресечения дальнейшей преступной деятельности или в целях поимки преследуемого преступника; налицо иные обстоятельства, позволяющие полагать, что отказ от немедленного проведения обыска в жилище может привести к потере сведений, которые могут иметь значение для уголовного дела¹.

В том случае, когда обыск в жилище останется актуальным и необходимым средством собирания доказательств и по истечении ближайших 24 или 48 часов, то его нельзя признать неотложным, а следовательно его производство возможно лишь по судебному решению.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что производство следственных действий, наиболее существенно ограничивающих конституционные права и свободы личности, в соответствии с УПК РТ и УПК РФ требует судебного решения лишь при наличии мотивированного постановления следователя, обосновывающего необходимость осуществления обыска для получения информации доказательственного характера, обнаружения предметов и документов имеющих значение для расследования данного преступления, а также с целью защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления.

---

¹ Рыжаков А.П. Обыск и выемка: основания и порядок производства. – М., 2013. – С. 152.

*ХАЛИУЛЛИН Адель Ильфатович,
научный сотрудник Академии Генеральной
прокуратуры Российской Федерации*

НОВЕЛЛЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Широкое распространение информационных технологий в реализации общественных отношений и при осуществлении государственного управления ставят вопрос о правовом регулировании их применения в уголовном судопроизводстве.

Правовое регулирование оборота информации в Российской Федерации проходит лишь первые ступени на пути нормативного регулирования. Информационная безопасность определена в качестве важного элемента национальной безопасности Российской Федерации¹. Риски информатизации являются общими для любой сферы общественных отношений и государственного управления, в том числе и для сферы уголовного судопроизводства. Ключевой аспект риска информатизации уголовно-правовых отношений заключается в отсутствии либо ненадежности механизмов обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса при его осуществлении в электронной форме.

Внедрение результатов научно-технического прогресса в процесс государственного управления осуществляется в рамках «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации»², Федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002-2010 годы)»³, и Государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)»⁴.

Одним из наиболее успешных направлений реализации вышеуказанных программ информатизации является последовательный процесс создания системы государственных информационных ресурсов и формирование нормативной базы предоставления государственных услуг в электронной форме⁵, организация единой информационной и телекоммуникационной инфраструктуры органов власти – «системы межведомственного электронного взаимодействия»⁶.

1 «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. – № 187. – 28.09.2000

2 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» // Российская газета. – № 34. – 16.02.2008

3 Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 (ред. от 09.06.2010) «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002– 2010 годы)» // Собрание законодательства РФ. – 04.02.2002. – № 5. – Ст. 531.

4 Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011– 2020 годы)»» // Собрание законодательства РФ. – 05.05.2014. – № 18 (часть II). – Ст. 2159.

5 Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Российская газета – № 168. – 30.07.2010.

6 Постановление Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 (ред. от 09.10.2014) «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» // Собрание законодательства РФ. – 20.09.2010. – № 38. – Ст. 4823.

На подступах к воплощению находится концепция «Электронное правосудие» («электронный судья»¹), которая представляет собою способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий. Согласно данной концепции, электронные инструменты позволяют достичь абсолютной прозрачности и доступности деятельности судов, улучшить качество работы, сократить издержки участников уголовного судопроизводства. Требование к информации, содержащейся в судебных актах, подлежащих опубликованию в сети интернет, закреплены Федеральным законом № 262-ФЗ от 22.12.2008 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»².

Отдельные информационные технологии используются также и на досудебной стадии уголовного судопроизводства: в процессе раскрытия и расследования преступлений, осуществления прокурорского надзора.

Использование разнообразных технических средств в процессе осуществления прокурорского надзора повышает эффективность сбора информации о преступлениях и лицах их совершивших, анализе материалов уголовных дел и материалов доследственной проверки сообщений о преступлениях.

Применение информационных технологий и техники в уголовном судопроизводстве не сводится только к получению информации о преступлении. Информационные технологии используются для облегчения восприятия сведений прокурором, следователем и иными участниками уголовного процесса, например, визуализация результатов следственных действий, что способствует их анализу, сохранению и использованию.

Современные технологии активно применяются при осуществлении прокурорского надзора в целях информационно-справочных обеспечения.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ регламентировано применение технических средств, таких как фотографирование, аудио- и видеозапись, и т.д. (ст. 106, 186, 189 УПК РФ); осуществление процессуальных действий с использованием достижений научно-технического прогресса, в том числе в электронной форме (например, видеоконференцсвязь); изъятие, копирование и хранение материальных носителей информации в электронной форме; в отдельных случаях возможность ознакомления с материалами уголовного дела в электронной форме³.

В подзаконных нормативных правовых актах рассмотрены, например, вопросы подачи электронных заявлений о совершенном преступлении удаленно посредством информационно-телекоммуникационных сетей, фиксация даты подачи и соблюдения установленных сроков их рассмотрения и разрешения⁴.

---

1 Федюнин А.Е. Теоретические и прикладные проблемы использования технических средств в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2007. – С. 24.

2 Федеральный закон РФ от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Российская газета. – № 265. – 26.12.2008.

3 Обзор судебной практики Верховного суда РФ «Обзор судебной практики Верховного суда РФ за второй квартал 2011 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 11. – 2011.

4 Приказ Министерства внутренних дел РФ от 29.08.2014 № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел РФ заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о

Изложенное, свидетельствует о лоскутной информатизации досудебного этапа уголовного судопроизводства, которая проявляется в отсутствии единого связующего ядра в рамках уголовно-процессуальных отношений (единой концепции их информатизации), а также ведомственной информатизационной раздробленностью (например, информационные системы правоохранительных органов реализованы с использованием различного программного обеспечения).

Академией Генеральной прокуратуры Российской Федерации активно осуществляется разработка программных комплексов автоматизированного рабочего места прокурора, которые предоставят в будущем возможность перейти от создания отдельных электронных документов к ведению «электронного уголовного дела»¹, и осуществления в целом прокурорского надзора за соблюдением прав граждан в уголовном судопроизводстве удаленно посредством информационных технологий.

Нормативное определение «Электронного уголовного дела» в настоящее время отсутствует. «Современное» уголовное дело представляет собою отражение результатов процессуального взаимодействия участников уголовного процесса в процессуальных документах.

«Полноценное» электронное уголовное дело является отдаленной перспективой будущего и требует разрешения ряда организационно-технических и нормативных вопросов, учета рисков информатизации уголовного судопроизводства. Например, в ч. 2 ст. 474 УПК РФ² указана возможность составления процессуальных документов в электронной форме, но отсутствует нормативная регламентация данного процесса. К сожалению, принятие Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об электронной подписи»³ не повлекло внесения соответствующих изменений в нормы УПК РФ, относительно применения усиленной квалифицированной электронной подписи, являющейся равнозначной подписи, исполненной в документе на бумажном носителе. Востребованность использования электронной подписи в уголовном судопроизводстве возникла не стихийно, а является результатом теоретического осмысления путей реформирования уголовного процесса России⁴.

Использование информационных технологий меняет форму, но не содержание традиционных процедур, предусмотренных в рамках уголовного процесса. Основное преимущество внедрения отдельных информационных технологий в уголовное судопроизводство заключается в сокращении временных интервалов взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства и оперативность получения

происшествиях» // Российская газета. – № 6532. – 14.11.2014.

1 Академия и прокуратура Новгородской области: внедрение в работу прокуроров автоматизированных систем «АРМ Прокурора» // Новости Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://agprf.org/news/2013/news100.html> (дата обращения: 10.10.2013 г.).

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 22.10.2014) от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. – № 249. – 22.12.2001.

3 Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об электронной подписи» // Парламентская газета. – № 17. – 14.04.2011.

4 Калиновский К.Б., Маркелова Т.Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. – 2001. – № 6. – С. 18.

разрешенной в рамках закона информации, что способствует соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства¹.

Полагаем, что в системе межведомственного электронного оборота, именно Прокуратура Российской Федерации может выступить интегратором систем документооборота правоохранительных органов в целях осуществления надзора за соблюдением прав граждан и координации деятельности правоохранительных органов при противодействии преступности. Первоочередной задачей является регламентация единых принципов составления и оборота процессуальных документов в электронной форме, которая должна найти свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве, а не в ведомственных нормативно-правовых актах.

Таким образом, в настоящее время назрела необходимость законодательного регулирования в уголовно-процессуальном законодательстве России использования информационных технологий. Использование информационных технологий является дополнительным гарантом соблюдения принципов уголовного судопроизводства при условии достижения паритета рисков информатизации и результативности обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

---

¹ Халиуллин А.И. Электронная подпись в уголовном процессе России // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6. – С. 1228.

*ХАЛИФАЗОДА Мухаммадризо Ниёз,
начальник Управления Генеральной
прокуратуры Республики Таджикистан по
надзору за исполнением законов в органах
внутренних дел и контролю за наркотиками,
советник юстиции 1 класса, кандидат
политических наук*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ И ОПТИМИЗАЦИЯ ДАННОЙ ПРОЦЕДУРЫ

Освещение того или иного института уголовно-процессуального законодательства конкретной страны было бы неполным без анализа истории его развития и сравнения с аналогичными институтами законодательств других стран и нормами международного права.

В связи с этим в начале хотелось бы вкратце осветить историю формирования уголовно-процессуальных законодательств стран постсоветского пространства за годы их независимости.

Известно, что уголовно-процессуальные законодательства первого десятилетия постсоветского развития наших стран, были представлены уголовно-процессуальными кодексами шестидесятых годов, которые опирались на Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года.

Принятие новых Конституций, признающих права и свободы человека высшей ценностью, а их защиту и обеспечения целью государства, вызвала жизненную необходимость изменения содержания и направленности уголовного судопроизводства в сторону его максимально возможного согласования с правами и свободами человека.

В связи с этим в странах СНГ с разной последовательностью начали приниматься новые Уголовно-процессуальные законодательства.

Первым, новый УПК был принят в Узбекистане в 1994 г, далее в Казахстане 1997 г., Армении и Грузии в 1998 году, Кыргызстане и Беларуси в 1999 г.

Ко второму десятилетию независимости новые УПК принимали Азербайджан в 2000 г., Российская Федерация в 2001 году, Туркмения и Таджикистан в 2009 году.

Одним из последних, новый УПК был принят в Украине 13 апреля 2012 года.

В настоящее время начался этап принятия уголовно-процессуальных кодексов второго поколения эпохи независимости, который ознаменуется принятием нового обновленного УПК Республики Казахстан от 4 июля 2014 года, вводимое в действие с 1 января 2015 года.

Важнейшими задачами новых УПК являются соблюдение баланса охраняемых законом интересов личности, общества и государства при осуществлении борьбы с преступностью и применении мер уголовно-процессуального принуждения.

Одной из таких мер является **задержание**, которое будучи важным средством обеспечения правоохранительной деятельности государства, вместе с тем, неизбежно связано с ограничением прав и свобод граждан.

Условием сохранения баланса интересов при применении данного института является предельное чёткое правовое регулирование основания, сроков, порядка осуществления и оформления задержания.

Анализы показывают, что сохраняя общие корни, уголовно-процессуальные законодательства стран региона СНГ используют различные подходы при определении основных элементов института задержания.

Понятие «задержание». В частности, однозначно рассматривая задержание как меру процессуального принуждения, при определении самого понятия «задержание» ими используются разные критерии.

В одних странах этим критерием является «цели», в других сроки, а в третьих внешнее проявление действий, направленных на определение причастности лица к совершению преступления.

Так, УПК Таджикистана (ст. 91. ч. 1) и Беларуси (ст. 107) под задержанием понимают доставку лица в орган уголовного преследования и его кратковременного содержания под стражей.

Новый УПК Казахстана, использует в основу понятия задержания его цели т.е. пресечение преступления и обеспечение производства по уголовному делу (ст. 128).

В УПК Кыргызской Республики (статья 5) и Узбекистана (ст. 220) под задержанием понимается уже состоявшийся факт краткосрочного лишения свободы подозреваемого.

УПК Российской Федерации, не раскрывая сущность задержания, регламентирует лишь его сроки и момент их исчисления (ст. 5).

На наш взгляд, разработка идеального понятия «задержание» требует избрание собирательного подхода, который включал бы как цели и внешнее проявление так и сроков применения данной меры процессуального принуждения.

Процедура задержания. Важным условием соблюдения прав граждан в процессе задержания является установление в законе процедуры осуществления задержания.

Среди стран региона, только УПК Узбекистана содержит краткое описание этой процедуры, которая заключается в следующем: установив одну из оснований задержания, работник правоохранительного органа обязан сообщить подозреваемому, что он задержан по подозрению в совершение преступления, и потребовать от него последовать в ближайшее учреждение милиции или иной правоохранительный орган. При этом, он также обязан разъяснить задерживаемому процессуальные права на телефонный звонок или сообщение адвокату либо близкому родственнику, иметь защитника, отказаться от дачи показаний, а также уведомить, что данные им показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу против него. Задерживающее лицо обязано называть себя и по требованию задерживаемого предъявить документ удостоверяющий его личность (ст. 224).

Более подробная процедура задержания регламентирована на уровне подзаконного акта в Таджикистане.

В Инструкции «О задержании», утвержденной совместным приказом Гене-

рального прокурора и руководителей правоохранительных органов Республики Таджикистан от 24 октября 2012 года, подробно описана процедура задержания, в том числе принудительного доставления, условия и порядок применения физической силы и специальных средств при задержании и т.д.

Сроки задержания. УПК стран СНГ придерживаются разных позиций также и относительно сроков задержания.

Этот срок в Кыргызской Республике и Российской Федерации установлен до 48 часов, в Казахстане, Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане и Беларуси до 72 часов.

При этом УПК Беларуси допускает задержание лица, подозреваемого в совершении особо тяжких преступлений, перечисленных в самом Кодексе, до десяти суток (ст. 108 ч. 4).

В Казахстане, Кыргызской Республике, Туркменистане и Беларуси установленные сроки задержания являются окончательными и продлению не подлежат.

Продление срока задержания в судебном порядке предусмотрено в УПК Узбекистана на 48 часов, Таджикистана и Российской Федерации на 72 часа.

Наблюдается противоречивость также в регулировании вопроса о том **с какого момента лицо считается задержанным.**

Так по УПК Узбекистана этот срок исчисляется *с момента доставления* (ст. 226), что чревато не включением в срок задержания времени, прошедшей с момента фактического задержания до доставления.

УПК Туркменистана (ст. 144), Кыргызской Республики (ст. 97 ч. 2) и Таджикистана (ст. 92) исчисляют этот срок *с момента задержания*, что также является неопределенным, ибо задержанием называется весь процесс реализации данной меры процессуального принуждения, начиная от физического захвата до освобождение лица или применение к нему меры пресечения в виде заключения под стражу.

Данный пробел в Таджикистане устранил Постановлением Пленума Верховного Суда от 25 июня 2012 года, №1 «О применение норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по противодействию пыткам (п. 15), которым предусмотрено исчисление данного срока с момента фактического задержания.

Из рассматриваемых стран только УПК Российской Федерации (ст. 5 п.11), Беларуси (ст. 108 ч.1 п.3) и Казахстана (ст.128 нового УПК) прямо предусматривают исчисление срока задержания *с момента фактического задержания*.

При этом, понятие момента фактического содержания дается лишь в УПК Российской Федерации, новом УПК Казахстана, а также на уровне подзаконного акта в Таджикистане.

Так, пункт 15 статьи 5 УПК РФ под моментом фактического задержания понимает – момент фактического лишения свободы передвижения подозреваемого лица.

Более развернутое понятие этого момента дается в пункте 13 упомянутого Постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 25 июня 2012 года, №1, где предусмотрено понимать под фактическим задержанием – лишение лица возможности свободно передвигаться и совершать иные действия по своему усмотрению (захват, физическое удержание, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или остаться на месте и т.п.).

Наиболее лаконичным и исчерпывающим представляется разъяснение данного понятия в новом УПК Казахстана, который под фактическим задержанием понимает – ограничение свободы задержанного лица, включая свободу передвижения, принудительное удержание в определенном месте, принудительное доставление в органы дознания и следствия (захват, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или остаться на месте и так далее), а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие личную свободу человека, с момента с точностью до минуты, когда указанные ограничения стали реальными, независимо от придания задержанному какого-либо процессуального статуса или выполнения иных формальных процедур (п. 29 ст. 7).

Примечательными в том аспекте являются два момента:

– по УПК Узбекистана (ст. 226) и Российской Федерации (ст. 94 ч. 2) следователи или прокуроры могут непосредственно обратиться в суд за продлением срока задержания, тогда как в Таджикистане (ст. 111 ч. 5 УПК) этот вопрос может возникнуть только при рассмотрении судом ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу;

– в Узбекистане (п. 10 ст. 243 УПК) и Российской Федерации (ст. 108 ч. 3 п. 7 УПК) суд может продлить срок задержания также и по ходатайству стороны защиты для представления доказательств, подтверждающих отсутствия надобности в применении меры пресечения в виде ареста.

Доставление. Не наблюдается единый подход также по определению понятия, сущности, сроков и процедуры осуществления доставления.

В УПК Таджикистана (ст. 91) и Беларуси (ст. 107) доставление рассматривается как компонент задержания, а в Туркменистане (ст. 129) целью задержания.

При этом в УПК практически всех стран региона доставление также рассматривается как этап с которого начинается срок проведения проверочных мероприятий, составление протокола задержания, разъяснении прав и принятии процессуального решения о задержании или освобождении лица.

Совершенно новому и оригинальному подходу по этому вопросу придерживается новый УПК Казахстана.

Статьей 129 данного Кодекса, специально посвященной доставлению, оно признано самостоятельной от задержания мерой процессуального принуждения, принимаемой на срок не более трех часов в целях выяснения причастности лица к уголовному правонарушению. Только при подтверждении такой причастности, орган уголовного преследования вправе осуществить задержание. При этом срок доставления включается в общий срок задержания.

На наш взгляд, проблески неофициального признания доставления как относительно обособленной меры процессуального принуждения можно просматривать также и в УПК Беларуси, Таджикистана и Узбекистана, которые отводят на проверку обоснованности задержания лишь определенную часть общего срока задержания.

Так, в Республике Беларусь орган дознания, следователь или прокурор в течение трех часов с момента доставления подозреваемого принимают решение о задержании, либо освобождают задержанного. При необходимости дальнейшего задержания, т. е обоснованности подозрений, выносится постановление о задержании,

которое является основанием для кратковременного содержания под стражей (ст. 110 ч. 2 УПК).

В Таджикистане на проверку обоснованности подозрений в отношении задержанного по подозрению в совершении преступления до возбуждении уголовного дела отводится – 12 часов (ст. 92 ч. 2), в Узбекистане 24 часов с момента доставление задержанного. В случае необоснованности задержания выносятся постановление об освобождении задержанного (ст. 225 УПК).

Анализ соответствующих норм УПК позволяет прийти к выводу о том, что доставленные лица, будучи фактически задержанными, не всегда приобретают статус подозреваемого.

На наш взгляд, нарождающийся в УПК стран региона институт доставления является удобной площадкой для разработки на его основе понятие «задержанного», определение статуса задержанного и реализации высказываемой учеными–правоведами идеи признания задержанного как самостоятельного от подозреваемого, временного участника процесса.

Разъяснение прав задержанному. Другим важным элементом института задержания является разъяснение прав задержанному.

Международные стандарты, в частности Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принцип 13) требуют, чтобы задержанному в начале задержания или вскоре после него разъяснялись его права и то как он может их осуществить.

Позиция УПК стран СНГ по этому вопросу не всегда соответствуют международным стандартам.

В частности, УПК Туркменистана не разъясняя момент разъяснение прав задержанному, упоминает о нем лишь при регулировании порядка проведения допроса подозреваемого (ст. 143).

УПК Кыргызской Республики (ст. 95), Таджикистана (ст. 94) и Российской Федерации (ст. 92) отодвигают разъяснение прав задержанному к моменту оформления протокола задержания, который составляется в течение трех часов с момента доставления.

УПК Республики Беларусь, пытаясь максимально минимизировать время разъяснение прав задержанному, привносит в этот вопрос противоречие. Так, пунктом 2 части 2 статьи 41 Кодекса предусмотрено право подозреваемого получать письменное уведомление о своих правах «немедленно по задержании или объявлении меры пресечения». В части 1 статьи 110 этого же Кодекса момент разъяснение прав привязывается к моменту составления протокола задержания, который должен быть составлен «немедленно после доставление задержанного».

Представляется, что использование слово «немедленно» в обоих случаях не означает разъяснение прав задержанному в момент фактического задержания.

Наиболее близкую к международным стандартам позицию по этому вопросу, занимают УПК Казахстана (ст. 131 ч. 1) и Узбекистана (ст. 224), которые предусматривают двухэтапный момент разъяснение прав – краткое разъяснение важнейших прав на месте фактического задержания и подробное после доставления в орган уголовного преследования.

Уведомление членов семьи задержанного. Другим требованием международных стандартов является уведомление в максимально короткие сроки о задержании и месте содержания задержанного кого-либо из членов семьи или других родственников.

Среди рассматриваемых стран региона только УПК Казахстана (ст.64) и Узбекистана (ст. 224) предусматривают право задержанного на месте фактического задержания сообщить по телефону членам семьи или кому либо из родственников о факте своего задержания.

УПК Кыргызской Республики, (ст. 99), Таджикистана (ст. 100), Беларуси (ст. 115) и Российской Федерации (ст. 96) отводят для этого 12 часов, а Туркменистана (ст. 141) 24 часов.

Следует отметить, что по мнению международных организаций, 12 часовой и тем более 24 часовой срок уведомления членов семьи задержанного, являются неоправданно длительными.

Протокол задержания. Эффективность правового регулирования института задержания во многом зависит от того насколько чётко в законе определены требования относительно сроков составления, содержания, субъектов правомочных на оформление, а также порядка предъявления протокола задержания.

УПК стран региона едины в том, что протокол задержания составляется после доставления задержанного в орган уголовного преследования. При этом УПК Беларуси (ст. 110) и Узбекистана (ст. 225) предусматривают составление протокола немедленно, а Кыргызской Республики (ст. 95), Казахстана (ст. 131 ч. 2), Таджикистана (ст. 94) и РФ (ст. 92) в течение трех часов с момента доставления.

Международные стандарты, в частности Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принцип 12) требуют, чтобы в протоколе задержания как минимум отражались время и причины задержания, фамилии должностных лиц участвовавших в задержании, а также точные данные относительно места содержания.

УПК стран региона в основном соответствуют этим стандартам. Дополнительно к этому УПК Узбекистана предусматривает включение в протокол задержания – обстоятельств задержания (ст. 225), Туркменистана – объяснения задержанного (ст. 140), а Казахстана – сведений о состоянии здоровья задержанного (ст. 131 ч. 2 п. 3).

Вместе с тем, требованию международных норм об указании в документах о задержании фамилии имени и должности лиц, непосредственно осуществивших фактическое задержание лица соответствуют не все УПК стран региона.

Только новый УПК Казахстана (ст.1 31 ч. 2 п.2) и Узбекистана (ст. 225) содержат требование об указании в протоколе задержания сведений о том кем осуществлено задержание подозреваемого. При этом УПК Узбекистана предусматривает также подписание протокола задержания компетентным лицом, осуществившим задержание.

Необходимость указания инициалов и должности лиц, осуществивших задержание лица в документах о задержании в Таджикистане предусмотрено Инструкцией «О задержании» от 24 октября 2012 года (п.п. 13 и 46).

Доступ к адвокату. Другой гарантией соблюдения прав задержанных является их доступ к защитнику.

УПК практически всех стран региона в общих нормах, регламентирующих правовое положение защитника, признают возможность его участия с момента фактического задержания. Однако на практике допуск защитника в этой стадии является проблематичным.

Поэтому многие УПК придерживаются правил разъяснения задержанному право на приглашение защитника и дачи показания в его присутствии в момент составления протокола задержания.

Если задержанный желает воспользоваться этим правом, составление протокола задержания и его последующий допрос осуществляется в присутствии защитника.

Законодательствами отдельных стран региона предусмотрены дополнительные гарантии прав задержанных на защиту.

Так, по новому УПК Казахстана (ст. 64. Ч. 2) и УПК Узбекистана (ст. 230) первое свидание задержанного с защитником предоставляется до первого допроса.

Конкретизируя положения статьи 22 УПК Республики Таджикистан, упомянутая выше Инструкция «О задержании» от 24 октября 2012 года предусматривает допуск защитника к задержанному с момента задержания без промедления. При этом подчеркивается, что консультация защитника с задержанным обеспечивается в зоне видимости сотрудника правоохранительного органа в условиях исключительной возможности прослушивания их содержания (пп. 23-24).

Медицинское освидетельствование. Медицинское освидетельствование задержанного относится к современным компонентам института задержания.

УПК большинства стран региона, сохраняя прежние традиции, рассматривают медицинское освидетельствование как процессуальное действие, направленное на обнаружение на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, состояние опьянения и иных фактов имеющих значение для уголовного дела. Такое освидетельствование проводится самим следователем и только при возникновении необходимости с участием врача (напр. ст. 179 УПК РФ, ст. 186 УПК РТ и т. д.).

Только новый УПК Казахстана, будучи уголовно-процессуальным законом нового поколения, регламентирует проведение медицинского освидетельствования на столь раннем этапе уголовного преследования, коим является задержание.

Частью 2 статьи 131 данного Кодекса установлено, что при заявлении подозреваемым ходатайства он подлежит освидетельствованию врачам для установления общего состояния его здоровья и наличия телесных повреждений. В этом случае заключение медицинского освидетельствования прилагается к протоколу задержания.

Более детальная регламентация данного вопроса в Таджикистане содержится в Инструкции «О задержании» от 24 октября 2012 года, которым предусмотрено обязательное проведение медицинского освидетельствования задержанного сразу после регистрации его доставки, описана процедура проведения освидетельствования и оформление её результатов. Акт медицинского освидетельствования приобщается к протоколу задержания и является его неотъемлемой частью.

Таким образом, анализы показывают, что УПК рассматриваемых стран региона СНГ во многом отвечают требованиям международных стандартов в области прав человека, связанных с задержанием по подозрению в совершении преступления.

Вместе с тем, необходима дальнейшая оптимизация данного института, которая на наш взгляд должна включать следующее:

- разработка всеобъемлющего понятия «задержания», которая охватывало бы цели, внешнее проявление и сроки применения данной меры процессуального принуждения;

- описание в УПК процедуры осуществления задержания, включая физический захват, разъяснение основных прав на месте фактического ограничения свободы и доставление в правоохранительный орган;

- исчисление срока задержания с момента фактического задержания;

- сокращение сроков уведомления членов семьи или других родственников о факте задержания лица и месте содержания;

- включение в УПК норм, предусматривающих отражение в протоколе задержания фамилии, имени, отчества и должности лиц, осуществивших фактического задержание;

- конкретизацию в УПК особенностей допуска адвоката с момента задержания и предоставление ему возможности проведения консультаций до начала первого допроса;

- признание обязательным проведение медицинского освидетельствования задержанного врачом после доставления в правоохранительный орган.

Большинство из этих проблем могут быть успешно решены путем взаимного обогащения УПК стран региона, на что и направлена основная цель исследования.

ЮЛДОШЕВ Рифат Рахмаджонович, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела, доцент кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, майор милиции

ДЕЙСТВИЕ УПК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И АНАЛИЗ ВНЕСЕННЫХ ПОПРАВOK

Настоящий анализ имеет целью проанализировать те изменения и дополнения, которые произошли в уголовно-процессуальном законодательстве Таджикистана, т.е. с момента вступления в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан с 01 апреля 2010 г. и до конца ноября 2014 г¹. Анализ указанных изменений и дополнений включает в себя как количественные, так и содержательные характеристики внесенных поправок.

За юбилейный период в УПК Республики Таджикистан были внесены изменения и дополнения 11 законами Республики Таджикистан, которые подвергли существенным обновлениям порядка 79 норм УПК Республики Таджикистан. В основном эти изменения и дополнения носили редакционный, содержательный, иной раз грамматический характер, а порой следует признать и существенные нововведения.

В конце очередного отчетного периода принято подводить итоги и определять дальнейшие перспективы развития. Уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана в этом плане не исключение из общих правил. Как и на протяжении всех последних лет, 2014 год принес свои результаты в виде существенных изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан. Основные из них мы отразили в таблице. В нее вошли изменения, действующие на настоящий момент.

По годам принятия первых 11 законов они распределяются следующим образом:

Год	2010	2011	2012	2013	2014
Количество	1	2	5	2	11

Количество изменений, вносимых каждым из принятых законов в УПК Республики Таджикистан, различно по содержанию и не имеет однозначной связи с численностью последних:

Год	2010	2011	2012	2013	2014
Количество	2	49	11	6	11

В УПК Республики Таджикистан за анализируемый юбилейный период его

¹ Следует указать, что Законом Республики Таджикистан от 27 ноября 2014 г. № 1134 внесены изменения и дополнения в текст УПК Республики Таджикистан, которые не были проанализированы в рамках настоящего исследования.

действия был дополнен 3-мя новыми пунктами и 2-мя новыми статьями: это ст. 35.1 Порядок рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий; п. 4 ч. 1 ст. 168 Полномочия прокурора по надзору за дознанием и расследованием уголовных дел; ч. 2 ст. 251 Подсудность уголовных дел; ч. 3 ст. 254 Подсудность уголовных дел военным судам. В новой редакции была изложена ст. 84 УПК Республики Таджикистан, которая регламентирует использование результатов оперативно-розыскной деятельности. Что же касается новых статей, то большинство из них восполняют пробелы и уточняют по возможности двусмысленные редакции отдельных норм УПК Республики Таджикистан.

Кроме того, утратила силу ч. 5 ст. 124 «Судебный порядок рассмотрения жалоб на решение прокурора» УПК Республики Таджикистан, которая ограничивала право на обжалование и опротестование решений судьи (суда), вынесенное в соответствии с правилами данной статьи. Законом Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 982 о внесении изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан решение Постановления Конституционного суда Республики Таджикистан от 20.12.2012 г. «Об определении соответствия ч. 5 ст. 124 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан ст. 14 и 19 Конституции Республики Таджикистан» нашло свое непосредственное воплощение. Теперь можно с уверенностью утверждать, что это маленькая победа Конституционного суда Республики Таджикистан в сфере оптимизации норм УПК Республики Таджикистан. Необходимо отметить, что признание не соответствующим Конституции Республики Таджикистан ряда норм УПК Республики Таджикистан стало приоритетным направлением Конституционного суда. Надеемся на продолжение «редакторской» деятельности Конституционного суда.

11 изменений и дополнений в таджикском уголовно-процессуальном законодательстве

В контексте данной работы также хотелось бы указать на те Законы Республики Таджикистан, которыми вносились изменения и дополнения в отдельные нормы УПК Республики Таджикистан.

1. Закон Республики Таджикистан от 21 июля 2010 г. № 618: ч. 1 ст. 394 Замена не отбытой части наказания более мягким; ч. 2 ст. 395 Замена исправительных работ и штрафа другими мерами наказания.

2. Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 692: п. 12 ч. 1, ст. 35 Полномочия суда; ст. 37 Полномочия руководителя специализированного органа по борьбе с коррупцией; п. 8, ч. 1 ст. 39 Следователь; п. 9 ч. 1 ст. 39 Следователь; п. 3 ч. 1, ч. 4, ст. 41 Начальник подразделения дознания; п. 4 ч. 2 ст. 60 Понятой; ст. 84 Использование результатов оперативно-розыскной деятельности; п. 3 ч. 2 ст. 86 Собираание доказательств; ч. 4 ст. 153 Деятельность органов дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно; ч. 4 ст. 162 Место производства предварительного следствия; п. 2 ч. 1, п. 15 ч. 1 ст. 168 Полномочия прокурора по надзору за дознанием и расследованием уголовных дел.

3. Закон Республики Таджикистан от 02 августа 2011 г. № 755: п. 4 ст. 6 Основные понятия; ч. 3 ст. 9 Законность при производстве по уголовным делам; ч. 3

ст. 12 Охрана прав и свобод личности при производстве по уголовным делам; ст. 35.1 Порядок рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий; ч. 1 ст. 43 Частный обвинитель; п. 12 ч. 3 ст. 54 Гражданский ответчик; ч. 6 ст. 59 Переводчик; п. 6 ч. 1 ст. 61 Обстоятельства, устраняющие судью от участия в рассмотрении уголовного дела; п. 2 ч. 1 ст. 90 Обстоятельства, подлежащие установлению по делам несовершеннолетних; ч. 4, п. 1 ч. 5 ст. 111 Заключение под стражу; ч. 7 ст. 112 Сроки содержания под стражей и порядок их продления; ч. 1 ст. 123 Жалобы на действия (бездействие) и решения органа дознания, следователя и прокурора; ст. 129 Отказ в признании гражданским истцом; ч. 2 ст. 137 Последствия пропуска и его восстановление; ч. 1 ст. 144 Сообщение средств массовой информации; ч. 1, ч. 7 ст. 145 Обязательность принятия и рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении; ч. 1 ст. 147 Возбуждение уголовного дела частно-публичного обвинения; ч. 1 ст. 153 Деятельность органов дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно; ч. 2, ч. 7 ст. 161 Подследственность предварительного следствия уголовных дел; ч. 5 ст. 164 Срок предварительного следствия; п. 4 ч. 1 ст. 168 Полномочия прокурора по надзору за дознанием и расследованием уголовных дел; ч. 1, ч. 8 ст. 172 Протокол следственного действия; ч. 8 ст. 183 Порядок производства осмотра; ст. 195 Наложение ареста на почтовые отправления, телеграфные и другие сообщения, передаваемые по сети электрической и почтовой связи, их осмотр и выемка; ч. 1 ст. 202 Порядок допроса свидетеля и потерпевшего; ч. 2 ст. 251 Подсудность уголовных дел; ч. 3 ст. 254 Подсудность уголовных дел военным судам; ст. 405 Сроки пересмотра в порядке надзора приговоров, определений, постановлений судов; п. 3 ч. 2 ст. 410 Состав и порядок рассмотрения уголовного дела по протесту или жалобе; ст. 425 Обстоятельства, подлежащие установлению; ч. 1 ст. 453 Порядок ускоренного производства.

4. Закон Республики Таджикистан от 16 апреля 2012 г. № 809: ч. 1 ст. 62 Обстоятельства, исключающие повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела; ч. 9 ст. 111 Заключение под стражу; ч. 7/8 ст. 310 Упрощенный порядок судебного следствия.

5. Закон Республики Таджикистан от 03 июля 2012 г. № 864: ч. 1 ст. 109 Залог; ч. 4 ст. 114 Временное отстранение от должности.

6. Закон Республики Таджикистан от 01 августа 2012 г. № 878: ч. 3 ст. 79 Хранение вещественных доказательств; ч. 1 ст. 80 Сроки хранения вещественных доказательств; ч. 5 ст. 185 Осмотр и хранение вещественных доказательств.

7. Закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2012 г. № 927: ч. 2 ст. 24 Дела частного, частно-публичного и публичного обвинения.

8. Закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2012 г. № 932: ч. 4 ст. 357 Право кассационного обжалования и опротестования приговора; ч. 1 ст. 403 Протест в порядке надзора на вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда.

9. Закон Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 982: исключена ч. 5 ст. 124 Судебный порядок рассмотрения жалоб на решение прокурора.

10. Закон Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 983: ч. 1 ст. 159 Органы предварительного следствия; ч. 3, ч. 12 ст. 161 Подследственность предва-

рительного следствия уголовных дел; п. 18 ч. 1 ст. 168 Полномочия прокурора по надзору за дознанием и расследованием уголовных дел; ст. 169 Производство предварительного следствия группой следователей.

11. Закон Республики Таджикистан от 14 марта 2014 г. № 1067:

1. Часть 3 статьи 18 после слов «вручаются им» дополнить словами «завренными соответствующим образом».

2. В абзаце пятнадцатом статьи 35 слова «настоящим Кодексом» заменить словами «законодательством Республики Таджикистан».

3. В абзаце четвертом части 3 статьи 78 слова «деньги и иные ценности, нажитые преступным путем» заменить словами «доходы, полученные преступным путем, независимо от их легализации (отмывания)».

4. В части 5 статьи 164 слова «, военного гарнизона» исключить и после слов «до шести месяцев,» дополнить словами «Главным военным прокурором,».

5. В части 2 статьи 235 слова «фамилия и должность» заменить словами «фамилия, имя, отчество и должность».

6. В статье 248:

- текст статьи считать частью 1 и перед словом «Прокурор» дополнить цифрой «1.»;

- статью дополнить частью 2 следующего содержания;

«2. Прокуроры городов и районов, приравненные к ним прокуроры утверждают обвинительное заключение по уголовным делам по подследственности, за исключением уголовных дел о преступлениях, по которым Уголовным кодексом Республики Таджикистан предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертная казнь. Обвинительное заключение по уголовному делу о преступлениях, по которым Уголовным кодексом Республики Таджикистан предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертная казнь, утверждаются по подследственности Генеральным прокурором Республики Таджикистан, его заместителями, Главным военным прокурором, прокурором Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, транспортного прокурора Таджикистана и их заместителями.»

7. В статье 350 слова «защитнику, обвинителю» заменить словами «государственному обвинителю, защитнику,».

8. Из части 2 статьи 363 слова «избрание, изменение или отмена меры пресечения,» исключить.

9. В части 1 статьи 409 слова «рассмотрения вопроса принесения кассационного протеста соответствующему суду» заменить словами «изучения обоснованности судебных решений».

10. Абзац второй части 1 статьи 421 после слов «суда города Душанбе» дополнить словами, «судов городов и районов республиканского подчинения».

Частично проанализированные новшества в УПК Республики Таджикистан подтверждают не профессиональный подход к своим обязанностям законодателей Таджикистана. Редакционная правка УПК Республики Таджикистан еще раз доказывает, что в спешке принимаемые законы в скором времени нуждаются в совершенствовании. Не согласованность и должная апробация (еще до введения в действие

проекта УПК) с представителями институтами гражданского общества, независимыми экспертами, учеными-процессуалистами отдельных разделов, глав и некоторых статей, в свою очередь создают трудности и диктуют буксовку в их реализации и понимании. Уяснение для себя и разъяснение для других – это скорее основа деятельности правоприменителя, который действует в режиме полного царствования слепого следования указаниям руководства в рамках расследования по отдельным уголовным делам.

В качестве ориентира, таджикскому законодателю следует анализировать и учитывать последовательную законотворческую деятельность некоторых развитых стран СНГ (к примеру Российская Федерация, Казахстан, Туркменистан, Армения и др.), где при выявлении подобных проблем акцентируют свое внимание на мировую практику и освоению необходимых знаний для координации и оптимизации правотворческой деятельности в сфере уголовно-процессуального законодательства в целях недопущения максимального противоречия в нормах УПК, но с учетом специфических особенностей отечественного законодательства и дальнейшей ее гармонизации и унификации.

Результаты мониторинга УПК Республики Таджикистан и ее влияние на действенность законодательства

Начиная с 2005 года, а может и быть раньше Центр по правам человека и Общественный Фонд «Нота бене» проводят различные мониторинги действия УПК Республики Таджикистан.

Под мониторингом¹ понимается планомерное, систематическое, проводимое по определенной схеме изучение определенного фрагмента социальной действительности. При этом мониторинг является одним из компонентов деятельности, направленной на изменение действительности без использования насилия.

Среди всех этих мониторингов хотелось бы остановиться именно на двух предпоследних мониторингах и результатах опубликованной одной конференции, а именно:

1. *Результаты мониторинга практики применения Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан.* – Душанбе, 2011.

2. *Мониторинг влияния нового УПК РТ на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия: анализ законодательства и правоприменительной практики.* – Душанбе: Общественный Фонд «НОТАБЕНЕ», 2012.

3. *Практика применения Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и рекомендации по его совершенствованию // под ред. Маджитова А. М., Камоловой Е. Д.* – Душанбе, 2012.

В этих работах частично анализируется суть проводимых реформ в сфере уголовно-процессуального законодательства.

---

¹ Центр по правам человека использует в своей деятельности это понятие, разработанное специалистами Хельсинкского Фонда по Правам Человека, Варшава.

Реалии и возможности исправления системных ошибок УПК Республики Таджикистан

Уголовное судопроизводство Таджикистана переживает эпоху нового становления и развития. Прежде всего, эпоха связана с периодом проведения в стране судебно-правовых реформ, которые благополучно завершились. Завершение в свою очередь не определяет окончание периода реформ, а является своего рода подготовкой к следующему этапу. Ожидание очередной Программы судебно-правовых реформ свелось на нет. Ходят слухи, что якобы разрабатывается новая Программа, но о ее содержании ничего неизвестно. Публичные обсуждения отсутствуют, видимо у разработчиков совсем иные цели.

Две Программы, если условно можно так выразиться, залатали чуть ли не все дыры в отечественной системе законодательства и улучшили только судебную систему. Единственным недостатком указанных Программ являлась их узкая специализация, т.е. только оптимизация судебной системы. В правовой части этих документов указали цель принятия нескольких нормативных правовых актов (в части ключевых кодексов). Остальные аспекты совершенствования остались также за бортом.

Теперь перейдем к названию раздела. Название данного раздела выглядит голословным, если не учесть те актуальные проблемы, которые ставят и создают на каждом ее этапе применения искусственные барьеры, препятствующие ее развитию. Данная авторская идея не появилась спонтанно, а является своего рода видением пробелов и трудностей, с которыми сталкиваются отечественные правоприменители. Следует учесть, что одиннадцатая поправка УПК Республики Таджикистан от 14 марта 2014 г. не смогла кардинально решить те или иные проблемы, которые затрагиваются в данной работе¹.

Анализ этого раздела условно разделен на несколько подразделов, которые в свою очередь составляют основу анализа:

1. *Смешанная уголовно-процессуальная модель;*
2. *Состязательность и равноправие сторон в контексте возбуждения уголовных дел судами;*
3. *О терминологии текста закона.*

1. Смешанная уголовно-процессуальная модель. Активное участие противоборствующих в уголовном процессе стороны обвинения и стороны защиты, по моему мнению, являются характерной особенностью состязательного уголовного процесса. Состязательный характер уголовного процесса есть особенность, свойственная природе уголовного процесса, всего построения уголовно-процессуальной системы. Однако таджикский законодатель во время принятия ныне действующего УПК Республики Таджикистан рассматривал, по моему мнению, состязательность только как один из принципов уголовного процесса, хотя при этом презюмировал, что этот принцип лежит в основе как досудебного производства, так и всего произ-

---

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 14.03.2014 г. № 1067 // Джумхурият. – 2014. – № 54 (22 359). – 20 апреля.

водства по уголовным делам.

Полагаю, что современный уголовный процесс в Таджикистане официально провозглашен состязательным, но в реальности представляет собой смешанную модель уголовного процесса. УПК Республики Таджикистан сохранил смешанную форму уголовного процесса с присущим ей предварительным расследованием при широких полномочиях органов расследования и прокурора по осуществлению уголовного преследования посредством возбуждения уголовного дела, собирания доказательств обвинения в ходе проведения предварительного расследования и разрешения на основе них обвинительных доказательств уголовного дела по существу при задержании лица в качестве подозреваемого, при вынесении постановления привлечении лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, и изменении и дополнении предъявленного обвинения, при избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения и иных мер уголовно-процессуального принуждения, при составлении обвинительного заключения, при утверждении прокурором обвинительного заключения и при направлении прокурором уголовного дела в суд с указанным обвинительным заключением. Вдобавок ко всему изложенному, законодатель также обеспечил судам право возбуждать уголовные дела в случаях, предусмотренных УПК Республики Таджикистан и направлять для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы. Об этой новелле таджикского законодателя подробнее остановлюсь на следующем подразделе.

2. Состязательность и равноправие сторон в контексте возбуждения уголовных дел судами. Для полноты анализа, процитирую всю статью 20 УПК Республики Таджикистан, так как данная норма является основой и в свою очередь порождает ряд проблем, которые оставлять за бортом анализа выглядит крайней формой безразличия к нововведению.

Статья 20. Состязательность и равноправие сторон

1. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправии сторон.

2. Суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или защиты. Суд обеспечивает стороны условиями для осуществления процессуальных прав и обязанностей.

3. Стороны обвинения и защиты равноправны в уголовном судопроизводстве и наделены равными возможностями отстаивать свою позицию.

Следует иметь в виду, что наделив суд правом возбуждать уголовные дела и направлять возбужденные уголовные дела для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы (статья 35 часть 1 абзац 15 УПК Республики Таджикистан), таджикский законодатель в то же время не предусмотрел в УПК четкого механизма реализации данного полномочия суда. В этой связи многие суды и судьи либо произвольно применяют свое право возбуждать уголовные дела, либо используют порядок возбуждения уголовных дел судами (судьями), который был предусмотрен статьями 3, 103-111, 257, 258, частью 2 статьи 263 УПК Таджикской ССР (в ред. 1961 г.). Это не просто пустые слова. Законодатель также прошел дальше, указав в одиннадцатой поправке УПК

Республики Таджикистан во второй части следующее уточнение, а именно «**2. В абзаце пятнадцатом статьи 35 слова «настоящим Кодексом» заменить словами «законодательством Республики Таджикистан»**».

Следовательно, до настоящего времени не существовало единой правоприменительной практики возбуждения уголовных дел судами и судьями, о чем свидетельствуют материалы специально проведенного мониторинга, которым было установлено, что по результатам рассмотрения судьями заявлений о преступлениях частного обвинения, выносят постановление о возбуждении уголовного дела и принимают данное дело к своему производству, после чего рассматривают их по существу¹.

Напоминаю, что в соответствии со статьей 24 УПК Республики Таджикистан уголовные дела о преступлениях классифицированы на уголовные дела частного, частно-публичного обвинения, публичного обвинения. Если судьям ориентироваться на абзац 15 части 1 статьи 35 УПК Республики Таджикистан, то им следует всегда возбуждать уголовные дела частного обвинения, частно-публичного обвинения, публичного обвинения по заявлению потерпевшего (частного обвинителя). Стадии возбуждения уголовного дела посвящены глава 3 (статьи 24, 25), главы 17 и 18 (статьи 140-150) и глава 37 (статья 354) УПК Республики Таджикистан. Ни в одной из указанных статей УПК не предусмотрено участие суда (судьи) в механизме принятия решений о возбуждении уголовных дел о преступлениях публичного, частно-публичного и частного обвинения. Согласно указанным статьям УПК Республики Таджикистан уголовные дела публичного и частно-публичного обвинения правомочны возбуждать прокурор, следователь, начальник следственного отдела, дознаватель, орган дознания, начальник подразделения дознания, и они же при определенных условиях правомочны возбуждать уголовные дела частного обвинения. Помимо этого в соответствии со статьей 354 УПК Республики Таджикистан уголовное дело частного обвинения возбуждается пострадавшим или его законным представителем путем подачи в суд заявления о привлечении лица к уголовной ответственности за совершенное им преступление частного обвинения. Об участии судьи в возбуждении уголовного дела частного обвинения не говорится ни в статье 354, ни в иных статьях УПК Республики Таджикистан. Как тогда может говорить законодатель, что в предусмотренных случаях, а теперь и в соответствии с законодательством Республики Таджикистан суд должен возбуждать уголовные дела? Увы, но ответ очевиден и требует срочного реагирования.

Если в ходе судебного разбирательства уголовного дела или при осуществлении судебного контроля один из его участников сообщает о совершении преступления, то данное сообщение в общем порядке фиксируется в протоколе судебного заседания. Содержащаяся в протоколе судебного заседания (в выписке из него) информация о совершенном или готовящемся преступлении, направляемая судом в правоохранительные органы, в настоящее время подпадает под понятие сообщения о преступлении, полученного из иных источников (статья 143 УПК Российской Федерации). Получив такую информацию, соответствующее должностное лицо в общем порядке

---

¹ Результаты мониторинга практики применения Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. – Душанбе, 2011. – С. 18.

составляет рапорт об обнаружении признаков преступления¹, а в нашем случае непосредственное обнаружение дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления (часть 1 статьи 140 УПК Республики Таджикистан).

Таковой должна быть реальная правоприменительная практика, где суды при первичном выявлении признаков преступления, должны направлять их соответствующим правоохранительным органам в особом порядке. Такие сообщения направляются судом в органы предварительного расследования в тех случаях, когда в ходе рассмотрения уголовного или гражданского дела обнаруживаются признаки другого преступления.

Цивилисты в отличие от процессуалистов правильно решили данную проблему, указав, что в случае, если в действиях сторон, других участников процесса, должностных лиц или другого лица, суд выявит признаки преступления, то направляются соответствующие материалы органам прокуратуры для возбуждения уголовного дела в отношении этого лица. Данное положение должно применяться независимо от того, какое дело рассматривается судом и в каком порядке (часть 3 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан).

В целом схожая позиция обосновывается и в работе А.М. Маджитова, который указывает, что во исполнение предписаний принципа равенства и состязательности сторон в уголовном процессе, а также независимости (беспристрастности) суда и другими принципами уголовного процесса, для обеспечения правильного концептуального понимания полномочий суда, необходимо исключить право суда возбуждать уголовное дело и выдвигает рекомендацию об исключении из части 1 статьи 35 УПК Республики Таджикистан абзац 15-й, а абзац 16 считать 15-м². Эти рекомендации были поддержаны и единогласны утверждены в рамках конференции, проходившей в Таджикистане³.

Также хотелось бы выразить несколько слов о последних законодательных тенденциях в сфере полномочий судов Таджикистана. Законодатель желая того или нет, латает все дыры в УПК Республики Таджикистан, тем самым прямо или косвенно соприкасаясь с анализируемой проблемой и прямо усиливает полномочия других судов судебной системы. Так, Законом Республики Таджикистан от 02.08.2011 г. за № 755 в статье 251 появилась новая часть 2, которая закрепляет, что городские и районные суды в ходе досудебного производства по уголовному делу принимают решение по вопросам, предусмотренным в части 1 статьи 35 и в статье 124 настоящего Кодекса, если законодательством Республики Таджикистан не предусмотрен иной порядок. Аналогичными полномочиями усилены также и гарнизонные военные суды (часть 3 статьи 254 УПК Республики Таджикистан). Провели шлифовку текста УПК

1 Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / отв. ред. И.С. Дикарев. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2012. – С. 65.

2 Практика применения Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и рекомендации по его совершенствованию / под ред. Маджитова А.М., Камоловой Е.Д. – Душанбе, 2012. – С. 11.

3 Конференция «Гармонизация и развитие уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан», организованная Американской Ассоциацией Юристов Программы Верховенства Права в Таджикистане (АБА РОЛПИ), которая состоялась 29 февраля по 1 марта 2012 г. включительно.

Республики Таджикистан, а о спорных судебских полномочиях забыли как обычно.

В целях недопущения повторения своих авторских выводов по данной проблеме, читателю предлагаю ознакомиться с проведенным специальным исследованием¹.

Исключение суда (судьи) из числа органов и должностных лиц, имеющих право возбуждать уголовные дела, самое правильное решение и целесообразно это учитывать в последующих реформах уголовно-процессуального законодательства.

В заключении следовало бы определить современное состояние, перспективы развития и решения анализируемой проблемы. Тенденция, которая охватила законодателя, правоприменителя и научную общественность выглядит аморфной с учетом хаотичных решений законодательного корпуса и долгим молчанием научных работников. Тщательный анализ и освобождение судебных органов от несвойственных им в настоящее время (по сути и содержанию) обвинительных полномочий является прерогативой решения данной проблематики, которая способна создать беспристрастный и независимый судебный корпус, призванный справедливо решать вопрос о виновности или невиновности лица, совершившего преступление, а в некоторых случаях реабилитация невиновного и других судебных полномочий, не связанных с обвинением. Порой, а то и часто обвинительный уклон в деятельности судов Таджикистана превосходит все границы. В таких случаях усмотрение судьи (судей), внутреннее убеждение и соответствующая квалификация судьи (судей) должны играть главную и решающую роль в решении тех или иных проблемных вопросах. Следует также указать и на телефонное право, которое искореняет все и вся. Проанализированное думается, не заставит себя долго ждать, рано или поздно законодатель задумается об этом, приведет порядок в этом «бардаке» и будет следовать точным и неуклонным идеям, задуманным в рамках судебно-правовых реформ.

3. О терминологии текста закона. Вопрос терминологии уголовно-процессуального законодательства Таджикистана стал актуальнее с принятием нового УПК Республики Таджикистан. Принятый закон в одночасье не смог решить все проблемы, связанные с формулировкой названия тех или иных процессуальных институтов, а то и с простейшими наименованиями следственных действий и процессуальными статусами должностных лиц.

Данное блуждание законодательного корпуса началось с отталкиванием в процессе подготовки проекта УПК Республики Таджикистан от соответствующих ученых-процессуалистов, юристов-лингвистов, которые могли бы подсказать или направить в русло идентичного оформления терминологию отечественного уголовно-процессуального законодательства. Внося что-то новое, не всегда удается сохранять то самое лучшее, которое стало для всех обиходным и понятным. Увы, но данная тенденция стала традиционной для нас. Я молчу о несоответствии текста УПК Республики Таджикистан на русском языке – таджикскому, а иногда и наоборот. Все это порождает единую мысль, что в спешке принимаемые законы в скором времени нуждаются в совершенствовании и в дополнительном согласовании с другими нормами.

---

¹ Юлдошев Р.Р. Регулирование УПК Республики Таджикистан полномочий суда по возбуждению уголовного дела : научно-аналитический обзор. – Душанбе : Издательство «Типография МВД», 2014. – 40 с.

УПК Республики Таджикистан в первичном варианте был принят на таджикском – государственном языке и позже был переведен на русский язык. Отсюда как мне кажется, и все эти проблемы терминологии, а то и в тексте грубые упущения, пробелы, а местами даже расхождения. Иногда, по истечении пяти лет действия УПК Республики Таджикистан и активного ее восхваления в отдельно взятых научных кругах, со стороны активно пишущих и говорящих ученых и начинающих, все еще чувствуется слабая разработка данного текста и неграмотная ее оптимизация в виде внесения изменений и дополнений.

Резюмируя все вышеизложенное, следует констатировать тот факт, что разработка и принятие, а также перевод УПК Республики Таджикистан на русский язык стало феноменом в данной области. Перевод превзошел всех и вся. Искажение и расхождение, неправильное толкование, неясность терминологии и прямые противоречия способствуют редактированию текста УПК Республики Таджикистан с учетом всех особенностей государственного языка и языка межнационального общения. Поднятие данного уровня и смыслового содержания текста УПК Республики Таджикистан станет реальным воплощением всех идей новаторов и устранением частично указанных недостатков.

Изменения и дополнения текста УПК Республики Таджикистан, которые касаются как содержания, так и отдельных недостатков, не всегда имеют цель систематизации и конкретизации его норм, как в общем плане, так и в отдельных аспектах. Концептуальные основы в реформировании того или иного законодательства порой, а то и часто законодателем не учитываются и разрабатываются проекты законов без их учета и общего согласования, что по моему мнению, чревато последствиями. Проанализированные мною проблемы, являются неким ориентиром в исправлении системных ошибок, которые были допущены при кодификации.

*ЮРЧИШИН Виталий Дмитриевич,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Прикарпатского
юридического института Национального
Университета «Одесская юридическая
академия», кандидат юридических наук,
доцент*

ПОДСУДНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА КОМПЕТЕНТНЫЙ СУД: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Среди правовых институтов, которые процессуально и организационно определяют основы построения судебной системы, важное место занимает межотраслевой (процессуальный) институт подсудности. Правила института подсудности устанавливают какой конкретно суд должен рассмотреть то или иное дело. При этом, вопрос об установлении суда и его состав решается учитывая, какой суд является наиболее приспособленным для рассмотрения конкретного дела по существу¹. В таком случае возникает необходимость разграничить полномочия различных звеньев судебной системы, а также отдельных судов каждого звена по осуществлению правосудия в конкретных уголовных делах. Ведь распределение уголовных дел между различными судами, входящих в судебную систему Украины, осуществляется согласно правилам подсудности, установленными в § 1 главы 3 УПК Украины.

Под подсудностью понимается совокупность юридических признаков уголовного преступления (место его совершения, связь уголовных правонарушений между собой и их соотношение по тяжести и времени совершения) и некоторых признаков самого уголовного производства (места окончания досудебного расследования, личности обвиняемого, возможности осуществить судопроизводство в данном суде, места жительства обвиняемого, большинства потерпевших или свидетелей, а также инстанции судебного производства), согласно которым уголовно-процессуальный закон определяет, какой суд имеет право и обязан осуществлять по конкретному уголовному преступлению уголовное производство по существу, а также производство по пересмотру судебного решения.

Термин «подсудность» не следует отождествлять с такими терминами как «компетенция» или «полномочия» суда. Хотя они и связаны между собой, но не являются тождественными. Считаю, что термины «компетенция» и «полномочия» в уголовном процессуальном смысле следует рассматривать в совокупности с таким понятием как «предмет ведения». Поскольку с этимологической точки зрения термины «предмет ведения» и «полномочия» выступают составными элементами термина «компетенция»². К тому же, традиционно в процессуальных отраслях права, компе-

1 Оверчук С.В. Поняття та види підсудності в кримінальному процесі України: дис. ... канд. юрид. наук. – К., 2005. – С. 14.

2 Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов. – М., 1990. – С. 289; Великий тлумачний словник

тенция суда рассматривается в двух наиболее распространенных значениях: 1) перечень вопросов, отнесенных к ведению суда – определенные законодательством общественные отношения, которые составляют предмет его правового регулирования; 2) сфера полномочий суда, которые составляют совокупность их прав и обязанностей¹.

Установление правил подсудности имеет важное значение для правильного функционирования судебной системы, а также для выполнения судами возложенных на них задач и определения суда, компетентного осуществлять уголовное производство в отношении конкретного уголовного преступления. Подсудность является эффективным средством, которое способствует тому, чтобы конкретное уголовное дело рассматривалось и решалось судом законным, компетентным, независимым и беспристрастным, как того требуют ст. 7 Всеобщей декларации прав человека, ч. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Согласно п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод «каждый при установлении обоснованности любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, имеет право на рассмотрение судом, установленным законом». А согласно ч. 1 ст. 8 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей», никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в суде, к подсудности которого оно отнесено процессуальным законом.

С помощью правил о подсудности обеспечивается также равенство всех граждан перед законом и судом (ст. 24 Конституции Украины и ст. 10 УПК Украины). Будучи одним из проявлений этой конституционной основы, четко установлена законом подсудность приобретает признаки субъективного права человека на законного судью, то есть права любого человека знать заранее, какой именно суд и в каком составе в соответствии с законом правомочен осуществлять в отношении него судебное разбирательство, если такая необходимость возникнет. Так, Европейский суд по правам человека в решении по делу «Дидье против Франции» (*Didier v France*) от 27 августа 2002 года указывает, что учитывая принципы, которые закреплены в его прецедентной практике и его автономное толкование понятия «суд», которое закреплено в п. 1 ст. 6 Конвенции, следует для цели этой нормы рассматривать как «суд», независимо от ее классификации в национальном законодательстве. Кроме того, он отмечает, что «суд» за содержанием ст. 6 – это и суд за содержанием ст. 2 Протокола № 7. Наконец Суд отмечает, что «судебный орган, должен иметь полную юрисдикцию», и таким образом он выступает «судом»².

Нарушение правил о подсудности является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона. Поэтому в случае принятия судом решения относительно уголовного преступления с нарушением правил о подсудности, это решение подлежит отмене как такое, что принято незаконным составом суда (п. 2 ч. 2 ст. 412 УПК Украины). Определением подсудности является процессуальная деятельность прокурора и следователя, а также суда по установлению юридических

сучасної української мови [уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел]. – К.: Ірпінь, 2007. – С. 560.

1 Кримінальний процес: підручник / Ю.М. Грошевий, В.Я. Тацій, А.Р. Туманянц та ін. – Х., 2013. – С. 518; Кримінальний процес: підручник / В.В. Коваленко, Л.Д. Удалова, Д.П. Письменний. – К., 2013. – С. 89–90.

2 Джеремі Макбрайд. Європейська конвенція з прав людини та кримінальний процес. – К.: «К.І.С.», 2010 – С. 224.

признаков уголовного производства и суда, компетентного рассматривать данное дело по существу.

Составным элементом подсудности является ее классификация на отдельные виды. Развитие дифференциации подсудности в уголовном процессе зависит от развития процессуальной формы и обстоятельств политико-социального характера. В связи с чем, одни виды подсудности возникают, а другие – исчезают. Во всех случаях, когда классификация на виды не произвольная, а основывается на признаках, существенных для данного явления, освещает законы связи между видами, процессы перехода в ходе развития от одного вида к другому, ее исследование имеет ценное познавательное и практическое значение. При этом, всегда следует учитывать, что границы между видами, как правило, имеют достаточно условный и относительный характер.

В зависимости от юридических признаков, определяющих подсудность по осуществлению конкретного уголовного производства, уголовно-процессуальный закон (ст. 32 и 33 УПК Украины) выделяет следующие виды подсудности: а) территориальную (местную); б) инстанционную.

Территориальная подсудность определяет, в суде какой административно-территориальной единицы будет осуществляться уголовное производство в отношении конкретного уголовного преступления по существу, т.е. распределяет уголовные дела между местными судами.

По общему правилу определения территориальной подсудности, уголовное производство осуществляется в том суде, в пределах территориальной юрисдикции которого совершено уголовное правонарушение. Итак основным юридическим признаком для определения территориальной подсудности является место совершения уголовного правонарушения, которое согласно п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК Украины относится к обстоятельствам, подлежащих доказыванию по каждому уголовному производству. Местом совершения преступления является место выполнения лицом последних действий, образующих объективную сторону состава уголовного преступления, независимо от места наступления общественно опасных последствий. Причем «место совершения уголовного преступления» в контексте ч. 1 ст. 32 УПК Украины рассматривается лишь как признак, позволяющий определить подсудность уголовного производства, – это единица административно-территориального деления, на основании которой построена судебная система в целом¹.

Кроме общего правила, закон предусматривает также и специальные правила определения территориальной подсудности:

а) в случае если было совершено несколько уголовных правонарушений, уголовное производство осуществляет суд, в пределах территориальной юрисдикции которого совершено более тяжкое правонарушение, а если они были одинаковыми по тяжести, – суд, в пределах территориальной юрисдикции которого совершено последнее по времени уголовное правонарушение (ч. 1 ст. 32 УПК Украины). Данные правила позволяют выделить в пределах территориальной подсудности ее подвид – подсудность по связи дел, которая связана с возможностью объединения в одном

¹ Кримінальний процесуальний кодекс України: Науково-практичний коментар / Від. ред.: С.В. Ківалов, С.М. Міщенко, В.Ю. Захарченко. – Х., 2013. – С. 95-96.

производстве материалов уголовных производств по двум и более уголовным правонарушениям;

б) если место совершения уголовного преступления установить невозможно, уголовное производство осуществляется судом, в пределах территориальной юрисдикции которого закончено досудебное расследование (ч. 1 ст. 32 УПК Украины). Имеется ввиду суд, в пределах территориальной юрисдикции которого составлен обвинительный акт, ходатайство о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера, ходатайство об освобождении лица от уголовной ответственности. Исходя из правил определения подсудности по месту окончания досудебного расследования, на практике решается вопрос подсудности и в тех случаях, когда место совершения уголовного преступления не может быть точно установлено (например, уголовное правонарушение совершено во время полета на воздушном или переезда на железнодорожном транспорте)¹;

в) если уголовное производство в отношении судьи должно осуществляться тем судом, в котором обвиняемый занимает или занимал должность судьи, уголовное производство осуществляет суд, наиболее территориально приближенный к суду, в котором обвиняемый занимает или занимал должность судьи, другой административно-территориальной единицы (ч. 2 ст. 32 УПК Украины). Причем буквальное толкование содержания ч. 2 ст. 32 УПК Украины позволяет сделать вывод, что здесь имеется в виду наиболее территориально приближенный суд, расположенный в другой области или приравненной к ней административно-территориальной единицы².

В данном аспекте, следует отличать подсудность и принцип специализации судов. Принцип специализации является основополагающим с точки зрения организации любого из специализированных судов, поскольку именно на основании этого принципа суды общей юрисдикции специализируются на рассмотрении гражданских, уголовных, хозяйственных, административных дел, а также дел об административных правонарушениях (ч. 1 ст. 18 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей»). Ведь специализация судебной системы (ч. 1 ст. 125 Конституции Украины) как специальное проявление общетеоретического принципа распределения функциональных полномочий может иметь внешние и внутренние проявления. Согласно внешней специализации создается отдельная подсистема судов, которые имеют четко очерченную юрисдикцию и правила рассмотрения дел³. В Украине по этому принципу внешней специализации создана сеть хозяйственных и административных судов. Кроме того, Законом Украины «О судоустройстве и статусе судей» предусмотрена возможность дальнейшего развития специализированных судебных подсистем в рамках судов общей юрисдикции, что может быть обусловлено развитием соответствующих общественных отношений. В частности, активно дискутируются возможности создания ювенальных судов (которые будут рассматривать дела в

1 Кримінальний процес: підручник / Ю.М. Грошевий, В.Я. Тацій, А.Р. Туманянц та ін. – Х., 2013. – С. 520.

2 Кримінальний процесуальний кодекс України: Науково-практичний коментар / Від. ред.: С.В. Ківалов, С.М. Міщенко, В.Ю. Захарченко. – Х., 2013. – С. 96.

3 Теліпка В.Е. Закон України «Про судоустрій і статус судів». Науково-практичний коментар. – К., 2011. – С. 92.

отношении несовершеннолетних), земельных судов и т.д.

Внутренняя специализация судебной деятельности реализуется в функциональном распределении обязанностей между судьями одного суда, когда создаются специальные палаты (отдельные структурные единицы) или выделяются отдельные судьи, которые рассматривают только определенные категории дел, отнесенные к юрисдикции данного суда. Наибольшее воплощение внутренняя специализация приобретает в апелляционных и высших судебных инстанциях (высшие специализированные суды, Верховный Суд Украины), где создаются отдельные палаты по рассмотрению определенных категорий дел. Такое распределение функциональных обязанностей в рамках одного суда направлено на повышение компетентности судьи при рассмотрении дел.

Именно в этом аспекте следует различать специальную подсудность от персональной, поскольку первая выступает исключением из общей подсудности, а вторая – зависит от специфики субъекта уголовного преступления. Хотя и специальными субъектами согласно уголовного процессуального законодательства Украины выступают несовершеннолетние (ч. 10 ст. 31 УПК Украины), должностные лица (ч. 9 ст. 31 УПК Украины) и судьи (ч. 6 ст. 48 Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей», ч. 2 ст. 32 УПК Украины), однако совершенные ими уголовные преступления рассматриваются судами общей юрисдикции в соответствии с принципом специализации судебной системы. Кроме того, в связи с этим возникают противоречия между принципом равенства граждан перед законом и судом и действующими правилами специальной и персональной подсудности: с одной стороны, для всех должен существовать один суд и единственный закон, а с другой – существуют исключения для определенных категорий дел или лиц¹.

Определение подсудности уголовного производства осуществляется прокурором при составлении и отправке в суд ходатайства об освобождении лица от уголовной ответственности (ч. 2 ст. 286 УПК Украины), следователем и/или прокурором – обвинительного акта, ходатайство о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера (ст. 291 и 292 УПК Украины). Правильность определения подсудности проверяется местным судом во время подготовительного судебного заседания (ч. 3 ст. 314 УПК Украины) и коллегией судей апелляционного суда или Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел – при решении вопросов о направлении уголовного производства из одного суда в другой (ч. 2 и 3 ст. 34 УПК Украины).

В ст. 33 УПК Украины определяются правила инстанционной подсудности, которые наряду с правилами о территориальной подсудности составляют алгоритм определения компетентного суда по осуществлению уголовного производства. Инстанция, инстанционность – это процессуальные понятия, с помощью которых в процессуальных кодифицированных актах определяется порядок производства в судебных инстанциях (судебного производства в первой инстанции или по пересмотру судебных решений)².

1 Оверчук С.В. Поняття та види підсудності в кримінальному процесі України: дис. ... канд. юрид. наук. – К., 2005. – С.113.

2 Назаров І. Значення принципу інстанційності для організації судової системи України та

Принцип инстанционности судебной системы обусловлен необходимостью достичь оптимального соотношения между двумя требованиями: 1) правосудность судебного решения – система судебных инстанций в итоге должна обеспечить законность и справедливость судебного решения по делу; 2) доступность и своевременность судебного решения – система судебных инстанций не должна быть слишком большой, поскольку их прохождения было бы очень дорогим, а потому недоступным для сторон; окончательное судебное решение по делу необходимо принять как можно скорее, чтобы вовремя была достигнута определенность в спорных правоотношениях (неопределенность имеет отрицательное нравственное и экономическое влияние на участников правоотношений).

Принципиально важно не допустить ситуации, чтобы тот же суд выполнял по делу функции двух или более инстанций. Во-первых, суд не может дважды рассматривать то же дело, ведь при пересмотре своего решения он вряд ли захочет отклоняться от него. Это вытекает из принципа, что никто не может быть судьей в своем деле. А если в одном суде, но в разных инстанциях дело и рассматривают различные судьи, то все равно останутся обоснованные сомнения в их беспристрастности, поскольку результаты пересмотра могут зависеть от личных отношений этих судей. Во-вторых, дело в высшей инстанции должны рассматривать судьи, к квалификации которых предъявляются повышенные требования по сравнению с судьями низших инстанций, а к судьям судов одного уровня установлены одинаковые требования. К тому же лучшим способом не допустить ситуации, когда один и тот же суд выполняет в деле функции двух и более инстанций, считается наделение каждого судебного звена функциями только одной инстанции¹.

На конституционном уровне инстанционность прямо не названа среди принципов организации судебной системы, однако именно по этому критерию в частях 2, 3 и 4 ст. 125 Конституции Украины определена структура системы судов общей юрисдикции. В отличие от Основного Закона, Закон Украины «О судостроительстве и статусе судей» наряду с территориальностью и специализацией прямо относит инстанционность к принципам построения системы судов общей юрисдикции (ч. 1 ст. 17). А Конституционный Суд Украины в своем решении № 1-12/2011 от 12 июля 2011 г. отмечает, что под принципом инстанционности следует понимать такую организацию судебной системы, которая обеспечивает право на пересмотр решения суда низшей инстанции вышестоящей².

Инстанционная подсудность определяет, в суде какой инстанции, входящей в систему общих судов, будет осуществляться уголовное производство по сути или производство по пересмотру судебных решений, то есть, в зависимости от этапа уголовного производства позволяет распределить уголовные дела между судами первой, апелляционной и кассационной инстанции, а также Верховным Судом Украины.

европейських країн // Юридична Україна. – 2009. – № 5. – С. 121-125.

1 Куйбіда Р.О. Реформування правосуддя в Україні: стан і перспективи: монографія. – К., 2004. – С. 39-43, 47.

2 Рішення Конституційного Суду України у справі №1-12/2011 щодо принципу інстанційності в системі судів загальної юрисдикції від 12 липня 2011 року – [Електронний ресурс] // Режим доступу до документа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v009p710-11/page>

Итак, инстанционная подсудность определяет компетенцию отдельных звеньев судебной системы на основании выполняемых ими функций: рассмотрения и решения дел по существу, апелляция и кассация, а также пересмотр дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Правила инстанционной подсудности определены таким образом, чтобы обеспечить равные возможности обжалования судебных решений – для каждого уголовного производства обычно предусмотрено одинаковое количество судебных инстанций с тем, чтобы право лица на обжалование процессуальных решений, действий или бездействия и пересмотре судебного решения необоснованно не ограничивалось.

Нарушение судом правил инстанционной подсудности в любом случае влечет неправосудность судебного решения и как следствие – его отмену на основании п. 2 ч. 2 ст. 412 УПК Украины.

Несоблюдение установленных ст. 34 УПК Украины оснований и порядка передачи дела из одного суда в другой рассматривается как нарушение права человека на компетентный суд, ведь согласно ч. 1 ст. 21 УПК Украины каждому гарантируется право на справедливое рассмотрение и разрешение дела в разумные сроки независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

РЕЗОЛЮЦИЯ

международной научно-практической конференции «Достижения, проблемы и перспективы развития Уголовно- процессуального законодательства Республики Таджикистан»

03 ДЕКАБРЯ 2014 Г.

г. ДУШАНБЕ

03 декабря 2014 года в Белом Конференц-зале комплекса «Душанбе-Плаза» (г. Душанбе) состоялась международная научно-практическая конференция «Достижения, проблемы и перспективы развития Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан».

По результатам обсуждений,

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ РЕШИЛИ:

1. Признать, что для усовершенствования и оптимизации ряда норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан необходима консолидация плодотворной деятельности ученых и практиков, а также объединение усилий всех государственных и общественных структур, имеющих непосредственное отношение к решению проблем уголовного судопроизводства.

2. Максимально приблизить текст к современному правопониманию, чтобы правоприменитель двояко не толковал нормы УПК Республики Таджикистан.

3. Провести редакционную, техническую и лингвистическую экспертизу текста УПК Республики Таджикистан.

4. Устранить нормы материального права из текста УПК Республики Таджикистан.

5. Ввести в статью 6 УПК Республики Таджикистан дефиницию «задержанный».

6. Устранить ведомственный конфликт между органами прокуратуры и суда в целях санкционирования некоторых мер пресечения, которые впоследствии решениями прокурора отменяются. Исходя из иерархии, судебное решение отменяется вышестоящим судом, а решение прокурора вышестоящими прокурором.

7. Рассмотреть возможность внедрения процессуальной фигуры «су-

дебный следователь» в целях устранения противоречий в процедуре санкционирования некоторых мер пресечения, которые ограничивают конституционные права и свободы человека и гражданина.

8. Подготовить рабочую комиссию независимых экспертов из числа ученых различных ВУЗов, международных организаций, аккредитованных в Таджикистане и сотрудников правоохранительных органов для подготовки комментария к УПК Республики Таджикистан.

9. Признать не своевременным положение Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан от 19.02.2011 г. за № 1021, утвержденной Постановлением Правительства Республики Таджикистан, которая ставит одним из главных следующую цель: в перспективе укрепления судебной власти, защиты прав и свобод человека и гражданина, эффективности проведения следствия, в будущем исключить ведение предварительного следствия (предварительное дознание и следствие) и введение судебного следствия по уголовным делам (Ч. 19, п. 55 Концепции). Реформа предварительного расследования должна исходить из процессуального единства уголовно-милицийской деятельности, т.е. ОРД, «доследственной проверки» и собственно следствия.

10. Предложить законодателю во исполнение предписаний принципа равенства и состязательности сторон в уголовном процессе, независимости (беспристрастности) суда, а также и другими корреспондирующими принципами уголовного процесса в целях обеспечения правильного концептуального уточнения полномочий суда, необходимо исключить право суда возбуждать уголовное дело из ч. 1 ст. 35 УПК Республики Таджикистан абзац 15-й, а абзац 16 считать 15-м.

11. Признать актуальными проблемы соблюдения и обеспечения прав граждан при задержании и оптимизации данной процедуры с учетом передовой практики и опыта зарубежных стран с постепенным внедрением гласности и открытости в фиксировании результатов задержания с последующим их использованием различными участниками уголовного судопроизводства в оспаривании тех или иных своих позиций в рамках расследуемого уголовного дела и в других соответствующих стадиях уголовного судопроизводства.

12. Обосновать позицию о том, что законодательные пробелы и практические трудности в обеспечении права на защиту в таджикском уголовном судопроизводстве присутствуют и требуют их немедленного устранения в установленном законодательном порядке с учетом реалий правоприменительной практики отечественных правоохранительных и правозащитных органов.

13. Необходимость консолидации и полной реализации принципа состязательности и равноправия сторон в таджикском уголовном судопроизводстве с реальным воплощением в жизнь обеспечения и реализации основных процессуальных прав и обязанностей участников уголовного

судопроизводства с указанием на них как на актуальных проблем с перспективой осуществления истинно состязательной модели уголовного судопроизводства.

14. Предложить представителям органов государственной власти устранить уголовно-процессуальные и административные барьеры в деятельности субъектов уголовного процесса по собиранию, проверке и оценке доказательств с последующим их использованием в качестве доказательств по уголовным делам.

15. Признать необходимость совершенствования правоприменительной практики и устранение нормативных коллизий, связанных с применением отдельных мер пресечения, ограничивающих/затрагивающих основные конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства.

16. Предложить законодателю уточнять и по мере возможности в процедуре внесения изменений и дополнений в текст УПК Республики Таджикистан привлекать в качестве независимых экспертов из числа ученых различных ВУЗов, международных организаций, аккредитованных в Таджикистане и сотрудников правоохранительных органов предлагать свои взгляды и мнения по обсуждаемым законопроектам.

17. Опубликовать сборник материалов Международной научно-практической конференции «Достижения, проблемы и перспективы развития Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан» и направить в государственные структуры, субъектам законодательной инициативы, а также в заинтересованные организации и учреждения для использования в практической деятельности, а также в научно-исследовательской деятельности, учебной работе и обеспечить общий доступ к сборнику для общественности.

**БАРОИ ҚАЙДҲО
ДЛЯ ЗАПИСИ**

**БАРОИ ҚАЙДҲО
ДЛЯ ЗАПИСИ**

**БАРОИ ҚАЙДҲО
ДЛЯ ЗАПИСИ**

**ДАСТОВАРДҶО, ПРОБЛЕМАҶО ВА ДУРНАМОИ ИНКИШОФИ
ҚОНУНГУЗОРИИ МУРОФИАВИИ ҶИНОЯТИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

**Маводи конференсияи байналмилалии илмӣ-амалӣ
(Душанбе, 03 декабри с.2014)**

**ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**Материалы международной научно-практической конференции
(Душанбе, 03 декабря 2014 г.)**

Художественный редактор: Исаев А.
Технический редактор: Шарифов М.

БИ № 5288

Подписано к печати 19.11.2014 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 22,0. Усл.изд.лист. 19,0.
Тираж 250 экз. Заказ № 8. Цена договорная.

Издательское предприятие «Ирфон»
Министерства культуры Республики Таджикистан,
734018, г. Душанбе, улица Н. Карабаева, 17.
E-mail: irfon_company@mail.ru